

И. Е. ПРИСЬ

ЗНАНИЕ
В КОНТЕКСТЕ

Тела мысли

Игорь Прись

Знание в контексте

«Алетейя»

2022

УДК 165
ББК 87.22

Прись И. Е.

Знание в контексте / И. Е. Прись — «Алетейя», 2022 — (Тела мысли)

ISBN 978-5-00165-478-0

«Знание в контексте» – критика предпосылок аналитической эпистемологии и философии науки, которые суть предпосылки философии модерна, с точки зрения эпистемологии сначала-знания Тимоти Уильямсона, контекстуального реализма Жослена Бенуа и реалистической интерпретации философии позднего Витгенштейна. В книге, наряду с традиционным подходом к знанию и альтернативной эпистемологией сначала-знания, рассматривается ряд других эпистемологических теорий и, в частности, эпистемология добродетелей, безопасная эпистемология, эпистемологический дизъюнктивизм, гибридные эпистемологические теории. Также рассматриваются такие вопросы и проблемы, как определение знания, проблема Гетье, скептицизм, ценность знания, структура рациональности, эпистемологические контекстуализм и релятивизм, знание-как, групповое знание, перспективизм, философские проблемы квантовой механики, виртуальная реальность и другие. Утверждается, что эпистемология сначала-знания превосходит другие эпистемологические теории и совместима с витгенштейновским контекстуальным реализмом, познание самих вещей возможно, а онтология чувствительна к контексту. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 165
ББК 87.22

ISBN 978-5-00165-478-0

© Прись И. Е., 2022

© Алтейя, 2022

Содержание

Введение	9
1. Неавтономность эпистемологии	9
2. Метафизика модерна	11
3. Реализм и первичность знания	15
Список использованных источников	19
Часть 1	22
Глава 1	23
1. Стандартное определение знания	23
2. Случаи Гетье	24
3. Интернализм и теория истины как соответствия	26
4. Квазистандартные определения знания	29
5. Традиционное определение знания с исторической точки зрения	30
6. Эпистемологический дизъюнктивизм	33
7. Случаи Гетье (продолжение)	34
8. Эпистемологический контекстуализм К. ДеРоуза	36
9. Общий метод построения случаев Гетье	37
Глава 2	39
1. Эволюция эпистемологических теорий после Гетье	39
2. От интернализма к экстернализму	40
3. Радикальный экстернализм. Пример «Чак»	41
4. Вероятность и модальность. Случай лотере	42
5. Условия (принципы) восприимчивости и безопасности	43
6. Случаи Гетье (продолжение)	44
7. От безопасной эпистемологии к безопасной эпистемологии добродетелей	48
8. От безопасной эпистемологии добродетелей к эпистемологии добродетелей без риска	50
9. О двух формулировках условия безопасности и эпистемическом риске	51
Список использованных источников	57
Глава 3	61
1. Пропозициональное везение	61
2. Модальное везение	62
3. Примеры	64
Список использованных источников	65
Часть 2	66
Глава 1	67
1. Первичность мнения, вторичность знания	67
2. Знание = мнение + истинность + (обоснование) + X	67
3. Интернализм vs экстернализм	69
4. Теория истины как соответствия	71
5. Обоснование	72
6. Мысленный эксперимент против когерентизма	73
7. Байесовская и частотная вероятности	73
8. Скептическая проблема	74

9. Идея привилегированного эпистемического доступа	75
10. Норма для мнения и фундаментальная эпистемическая ценность	76
11. Эпистемические монизм и плюрализм	76
12. Знание и действие	77
Глава 2	78
1. Первичность знания	78
2. Фактивность обоснования (инфаллибилизм)	78
3. Очевидность = знание	79
4. Знание – ментальное состояние	79
5. Контекстуальный реализм	80
6. Концепция семейного сходства	81
7. Витгенштейн о знании. Связь между семантикой и эпистемологией	81
8. Дефляционистская интерпретация истины как соответствия	83
9. Неанализируемость концепта знания	83
10. Знание как наиболее общее фактивное ментальное состояние	84
11. Критика эпистемологии сначала-опыта	85
12. Скептическая проблема о существовании внешнего мира	85
13. Скептицизм и релятивизм как обратная сторона догматизма (абсолютизма)	85
14. Контекстуализм vs релятивизм	87
15. Неоперационность эпистемологии сначала-знания	90
16. Аргумент несветимости ментальных состояний	90
17. Очевидностная вероятность	91
18. Знание – норма для мнения и утверждения	91
19. Аналогия между знанием и действием	93
20. Контекстуализм и практическое рассуждение	94
21. Принцип доверия с точки зрения ЭСЗ	95
22. ЭСЗ и петлевая эпистемология Витгенштейна	96
23. ЭСЗ и эпистемологический дизъюнктивизм	97
24. ЭСЗ применительно к самой философии	98
25. Ценность знания	99
Список использованных источников	100
Глава 3	103
Введение	103
1. Знание как успешное мнение	104
2. Сравнение с позицией С. Хетерингтона	106
Заключение	110
Список использованных источников	110
Глава 4	113
Глава 5	117
1. Введение	117
2. Контекстуализм Льюиса	118
3. Витгенштейновская модификация подхода Льюиса	120
4. Правила Льюиса как грамматические тавтологии	122

5. Петлевой эпистемический контекстуализм Миона	124
6. Возражения против подхода Льюиса	126
7. Контекстуальное определение знания	129
8. Заключение	130
Список использованных источников	131
Часть 3	132
Глава 1	132
Раздел 1. Современные подходы к проблеме картезианского скептицизма	132
Раздел 2. Скептическая проблема – псевдопроблема	141
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Игорь Прись

Знание в контексте

«(...) Контекст – это не столько внешнее ограничение смысла – как если бы реальность, так сказать, ударяла по смыслу извне – сколько проявление того, что смысл эффективно укоренен в реальности, а также то, что способствует конституированию самого смысла. Если смыслу не нужно “вступить в контакт” с реальностью, то это потому, что он уже активен как подлинное нормативное “движение” в пространстве реальности. Другими словами, смысл – это конкретный способ в определенных ситуативных рамках (которые могут быть более или менее абстрактными) иметь отношение к некоторой части реальности. Можно подразумевать, что что-то является таким-то и таким-то, только если на заднем плане некоторые вещи являются тем, что они есть. То, что является “тем, что оно есть”, в свою очередь, может быть охарактеризовано в других восприятиях (takings) как то или иное. Но важно, что в одном восприятии (take) реальности бэкграунд остается слепым, остаётся просто “реальностью»».

Benoist, J. Toward a contextual realism / J. Benoist. – Harvard UP, 2021. – P. xii – xiii.

Введение

1. Неавтономность эпистемологии

Никакая область философии не является и не может быть абсолютно автономной. К эпистемологии это относится, быть может, в большей мере, так как она зависит от принимаемой философии сознания, а также своих имплицитных метафизических предпосылок и, в частности, от подразумеваемой концепции реальности. Т. Уильямсон, например, пишет: «Эпистемология всегда направляется бэкграундными допущениями о природе сознания. (...) Было бы глупо оценивать эпистемологию Декарта, не принимая во внимание её связи с его философией сознания и тела» [1, р. 180]. Он даже считает, что эпистемологию можно рассматривать как раздел философии сознания. На другой аспект связи двух дисциплин указывает А. Картер с соавторами: «Центральный проект в рамках эпистемологии – понять правильную оценку мнения (*belief*)¹. Центральный проект в рамках философии сознания – понять, что есть мнение. Разумно предположить, что эти проекты, на самом деле, связаны между собой. Чтобы лучше понять, что есть мнение, необходимо рассмотреть, что происходит, когда *со мнением всё правильно*, и чтобы лучше понять, когда *со мнением всё правильно*, необходимо понять, что *такое мнения*» [2, р. 2–3]. На эпистемологии в целом и эпистемологии феноменального сознания, в частности, негативно сказывается абсолютизация понятия феномена, неверные трактовки перцептивного опыта и феноменального сознания, порождающие проблему доступа к реальности посредством перцепции и «трудную проблему» (или «проблему объяснительного провала») философии сознания.

В данной работе мы критикуем ложные предпосылки традиционной эпистемологии, – в сущности, предпосылки эпистемологии (и философии в целом) модерна, – с точки зрения эпистемологии сначала-знания Уильямсона, принимающей концепт знания в качестве первичного фундаментального концепта, витгенштейновского (контекстуального) реализма Ж. Бенуа, допускающего познание самих вещей, и нашей собственной интерпретации позднего Витгенштейна, которая близка к подходу Бенуа, но в то же время не ограничивается анализом и философской терапией, а допускает умеренную теоретизацию. На наш взгляд, терапевтический и теоретический подходы дополняют друг друга.

Эпистемология сначала-знания – теория [3]. В своих лекциях по методам философии Уильямсон говорит: «Даже *анализ* знания, такой как “Знание – обоснованное истинное мнение”, в действительности простая теория знания» [4, lecture 5]². Философские теории могут быть ложными. Так же, как и в физике, они могут опровергаться контрпримерами. В эпистемологии контрпримеры Гетье показывают, что традиционная теория знания – ложная теория. В то же время не все теории, анализы, предлагают необходимые и достаточные условия. Теория может также предлагать принципы. Эпистемология сначала-знания Уильямсона как раз и предлагает принципы, исходя из которых можно наилучшим образом объяснить эпистемические явления, а также связь между сознанием и миром³. Даже положение о неанализируемости

---

¹ В зависимости от контекста, мы будем переводить английское слово «*belief*» как «мнение», «убеждение» или «верование». Зачастую три термина употребляются как синонимичные.

² Он проводит аналогию с анализом воды: «вода есть H₂O». Это тоже простая теория – теория воды. Речь при этом не идёт об анализе слов (или концептов), а об анализе, выявлении природы самих вещей (знания и воды). Для Уильямсона философия – наука, а философский анализ, подобно, например, анализу в физике, требует построения теории, поскольку природа вещей (знания, воды, справедливости и так далее) не может быть схвачена лишь при помощи определения. Именно поэтому на вопрос Сократа «Что такое справедливость?» в диалогах Платона не было дано окончательного ответа [4, lecture 5].

³ С точки зрения Уильямсона общий принцип вывода к наилучшему объяснению (абдукция) играет важную роль не только

концепта знания, принимаемого в качестве первичного фундаментального концепта, – теоретический принцип [4, lecture 5].

На первый взгляд теоретический подход Уильямсона вступает в противоречие с терапевтическим подходом Бенуа – витгенштейновским по духу контекстуальным реализмом. Известно негативное отношение Витгенштейна к теоретизированию, и, соответственно, негативное отношение Уильямсона к некоторым витгенштейнианцам, которые делают акцент на квиетизме позднего Витгенштейна (см., например, дискуссию Т. Уильямсона и П. Хорвика) [5]. Мы, однако, полагаем, что эпистемология сначала-знания совместима с контекстуальным реализмом⁴. Более того, последний может рассматриваться в качестве метафизического основания первого.

Контекстуальный реализм отвергает догматический метафизический реализм⁵, неокантианство, традиционные феноменологические подходы и другие доктрины или семейства доктрин, не принимающие во внимание, что контекстуальность является фундаментальным эпистемическим и онтологическим свойством реальности. Наша цель – показать, каким образом правильная позиция реализма, включающая в себя реалистическое понимание перцептивного опыта и феноменального сознания, ведёт нас от традиционной эпистемологии модерна к эпистемологии сначала-знания Уильямсона, которую мы рассматриваем не просто как альтернативный традиционному, а наиболее предпочтительный в настоящее время подход в эпистемологии⁶.

в обыденной жизни и физике, но и в математике, логике и философии.

⁴ Под контекстуальным реализмом мы будем понимать синтез нашей интерпретации философии позднего Витгенштейна как «нормативного (контекстуального) реализма» и контекстуального реализма Бенуа [6–14]. На некоторые различия между нашим подходом и подходом Бенуа мы будем указывать по мере необходимости.

⁵ Надо отметить, что Уильямсон считает себя метафизическим реалистом в очень широком смысле.

⁶ Гибридные комбинации эпистемологии сначала-знания и более традиционных подходов мы отвергаем, поскольку рассматриваем их как менее фундаментальные, компромиссные теории.

2. Метафизика модерна

Под философией модерна⁷ мы понимаем философию, основанную на следующих посылах и предпосылках.

Предполагается первичность эпистемологии и, соответственно, вторичность онтологии, а также эпистемический реализм, отождествляющий истину и реальность, истинное и реальное, представленную вещь и реальную вещь как таковую. Согласно Ж. Бенуа, «(...) эпистемический “реализм” просто-напросто отождествляется с тезисом объективности истины (...)» [9, р. 26]. Но истина – эпистемическое понятие. Оно относится к другой категории, чем понятие реальности. Эпистемическое измерение вещей и их онтологическое измерение (измерение реальности) – разные измерения, к исследованию которых надо подходить по-разному. Реальность не редуцируема к истине; она первична, тогда как истина и знание вторичны. Если представление корректно, представленная вещь совпадает с самой реальной вещью. Существует, однако, различие между реальной вещью как таковой, которая существует независимо от и до своего представления, которое может иметь место или нет, и той же самой вещью, но уже представленной, идентифицированной, приобретшей смысл. Вещь как таковая обладает индивидуальностью, самостью; то есть она является сама собой – она просто такова, какова она есть. Но она не имеет идентичности. Точнее говоря, о её идентичности нет смысла говорить. Та или иная *идентичность* возникает в результате нормирования вещи, применения к ней тех или иных норм/концептов, то есть *идентификации*; она зависит от контекста – «одна и та же» вещь может быть идентифицирована по-разному. Вещь как таковая (сама вещь) реальна, поскольку то, что имеет самостоятельное бытие, не зависит от того, как оно мыслится, реально [6; 9].

Предполагается репрезентационализм (основоположники Декарт и Кант), согласно которому мы познаём вещи не непосредственно, а опосредованно, при помощи представления. Ментальные состояния и концептуальные схемы представляют внешний мир и, таким образом, как бы играют роль экрана между ним и субъектом, порождая, тем самым, проблему доступа к реальности⁸, в частности, проблему доступа сознания и языка к реальности, и проблему скептицизма. Бенуа пишет: «Репрезентационализм с необходимостью устраняет смысл реальности, так как проблему *реальности* он неизбежно подменяет проблемой *истины*. Вместе с тем, первый смысл реальности не в том, чтобы сделать истинными истинное предложение или истинный образ. Реальное определяется скорее тем фактом, что оно имеет значение, – что, следовательно, с ним надо считаться, – и через свои *эффекты*» [12, р. 55].

Предполагается первичность и активность субъекта и, соответственно, субъективизм и интернализм, утверждающий существование особой реальности субъективного, «внутреннего» (Декарт), автономность субъекта и наличие привилегированного доступа субъекта к своему собственному сознанию; дуализм субъекта и объекта познания и, соответственно, разделение мира на мир «внутренний» и мир «внешний»; объективизм, трактующий реальные вещи как (классические) объекты; перспективизм, обращающий внимание на то, что всякое познание предполагает точку зрения (и в то же время стремление к бесперспективному познанию – тому, что позднее Т. Нагель назвал «взглядом ниоткуда»).

---

⁷ Временные границы эпохи модерна можно очертить по-разному и по-разному в разных областях знания, культуры и искусства (см., например, [15]). Что касается собственно философского модернизма, то можно считать, что он начался в 17 веке (с Декарта) и продолжается до сих пор. Некоторые авторы относят начало модерна к 16 веку. Другие связывают начало модерна с эпохой континентального Просвещения или же в качестве точки отсчёта берут французскую революцию (1789 г.) [16]. В более узком смысле под модерном можно также понимать кантианскую и посткантианскую философию, включая философию XX века.

⁸ Например, Кант сформулировал проблему доступа как проблему отношения между нашим представлением и объектом.

В докантовской рационалистической метафизике познание бесконечно. Трансцендентальная философия Канта устанавливает границы познания: мы можем познавать только вещи-для-нас, то есть субъект-объектные корреляции, но не вещи-в-себе. К. Мейясу считает, что эпоха модерна – эпоха «корреляционизма». Кант, неокантианцы, Гуссерль и вообще посткантианцы – в основном корреляционисты. Мейясу пишет: «Под “корреляцией” мы понимаем идею, согласно которой, мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отлельности. Мы будем называть “*корреляционизмом*” любое направление мысли, которое утверждает непреодолимый характер корреляции, понятой таким образом» [12, с. 11].

Философский (в основном континентальный) постмодернизм второй половины XX века можно рассматривать как предельный случай философии модерна, как её вырождение. Он фактически отрицает понятия реальности и истины или же отождествляет представление и реальность. Ему характерны скептицизм и субъективизм, а также такие формы антиреализма как релятивизм и конструктивизм. Таковы негативные следствия репрезентационализма: если ментальное или лингвистическое представление опосредует доступ субъекта к реальности, то возникает вопрос о том, существует ли вообще что-то по ту сторону наших представлений. (См. также «Вместо заключения».)

Классический идеализм ставил на первое место субъекта. Субъективный идеализм, утверждающий первичность сознания, был повсеместно отвергнут. Гораздо более умеренный трансцендентальный идеализм, провозглашающий субъективность способов познания, оказался достаточно живуч и его остатки сохраняются у Хайдеггера и в феноменологии 20 века, в том числе и у Мерло-Понти – одного из наиболее реалистических феноменологов. В начале 21 века Мейясу попытался выйти за пределы трансцендентализма/корреляционизма путём преодоления корреляции и познания Абсолюта, тем самым, заметим, принимая корреляционизм всерьёз, по сути, оставаясь заложником трансцендентальной парадигмы мышления [12]. В отличие от спекулятивного реализма/материализма Мейясу, витгенштейновский контекстуальный реализм отвергает трансцендентализм как таковой, при этом, строго говоря, не являясь доктриной. Бенуа апеллирует к известной витгенштейновской метафоре с мухой, которая не может выбраться из бутылки (в русском переводе слова Витгенштейна звучат так: «Какова твоя цель в философии? – Показать мухе выход из мухоловки» [17, с. 175, § 309]), и критикует спекулятивный реализм К. Мейясу, который «претендует на то, что он разбивает бутылку». Он пишет: «Мой реализм состоит в том, чтобы просто осознать тот факт, что нет бутылки и что мы уже снаружи. Нет никакой конечности, которую нужно преодолеть, так как нет “конечности” в перспективистском смысле, изобретённом представителями модерна. Всякое знание *абсолютно*. В противном случае оно не было бы знанием» [12, р. 52, note 5] (см. также [10]). «Абсолютность» знания, о которой идёт речь, – это знание самих вещей, которое объективно в контексте. В рамках контекстуального реализма представление предполагает не априорные (трансцендентальные) условия существования объекта, а условия своей эффективности (от слова «эффект») в контексте: реальные вещи – то, что существует, – идентифицируются в контексте в результате применения соответствующих правил/ норм/концептов. Последние идеальны. Они реальны лишь в том смысле, что они сами зависят от контекста, вырабатываются и укоренены в реальности.

В XX веке, особенно во второй его половине, согласно гипотезе Ж. Бенуа, получила распространение новая разновидность идеализма – семантический идеализм, то есть идеализм смысла, утверждающий автономность смысла, который как бы оказывается «империей в империи» [18; 19]. Эта форма идеализма присуща и аналитической философии второй половины 20 века. В её рамках реальность понималась в терминах референтов, к которым отсылает внешний по отношению к ней и, так сказать, осмысливающий её смысл. Фактически идеализм смысла оперирует псевдосмыслом. Смысл, в отличие от реальных вещей, идеален. Но подлин-

ный смысл укоренён в реальности, предполагает реальные условия своего существования как смысла. То есть контекстуальный реализм преодолевает семантический идеализм, благодаря укоренению смысла в реальности. Согласно Витгенштейну, «смысл есть употребление», то есть смысл супервентен над укоренённой в соответствующей форме жизни и реальности языковой игре – употреблении языка в соответствии с его правилами.

Преодоление семантического идеализма началось примерно в 80-х годах. Но оно во многом шло путём возврата к докантовской реалистической метафизике⁹. Как следствие, современные эпистемология, философия сознания, философия науки, феноменология и другие разделы философии, содержат концептуальные смешения, не позволяющие устранить старые и даже порождающие новые философские псевдопроблемы. Контекстуальный реализм – терапевтический подход, нацеленный на их устранение¹⁰. В то же время, как уже было сказано, этот подход признаёт, что мы способны познать и познаём сами вещи.

В начале 21 века в континентальной, но также и в аналитической философии, возникли так называемые «новые реализмы» (М. Габриэль, М. Феррарис, К. Мейясу, Г. Харман, и другие), которые, на самом деле, содержат ту или иную, иногда значительную, долю антиреализма (см. критику, например, в [9; 18]). Бенуа пишет: «На самом деле, условие того, что по праву можно было бы назвать – *единственная вещь*, которую по праву можно было бы назвать – “новым реализмом” как контрастирующим с репрезентационалистским реализмом классических философов, находится как раз в этом разделении понятий «реальность» и «истина». Не в том смысле, чтобы противопоставить их друг другу – как если бы одно нам мешало получить доступ к другому, – а в смысле осознания того факта, что речь идёт о разных измерениях, поднимающих разные вопросы и требующие разных подходов, будь то на философском или артистическом уровне. Такой вновь обретенный или, быть может, просто найденный реализм, существенно предполагает *нередуцируемость реальности к истине* – тот факт, что реальность, как таковая, представляет специфическую проблему. Если идти до конца, возобновляя метафизику, как только она снова оказывается на территории, на которой её вопрос действительно ставится перед нами, он требует *первичности реальности по отношению к истине*» [12, р. 56].

Критикуя ложные метафизические предпосылки эпистемологии модерна с точки зрения нашей интерпретации позднего Витгенштейна и контекстуального реализма Ж. Бенуа, мы в то же время отвергаем семантический идеализм, возврат к некритической метафизике и антиреализм «новых реализмов» [21]. Порождаемые ими проблемы или псевдопроблемы сказываются и на эпистемологии. Эпистемология вторична по отношению к онтологии и, так сказать, сама укоренена в реальности. Неверно отождествлять эпистемический уровень и уровень самой реальности. Например, Дж. Мак-Дауэлл рассматривает перцепцию чисто эпистемически, «как способность познания» [22]. Тем самым он допускает смешение между понятиями перцептивного опыта и перцептивного знания [13; 21]. Вообще, как отмечает Бенуа, аналитическая философия сознания изучает перцепцию слишком абстрактно, то есть, по сути, не принимая во внимание реальный перцептивный опыт [13, р. 8]. К такому же выводу независимо пришли и мы, изучая, каким образом в рамках аналитической философии решаются «трудная» и «более трудная» проблемы философии сознания [14]. Слишком интеллектуализированный способ изучения перцептивного или феноменального опыта (сознания) не позволяет понять перцептивный и феноменальный опыты как таковые, в их реальности, не позволяет закрыть «объяснительный провал» между ними и теорией. На самом деле, в известном смысле первичный чувственный опыт есть сама реальность или её часть. Это не «субъективный

⁹ О «контекстах возвращения» метафизики и реализма см. [20].

¹⁰ Можно сделать различие между двумя видами реализма: реализмом реального, имеющим дело с реальностью образца, который не нуждается в мире, и реализмом реальности. Эти два вида реализма можно найти в эстетике. Эстетика документальности относится к реализму второго вида [12, р. 54, note 9]. (Трактовка эстетики с точки зрения контекстуального реализма излагается в Главе 2 Части 7.)

опыт» в смысле внутреннего переживания. Неконцептуализированный чувственный (перцептивный/феноменальный) опыт не «дан». Он просто таков, каков он есть. Мы его имеем. То или иное данное возникает на его основе, как результат его концептуализации, или нормирования («измерения»), не трансформирующих опыт, а идентифицирующих то, что схватывается при помощи концептов, «измеряется» нормой. Между первичным чувственным опытом и реальностью нет никакой дистанции. Знание и истина относятся к другой категории – категории идеального [9; 13].

Контекстуальный реализм, который мы принимаем в качестве основания новой эпистемологии, не доктрина, не защита одной реалистической доктрины против другой, не специфическая – «контекстуальная» – форма реализма. Это критика любых форм абсолютизма и антиреализма путём выявления и устранения ложных предпосылок и концептуальных смещений, включая те разновидности антиреализма, которые представляются как новые формы реализма. На наш взгляд, контекстуальный реализм не только совместим с эпистемологией сначала-знания Уильямсона, но и является её подлинным метафизическим основанием [23].

3. Реализм и первичность знания

Уильямсон и Бенуа – антиредуктивные реалисты. Для Уильямсона всё есть то, что оно есть, и ничто другое, а «реальность – это просто то, что есть на самом деле. Просто называя нечто реальностью, мы оставляем совершенно открытым вопрос относительно того, что это такое» [24]. Для Бенуа «реальность просто такова, какова она есть» [25, р. 22]. Он также говорит: «Реальность всегда лишь то, что она есть, и, следовательно, а priori нет смысла спрашивать, истинна она или ложна» [26]. Истина и знание вторичны. Аналогичным образом для реализма Уильямсона «знает р концептуально не предшествует р» [23, р. 243]. Что касается эпистемологии, то Бенуа, как и Уильямсон, принимает тезис первичности и нередуцируемости знания [27, ch. 2].

Т. Уильямсон принадлежит к оксфордской традиции, начало которой положили Дж. К. Вилсон и Г. А. Причард – реалисты начала 20 века. В эту же традицию вписывается и Ж. Бенуа. Для Д. К. Вилсона знание не может быть охарактеризовано в каких-то других терминах: знание – не мнение, удовлетворяющее некоторым условиям [28]. Аналогичным образом для Г. А. Причарда, критикующего эпистемологию Канта, знание примитивно, построение теории знания или его объяснение в других терминах (как это делает Кант) невозможно [29]. Первичность знания утверждает и кембриджский философ Л. Витгенштейн. Для него, как и для Гёте, «сначала действие». Как показывает Ж. Бенуа, в рамках философии Витгенштейна это равносильно утверждению «сначала слово» (Иоанн) [11]. Другими словами, первичны витгенштейновские языковые игры, а «понятие знания, – как пишет Витгенштейн, – сопряжено с понятием языковой игры» [30, § 560]¹¹. Витгенштейновские «языковые игры» суть когнитивные или практические действия. Таким образом, имплицитно Витгенштейн проводит аналогию между знанием и действием. Эту же аналогию в рамках своей эпистемологии сначала-знания устанавливает и Т. Уильямсон. Оба философа, Витгенштейн и Уильямсон, также реалисты¹². Для другого философа обыденного языка и реалиста обыденного смысла – оксфордского философа Дж. Л. Остина высказывание «Я знаю, что...» не является дескриптивным, а аналогично высказыванию «Я обещаю, что...». Для Остина, как пишет Г. Лонгворт, «знание – базовая форма понимания того, каким образом вещи есть, а не гибриды мнения и дополнительных условий. (...) Остин считает, что знание – это результат успешного применения способности к суждению, которую он рассматривает как способность к языку в соответствующих обстоятельствах» [31] (см. также [32–33]).

Анализ позиций Д. К. Вилсона и Г. А. Причарда показывает, что они содержат элементы грамматического (концептуального) анализа, впоследствии разработанного Витгенштейном. Вилсон поначалу занимал идеалистическую позицию, но затем отвергнул точку зрения, что знание познающего и познаваемое взаимозависимы, утверждая, что познание не оказывает влияния на то, что познаётся: «Вы можете не в большей мере воздействовать на объект, познавая его, чем Вы можете ‘просить Коллегиат, поглаживая купол Святого Павла’ (...) Очевидно, что если, познавая, мы с чем-то ‘что-то делаем’, мы это делаем не с познаваемым объектом, не с тем, что мы познаём, поскольку это просто противоречит предпосылкам самого акта познания» [28] (цитируется в [32]). Аналогичную позицию занимает Причард: «Знание безусловно предполагает, что познаваемая реальность существует независимо от знания о ней и что мы её познаём такой, как она существует в этой независимости. Просто *невозможно* думать, что

¹¹ Языковые игры контекстуальны. Следовательно, знание контекстуально. То есть оно «абсолютно» не в смысле его независимости от контекста, а в смысле его объективности при фиксированном контексте.

¹² Оценка философии позднего Витгенштейна как реалистической не является общепринятой. Мы трактуем её как контекстуальный (неметафизический) реализм. В то же время Уильямсон рассматривает себя как метафизического реалиста в широком смысле [24].

какая-либо реальность зависит от нашего знания о ней. Если должно быть знание, сначала должно *быть* нечто, что познаётся. Другими словами, знание, по сути, открытие или выяснение того, что уже есть. Если бы реальность могла быть или возникать лишь в силу некоторой активности или процесса со стороны нашего сознания, эта активность или процесс были бы не “познанием”, а “конструированием” (making) или “созиданием”, тогда как конструирование и познание в конечном итоге нужно считать взаимно исключаящими» [29] (цитируется в [34]). (См. также [34].) Из приведённых цитат видно, что Вилсон и Причард опираются на саму логику понятий «знание», «реальность». Фактически, они относят знание и реальность к разным категориям, между которыми, по определению, не может быть ничего общего.

В качестве максимы оксфордского реализма М. Марион цитирует следующие слова Причарда: «Познание никоим образом не изменяет или модифицирует познаваемую вещь» [29, р. 118], [32, р. 308]. Такая позиция противостоит идеализму английского философа Ф. Г. Брэдли, который считал, что объект познания неотделим от акта познания, и в более широком плане корреляционизму и, в частности, кантианству и гегельянству (согласно К. Мейясу, гегельянство – тоже разновидность корреляционизма). Согласно корреляционизму, познание не отделимо от познаваемого. Например, познаваемые кантовские вещи-для-нас – не сами вещи, или, как их называет Кант, вещи-в-себе. К последним, согласно Канту, мы не имеем доступа. В этой связи отметим, что в философии квантовой физики часто обсуждался вопрос о влиянии познающего субъекта (наблюдателя, сознания) на наблюдаемую реальность. На самом деле, субъективистские, корреляционистские и релятивистские трактовки несовместимы с логикой понятия знания. В рамках нашей интерпретации квантовой механики мы делаем категориальное различие между наблюдаемой физической системой и «наблюдателем». Наблюдатель, если он сам не рассматривается как физическая система, относится к категории идеального; он не может оказывать влияния на физическую систему при измерении [21]. Именно на примере квантовой механики становится особенно очевидным, что классическое понятие объекта, к которому апеллирует традиционная теория познания, имеет ограниченную область применимости, а реализм и познание не могут не быть контекстуальными¹³.

В Части 1 и Главах 1 и 2 Части 2 даётся обзор традиционной эпистемологии и критикуется её предпосылки.

В Части 1 рассматриваются традиционное определение знания как истинного обоснованного мнения и проблема Гетье, а также некоторые классические и современные теории знания (Главы 1 и 2). Констатируется, что в рамках традиционной эпистемологической парадигмы имеет место определённый, но не решающий, теоретический прогресс. В Главе 3 показано, что введение наряду с понятием веридического везения понятия пропозиционального везения не позволяет дать некруговое определение знания.

В Части 2 критикуются ложные предпосылки традиционной эпистемологии, – в сущности, предпосылки эпистемологии и философии модерна, – с точки зрения витгенштейновского (контекстуального) реализма Ж. Бенуа, допускающего познание самих вещей, и эпистемологии сначала-знания Т. Уильямсона, принимающей концепт знания в качестве первичного фундаментального концепта. Основные положения эпистемологии сначала-знания излагаются в Главе 2. В Главе 3 предлагается определение знания как успешного мнения. Это определение совместимо с предлагаемым Уильямсоном определением знания как наиболее общего фактивного ментального состояния. В Главе 4 приводятся аргументы в защиту уильямсоновского определения знания. В Главе 5 проблема Гетье и контекстуализм Льюиса трактуются в свете витгенштейновской эпистемологии петлевых предложений и эпистемологии сначала-знания.

¹³ К сожалению, как заметил Бенуа, философия в целом (не философия квантовой механики) всё ещё не извлекла уроков из квантовой физики [18]. Сказанное не относится к контекстуальному реализму, позволяющему интерпретировать квантовую механику подлинно реалистически. Квантовый реализм – контекстуальный реализм [21].

В Части 3 анализируются некоторые новые современные подходы к решению или устранению проблемы скептицизма относительно существования внешнего мира и, в частности, дизъюнктивизм, байскопический подход Д. Притчарда и подход сначала-знания Т. Уильямсона (Глава 1). В этой же Части 3 также критикуется эпистемический релятивизм с точки зрения витгенштейновского контекстуализма (Глава 2) и предлагается решение проблемы разногласия в убеждениях между экспертами (Глава 3).

В Части 4 показано, что подходы, располагающиеся в рамках стандартной парадигмы, в частности, безопасная эпистемология добродетелей Д. Притчарда, подход С. Голдберга, апеллирующий к понятию эпистемически допустимых предложений, и эпистемология эпистемических способностей Э. Соса, гибридные теории, комбинирующие эпистемологию сначала-знания и стандартные подходы, в частности, добродетельная эпистемология сначала-знания К. Келпа, а также эпистемологический дизъюнктивизм Д. Притчарда являются менее фундаментальными, чем эпистемология сначала-знания Т. Уильямсона.

В Части 5 рассматривается ряд проблем современной аналитической эпистемологии с точки зрения контекстуального реализма: связь между релятивизмом и интеллектуальными добродетелями, природа знания-как, ценность знания, фундаментальное эпистемическое благо, структура рациональности, связь эпистемологии и морали и другие.

В Части 6 рассматриваются возможности обобщения понятий «убеждение», «обоснование», «знание» и других, а также эпистемологии добродетелей и эпистемологии сначала-знания на случай групп. Также рассматриваются некоторые вопросы онтологии групп и анализируется явление групповой поляризации.

В Части 7 рассматриваются некоторые новые направления критики феноменологии и, в частности, трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля и феноменологии Ж.-Л. Мариона, представленные в работах Р. Барбара, К. Романо и Ж. Бенуа. Предпочтение отдаётся реалистической «антифеноменологии» Бенуа (Глава 1). В Главе 2 излагается реалистическая точка зрения Бенуа на эстетику и, в частности, критикуется эстетика модерна, разделяющая с феноменологией ложные предпосылки. В Главе 3 реализм Маркса трактуется в свете контекстуального реализма и поднимается вопрос о связи между контекстуальным реализмом и моральным реализмом. В Главе 4 рассматривается вопрос модальностей. В Главе 5 устанавливаются связи между контекстуальным реализмом Ж. Бенуа и реализмом Т. Уильямсона.

В Части 8 предлагается критика перспективного реализма и понятия перспективного знания. В Главе 1 анализируется понятие перспективы. В Главе 2 утверждается, что идея конечности или перспективной ограниченности познания ложна. В Главе 3 рассматриваются разновидности перспективного реализма и, в частности, перспективизмы Р. Гьера, М. Масими, Х. Чанга и другие. В Главе 4 перспективный (интенциональный) реализм Д. Деннета трактуется с точки зрения контекстуального реализма. В Главе 5 предлагается интерпретировать (скорректировать) перспективный реализм как контекстуальный реализм.

В Части 9 некоторые позиции в физике и философии науки – фрагментализм, конвенционализм А. Пуанкаре, квазиреализм Э. Шрёдингера, реляционный подход к интерпретации квантовой механики К. Ровелли, информационный подход А. Цайлингера – трактуются с точки зрения контекстуального реализма (Главы 1–4). Предлагается реалистическая трактовка квантовой механики, а в качестве фундаментального концептуального принципа последней провозглашается принцип контекстуальности. В Главе 5 науки о природе и гуманитарные науки трактуются с единой точки зрения. Утверждается, что социальный реализм – «квантовый» реализм.

В заключительной части книги напоминается о различии между видимостью и реальностью, о том, что существуют различные виды реальности, которые не надо смешивать, вводится понятие виртуальной реальности, и делается различие между миром и реальностью. Против интернализма утверждается, что «внутреннее» – «снаружи». Приводятся аргументы в пользу

того, что искусственный интеллект не может превзойти человеческий интеллект. Также утверждается, что некоторые современные «новые реалисты» не являются настоящими реалистами, и делается призыв к подлинному – контекстуальному – реализму.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Williamson, T.* Acting on knowledge / T. Williamson // Knowledge first /eds.: J. A. Carter, E. Gordon, B. Jarvis. – Oxford: Oxford UP, 2017. – P. 163–181.
2. *Carter, A.* Introduction: ‘Knowledge, First: An Introduction’ / A. Carter. E. Gordon, B. Jarvis // Knowledge first: Approaches in Epistemology and Philosophy of Mind / ed.: J. Adam Carter, Emma C. Gordon & Benjamin W. Jarvis. – Oxford, 2017. – P. 1–16.
3. *Williamson, T.* Knowledge and Its Limits / T. Williamson. – Oxford UP, 2000. (См. также: Knowledge first: Approaches in Epistemology and Philosophy of Mind / eds.: A. Carter et al. – Oxford UP, 2017; Gerken, M. Against Knowledge-First Epistemology / M. Gerken // Knowledge-First Approaches in Epistemology and Mind / eds.: A. Carter, J. Gordon. – Oxford UP, 2017.)
4. *Williamson, L.* Philosophy and theory comparison. Methods of philosophy. Lecture 5 [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=gGbpK2ltos>). – Date of access: 01.04.2021.
5. The Plausibility of Wittgenstein’s Metaphilosophy. Timothy Williamson & Paul Horwich. UCD School of Philosophy presents: Philosophies of Philosophy – Celebrating 20 years of IJPS. June 17–21 2013. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=IpOmFTRcwUM>. – Date of access: 11.08.21.
6. *Benoist, J.* Eléments de philosophie réaliste / J. Benoist. – Vrin, 2011; Benoist, J. Toward a contextual realism / J. Benoist. – Harvard UP, 2021.
7. *Benoist, J.* The internal and the external in knowledge // Rethinking epistemology. Vol. 1 / G. Abel, J. Conant. – De Gruyter, 2012.
8. *Benoist, J.* Logique du phénomène / J. Benoist. – Paris: Hermann, 2016.
9. *Benoist, J.* L’adresse du réel / J. Benoist. – Paris: Vrin, 2017.
10. *Benoist, J.* Après l’infinitude / J. Benoist // Choses en soi. Métaphysique du réalisme / eds.: E. Alloa, E. During. – Paris: PUF, 2018. – P. 57–66.
11. *Benoist, J.* Our life with truth / J. Benoist // Language, Form(s) of Life, and Logic / ed.: C. Martin. – De Gruyter, 2018. – P. 155–172.
12. *Benoist, J.* De l’apparence à l’écho / J. Benoist // Le volume collectif issu du colloque à la Philharmonie ‘L’Echo du réel’ (Mimesis), 2021. – P. 51–63; Мейясу, К. После конечности / К. Мейясу. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2016. – 196 с. (См. также: Zahavi, D. Husserl’s Legacy. Phenomenology, Metaphysics and Transcendental Philosophy / D. Zahavi. – Oxford: Oxford UP, 2017.)
13. *Benoist, J.* Le bruit sensible / J. Benoist. – Paris: Cerf, 2013.
14. *Pris, F.-I.* (Прись, И. Е.) Le fossé explicatif dans la philosophie de l’esprit, du point de vue de la deuxième philosophie de Wittgenstein vue comme un naturalisme normatif / F.-I. Pris. – Paris: ANRT, 2008; Прись, И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика / И. Е. Прись. – СПб: Алетейя, 2020. – 346 с.
15. *Розов, Н. С.* Когда началась эпоха модерна и закончилась ли она? / Н. С. Розов // Сибирский философский журнал: науч. журн. – 2018. – Т. 16. № 2. – С.
16. *Дойч, Д.* Начало бесконечности / Д. Дойч. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 822 с.
17. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн; Пер. Л. Добросельский. – Изд. АСТ, 2011.
18. *Прись, И. Е.* Контекстуальный реализм. Интервью с Жосленом Бенуа / И. Е. Прись // Сибирский философский журнал. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 63–117.
19. *Benoist, J.* Realismus und Metaphysik / J. Benoist // Коллоквиум Института философии Рейнского Боннского университета Фридриха Вильгельма (9 июня 2016 года), 2016. См. перевод: Лоран, Ф. Жослин Бенуа. Реализм и метафизика [Электронный ресурс] / Ф. Лоран,

И. Е. Прись // *Apriori*. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 6. – Режим доступа: <http://apriori-journal.ru/serial/6-2016/Frederik-Prisi.pdf>. – Дата доступа: 26.08.21.

20. *Косыхин, В. Г.* Метафизика и реализм: контексты возвращения / В. Г. Косыхин, С. М. Малкина // *Эпистемология и философия науки*. – 2021. – Т. 58. – № 2. – С. 216–224. См. также: *Zahavi, D.* Husserl's Legacy. Phenomenology, Metaphysics and Transcendental Philosophy / D. Zahavi. – Oxford: Oxford UP, 2017.

21. *Прись, И. Е.* Контекстуальность онтологии и современная физика / И. Е. Прись. – СПб: Алетейя, 2020. – 346 с. (См. также: *Pris, F.-I.* The Real Meaning of Quantum Mechanics [Electronic resource]. – Mode of access: <https://arxiv.org/abs/2107.10666>. – Date of access: 05.08.21.)

22. *McDowell, J.* Perception as a Capacity for Knowledge / J. McDowell. – Milwaukee, Wisconsin: Marquette University Press, 2011.

23. *Williamson, T.* Knowledge and Its Limits / T. Williamson. – Oxford UP, 2000. (См. также: *Williamson, T.* Philosophy of Philosophy / T. Williamson. – Blackwell, 2007;

Williamson on Knowledge / eds.: P. Greenough, D. Pritchard. – Oxford: Oxford UP, 2009; *Williamson, T.* Knowledge First Epistemology / T. Williamson // *Routledge Companion to Epistemology* / eds.: S. Bernecker, D. Pritchard. – Routledge, 2011. – P. 208–218; *Williamson, T.* Knowledge First / T. Williamson // *Contemporary Debates in Epistemology* / eds.: M. Steup, J. Turri. – Blackwell, 2013. – P. 1–10; *Williamson, T.* Knowledge Still First / T. Williamson // *Contemporary Debates in Epistemology* / eds.: M. Steup, J. Turri. – Blackwell, 2013. – P. 22–25.)

24. *Прись, И. Е.* Интервью с Тимоти Уильямсоном [You Tube]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=МН-СДоаКММ>. – Date of access: 05.08.21; *Прись, И. Е.* Реализм и сначала знание. Интервью с Тимоти Уильямсоном / И. Е. Прись // *Сибирский философский журнал*. – 2021. – Т. 19. – № 3. – С. 175–204.

25. *Benoist, J.* Reality / J. Benoist // *МЕТА: Research in Hermeneutics, Phenomenology, and Practical Philosophy*. – 2014A. – P. 21–27.

26. *Benoist, J.* D'un Sensible l'Autre. Sur la signification métaphysique des sensibles / J. Benoist. – Société Française de Philosophie. 20 mars 2021. – Выступление Ж. Бенуа во Французском философском обществе. 29 марта 2021 г. – Наш перевод должен быть опубликован в журнале «Вопросы философии».

27. *Benoist, J.* Toward a contextual realism / J. Benoist. – Harvard UP, 2021.

28. *Wilson, J. C.* Statement and Inference / J. C. Wilson. – Oxford: Oxford University Press, 1926.

29. *Prichard, H. A.* Kant's Theory of Knowledge / H. A. Prichard. – Oxford: Oxford University Press, 1909.

30. *Витгенштейн, Л.* О достоверности / Л. Витгенштейн // *Вопросы философии*. – 1991. – № 2. – С. 67–120.

31. *Longworth, G.* John Langshaw Austin [Electronic resource] // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – 2021. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/austin-jl/#KnowPerc>. – Date of access: 11.08.21.

32. *Marion, M.* Oxford realism: knowledge and perception I / M. Marion // *British Journal for History of Philosophy*. – 2000. – 8(2). – P. 299–338.

33. *Lawlor, K.* Assurance: An Austian View of Knowledge and Knowledge Claims / K. Lawlor. – Oxford UP, 2013.

34. *Travis, C.* Oxford realism / C. Travis, M. Kalderon // *The Oxford Handbook of the History of Analytic philosophy* / ed.: M. Beaney. – Oxford UP, 2013.

Сокращения

ЭСЗ – эпистемология сначала-знания;
к-реализм – контекстуальный реализм;
в-правило – витгенштейновское правило

Часть 1

Традиционная эпистемология и её проблемы

В Главе 1 мы рассматриваем традиционное определение знания как обоснованного истинного мнения и проблему Гетье. В Главе 2 мы рассматриваем некоторые классические и современные теории знания в рамках традиционной эпистемологической парадигмы сначала-убеждения и констатируем, что имеет место определённый, но не решающий теоретический прогресс. В обеих главах мы также критикуем некоторые предпосылки эпистемологии и философии модерна. В Главе 3 рассматривается понятие пропозиционального эпистемического везения.

Глава 1

Проблема определения знания

В этой главе мы рассматриваем классическое определение знания как обоснованного истинного мнения и контрпримеры, предложенные Э. Гетье. Мы выявляем общую структуру проблемы Гетье, а также два общих условия на знание. Мы также рассматриваем некоторые теории знания и показываем, что все они сталкиваются с контрпримерами типа Гетье. Вводится различие между интернализмом и экстернализмом, а также некоторые элементы радикально экстерналистской эпистемологии сначала-знания (далее: ЭСЗ). Рассматриваются и отвергаются некоторые метафизические предпосылки эпистемологии, которые суть предпосылки философии модерна. Утверждается, что позиция Платона по отношению к знанию ближе к ЭСЗ, чем стандартному определению знания, которое ему приписывалось.

1. Стандартное определение знания

Стандартное определение (пропозиционального) знания¹⁴ имеет следующий вид: Субъект *S* знает, что *p*, если и только если *S* обоснованно верит, что *p*, и *p* истинно. Это трёхкомпонентное определение: 1) у *S* есть мнение (*belief*)¹⁵, что *p*; 2) мнение, что *p*, истинно, 3) у *S* есть рациональное обоснование¹⁶, что *p*. Вкратце, знание – обоснованное истинное мнение.

Точнее говоря, предлагаемая формулировка может рассматриваться либо как анализ концепта знания, либо как анализ самого знания в виде необходимых и достаточных условий, либо как определение природы знания (говорит, что *есть* знание). В любом случае она предполагает, что концепт знания вторичен по отношению к концепту мнения¹⁷, тогда как, на самом деле, можно утверждать, что концепт мнения предполагает концепт знания, который первичен, более фундаментален, чем концепт мнения. В самом деле, когда говорят, что верят, что *p*, как бы признают, что не знают, что *p* (быть может потому, что для этого нет достаточных оснований), так как, если бы знали, то и сказали бы, что знают. Другими словами, в известном смысле эпистемологическая установка верования менее совершенна, чем установка знания, и производна от неё. Мнение может не быть знанием, но не наоборот. Как утверждает ЭСЗ, знание – норма для мнения, в некотором роде совершенное мнение. К этому вопросу мы вернёмся ниже, в том числе и в рамках ЭСЗ, отказывающейся от редуктивного анализа концепта знания и принимающей его в качестве первичного (фундаментального) эпистемологического концепта, в терминах которого анализируются и объясняются все другие эпистемологические понятия, включая мнение, обоснование и очевидность. Также в рамках традиционного подхода мнение – ментальное состояние, тогда как знание не рассматривается как ментальное состояние, поскольку оно содержит внешнюю компоненту (истина). С точки зрения ЭСЗ Уильямсона знание – ментальное состояние [1]¹⁸.

---

¹⁴ Говорят также о «традиционном», или «классическом», определении знания.

¹⁵ Как уже было сказано выше, наряду с термином «мнение» мы будем также употреблять термины «верование» и «убеждение».

¹⁶ Мы будем употреблять термины «обоснование» и «рациональное обоснование» как взаимозаменяемые.

¹⁷ Более фундаментальными, чем знание, рассматриваются также концепты обоснования, очевидности и истины.

¹⁸ Положения ЭСЗ не являются абсолютно новыми. Как уже было сказано, в рамках оксфордской традиции концепт знания рассматривался как первичный и не анализируемый с начала XX века (см. раздел 3 Введения). Первичность и неанализируемость знания утверждали в начале 20 века философы-реалисты Дж. К. Вилсон и Г. А. Причард [2]. Для Дж. Тинсона, как и для Уильямсона, знание – ментальное состояние и, следовательно, в определении знания истинность не является независимым условием [3].

2. Случаи Гетье

В своей трёхстраничной статье Эдмунд Гетье привёл два контрпримера, опровергающие классическое определение знания. Это примеры истинных и обоснованных мнений, которые (интуитивно) не являются знанием [4]. Причина в том, что, несмотря на свою обоснованность и истинность, эти мнения истинны, благодаря случаю. Можно сказать, что между их обоснованием (и очевидностью для них¹⁹) и соответствующей истиной (фактом) имеется эпистемический «провал». В результате дальнейших исследований было выявлено, что существует три основных вида случаев Гетье.²⁰

Три вида случаев Гетье

Отсутствие знания может быть обусловлено следующими факторами: 1) выводом из ложной посылки (это собственно случаи Гетье [4]) (поэтому М. Кларк предложил добавить условие отсутствия ложных посылок («no false lemmas») в классическое определение знания [5]); 2) нарушением причинной связи между субъектом и объектом [6]; 3) особенностями окружающей среды [7]. Рассмотрим соответствующие примеры.

Оригинальные примеры Э. Гетье [4]

Пример 1 (конъюнкция).

Предположим, что Смит и Джонс пытаются получить одну и ту же должность. Предположим также, что у Смита есть веские основания полагать истинность следующего высказывания: (D) Именно Джонс получит должность, и у Джонса в кармане есть 10 монет. Основания Смита полагать, что (D) истинно, могут заключаться в том, что президент компании уверил его, что из них двоих выберут именно Джонса, и, с другой стороны, Смит сам сосчитал монеты в кармане Джонса всего десять минут назад. Из высказывания (D) следует, что: (E) У человека, который получит должность, в кармане лежит 10 монет. Предположим, что Смит видит, что из (D) следует (E), и принимает (E) как истинное на основании (D), для которого, в свою очередь, у него есть веские основания. В таком случае, Смит обоснованно убежден в истинности (E). Но представим себе, что, хотя еще и не зная того, сам Смит, а не Джонс, получит должность. И, также сам того не подозревая, Смит имеет в кармане 10 монет. Высказывание (E) в таком случае по-прежнему остается истинным, хотя высказывание (D), из которого Смит и вывел (E), оказывается ложным. Следовательно, в данном примере выполнены все условия: (i) (E) истинно, (ii) Смит убежден в том, что (E) истинно, и (iii) Смит имеет основания для того, чтобы быть убежденным в истинности (E). Но настолько же очевидно и то, что Смит *не знает*, что (E) истинно, так как (E) истинно за счет того, что у Смита в кармане лежит 10 монет, в то время как сам Смит не знает, сколько монет у него в кармане, и основывает свое убеждение в истинности (E), на том, что у Джонса в кармане 10 монет, и на том убеждении, что Джонс получит должность.

---

¹⁹ Между понятиями обоснования и очевидности имеется тесная связь. Например, согласно эвиденциализму, мнение S, что p, является обоснованным, если и только если у S имеется в пользу p адекватная очевидность. Поэтому контрпримеры Гетье опровергают также следующее определение знания (они опровергают достаточное условие): S знает, что p, если и только если p истинно, и имеется адекватная очевидность в пользу истинности p. Подобно тому, как традиционное понятие обоснования не предполагает, что обоснованность мнения гарантирует его истинность и знание (фаллибилизм), традиционное понятие очевидности не предполагает, что адекватная очевидность в пользу мнения гарантирует его истинность и знание (фаллибилизм). Как мы увидим, в ЭСЗ обоснованное мнение с необходимостью знание, и мнение, в пользу которого имеется адекватная (полная) очевидность, с необходимостью знание. В этом смысле это инфаллибилистская позиция. При этом всякая очевидность в ЭСЗ считается пропозициональной.

²⁰ В русскоязычной литературе употребляется также транслитерация «Геттиер».

Комментарий к примеру 1. В этом случае имеет место вывод из ложной посылки, что должность получит Джонс. Тем не менее, убеждение Смита, что у того, кто получит должность, в кармане 10 копеек, истинно, поскольку ошибка принятия ложной посылки компенсируется случайностью, что у самого Смита в кармане лежит 10 копеек.

Отметим также, что рассуждение Гетье основывается на предположении, что обоснованность конъюнкции «Джонс получит должность, и у Джонса в кармане есть 10 монет», D, следует из обоснованности конъюнктов (если бы число конъюнктов было велико, это предположение могло бы показаться сомнительным См. также ниже принцип замкнутости обоснования относительно вывода из многочисленных посылок), а также на предположении, что из обоснованности конъюнкции следует обоснованность логического следствия, что у того, кто получит должность, в кармане 10 копеек, из D следует E, (см. ниже принцип замкнутости обоснования относительно вывода из посылки).

Пример 2 (дизъюнкция).

Предположим, что у Смита есть веские основания для того, чтобы утверждать следующее: (F) У Джонса есть «Форд». Основания Смита могут состоять в том, что у Джонса всегда, насколько помнит Смит, была машина и всегда – именно «Форд». К тому же Джонс только что предложил подвезти Смита и сидел за рулем «Форда». Теперь представим себе, что у Смита есть еще один друг, Браун, о местонахождении которого в данное время Смицу совершенно ничего неизвестно. Смит выбирает наугад названия трех мест и строит три следующих высказывания: (G) Либо у Джонса есть «Форд», либо Браун – в Бостоне. (H) Либо у Джонса есть «Форд», либо Браун – в Барселоне. (I) Либо у Джонса есть «Форд», либо Браун – в Брест-Литовске. Каждое из этих высказываний обусловлено (F). Представим себе, что Смит, видя обусловленность построенных им высказываний (F), принимает (G), (H) и (I) на основании (F). Смит делает правильное заключение о (G), (H) и (I) из высказывания, для которого у него есть веские основания. Следовательно, Смит совершенно оправданно убежден в каждом из этих трех высказываний. При этом, конечно, Смит не знает, где на самом деле находится Браун. Но теперь представим себе, что имеют силу два следующих условия: во-первых, у Джонса *нет* «Форда», и в настоящее время он арендовал машину; и во-вторых, по чистой случайности и без ведома Смита, Браун оказался именно в том месте, о котором говорится в высказывании (H). Если два этих условия действительно имеют место, то Смит *не знает*, что (H) истинно, даже несмотря на то что (i) (H) истинно, (ii) Смит убежден в том, что (H) истинно, и (iii) Смит имеет основания для того, чтобы быть убежденным в истинности (H).

Комментарий к примеру 2. В этом случае имеет место вывод из ложной посылки, что у Джонса есть «Форд». Тем не менее, убеждение Смита, что либо у Джонса есть «Форд», либо Браун – в Барселоне, истинно, благодаря случайности, что Браун действительно находится в Барселоне.

Отметим также, что в примере 2 Гетье использует предположение, что из обоснованности истинности одного из дизъюнктов следует обоснованность истинности дизъюнкта, то есть предположение, что обоснованность сохраняется при логическом выводе – переходе к дизъюнкту как следствию (см. ниже принцип замкнутости обоснования относительно дедукции)²¹.

²¹ А. Шрам полагает, что два примера, приведённые Гетье в своей статье, на самом деле, не являются случаями Гетье, поскольку в этих примерах обоснование не замкнуто относительно рассматриваемой дедукции и, следовательно, истинные мнения не являются обоснованными. Другими словами, парадоксальным образом для него примеры самого Гетье не являются контрпримерами для стандартной теории знания как истинного обоснованного мнения, хотя эта теория, как признаёт А. Шрам, действительно ошибочна [8]. Напротив, например, Т. Уильямсон принимает рассуждение Гетье [9, р. 182]. В то же время с точки зрения его ЭСЗ, о которой мы будем говорить ниже, всякое действительно обоснованное мнение истинно и есть знание. С этой точки зрения ни в случае оригинальных примеров Гетье, ни в любых других случаях типа Гетье, в которых истинное обоснованное мнение не является знанием, мнение, строго говоря, не является обоснованным. Строго говоря, если

Замечание 1. Случаи Гетье, – вообще говоря, «мысленные эксперименты», хотя некоторые из них вполне могут быть реализованы в действительности. Знание истинности суждений, основанных на мысленных экспериментах, и, в частности, в случаях Гетье, оспаривается экспериментальными философами (см., например, [10]). В то же время Т. Уильямсон считает, что априорные философские мысленные эксперименты при определённых условиях могут давать знание (в частности, в случаях Гетье мы приобретаем субстанциальное знание).

Принципы замкнутости знания и обоснования

Как уже было сказано, рассуждение Гетье опирается на принцип замкнутости обоснования относительно логического вывода. Этот принцип, а также принцип замкнутости знания относительно логического вывода, считаются в эпистемологии достаточно надёжными принципами, хотя некоторые эпистемологи их оспаривают.

Принцип замкнутости знания. Если S знает, что p, и если S из p компетентным образом выводит q, формируя на этом основании мнение, что q, и при этом удерживая своё знание, что p, то S приобретает знание, что q.

Вариант принципа замкнутости знания. Если S рационально знает, что p, и если S из p компетентным образом выводит q, формируя на этом основании рациональное мнение, что q, и при этом удерживая своё рациональное знание, что p, то S приобретает рациональное знание, что q. Под «рациональным знанием» (знание, строго говоря, всегда рационально) мы понимаем здесь знание, имеющее доступное рефлексии (интроспекции) рациональное обоснование.

Принцип замкнутости обоснования. Если S обоснованно верит, что p, и S корректно выводит r из p, то S обоснованно верит, что r.

Принцип замкнутости знания для случая многочисленных посылок. Если S знает, что p, и знает, что q, и S приходит к мнению, что r, корректным образом вывода его из p и q, то S знает, что r. (См., например, энциклопедическую статью Джона Колинса [11].)

Принцип замкнутости обоснования для случая многочисленных посылок. Если S обоснованно верит, что p, и обоснованно верит, что q, и S корректно выводит r из p и q, то S обоснованно верит, что r. (См., например, статью Колинса [11].)

3. Интернализм и теория истины как соответствия

Понятие обоснования у Гетье интерналистское. Интернализм утверждает «внутренний» (ментальный) характер обоснования или его доступность рефлексии/интроспекции, что предполагает дихотомию субъекта и объекта, внутреннего и внешнего, ментального и материального, а также репрезентационализм. Как уже было сказано во Введении (раздел 2), принятие этой дихотомии и репрезентационализм – характеристики философии модерна²². Также постановка проблемы Гетье подразумевает теорию истины как соответствия фактам внешнего мира, которая также относится к философии модерна. То есть предполагается концепция метафизического реализма о существовании внешнего мира не зависящих от сознания определённых объектов, их свойств и отношений между ними²³. В этом смысле можно сказать, что проблема Гетье является симптомом – следствием ложных посылок эпистемологии модерна²⁴.

следовать Уильямсону, оно в этих случаях является лишь оправданным.

²² Напомним, что под философией модерна в узком смысле мы понимаем западную философию XIX–XX веков. Постмодернизм второй половины XX века можно рассматривать как предельный случай модернизма, или как вырождение модерна. В широком смысле под философией модерна мы будем понимать философию, начиная с Нового времени, то есть XVII века. (См. также Введение.)

²³ Можно также говорить о внешних фактах, событиях, процессах и так далее. Вопрос конкретной онтологии – того, что существует (из чего сделан мир), – вторичен. К модерну, разумеется, относится не только метафизический реализм, но и большинство других философских направлений соответствующего периода и, в частности, (нео)кантианство и феноменология.

²⁴ Наша точка зрения, что проблема Гетье – псевдопроблема, основанная на ложных предпосылках, согласуется с точкой

Вместо того, чтобы их пересмотреть, традиционная эпистемология, однако, пыталась решить проблему Гетье, то есть определить знание, тем или иным образом модифицируя или усложняя традиционное определение. Некоторые авторы считают, что на этом пути они достигли успеха. Ниже мы рассмотрим, например, так называемую «антислучайную эпистемологию добродетелей»²⁵, комбинирующую условие отсутствия эпистемической удачи (мнение, которое истинно случайно, не может быть знанием) и условие подходящего применения познавательных способностей субъекта (истинное мнение, которое не является результатом познавательного процесса, не может быть знанием) (см. Главу 2) Д. Притчарда, которая является неплохим кандидатом на эту роль²⁶. В то же время ЭСЗ Т. Уильямсона отвергают возможность редуктивного анализа концепта знания. В частности, Уильямсон приводит «аргумент индукции», согласно которому до сих пор ни одно из предложенных определений знания не имело успеха и, следовательно, такого определения вообще не существует. Он полагает, что проблема Гетье плохо поставлена, а исследовательская программа, целью которой является удовлетворительный анализ знания в терминах мнения и других компонент, является тупиковой. Д. Притчард, однако, считает, что хотя его двухкомпонентный подход, вообще говоря, редуктивный, в своей нередуктивной версии он совместим с идеей первичности знания, и соответствующее нередуктивное (круговое) определение (анализ) знания, отсылающее в конечном итоге к знанию, может быть содержательным.

Понятие истины как соответствия фактам внешнего мира, фигурирующее в стандартном определении знания, тоже требует коррекции в том смысле, что истина вторична по отношению к знанию. Принятие концепта истины в качестве более фундаментального как раз и означало бы принятие метафизического реализма. На наш взгляд, возможен в некотором роде промежуточный путь между дефляционистским минимализмом, ограничивающимся формулировкой «Предложение p истинно, если и только если p », и метафизической теорией истины как соответствия. Действительно, если p истинно, то существует реальный факт, которому p соответствует. Сказанное, однако, можно понимать не как теоретическое утверждение, а как логическое, – как тавтологию. По определению истина – соответствие фактам. Во всяком случае так можно интерпретировать аристотелевское определение понятия истины – реалистически и аналитически, в умеренно дефляционистском смысле, как определение, предполагающее вторичность истинного высказывания (истины) по отношению к той или иной соответствующей ему реальности, а не в смысле формулировки природы истины как соответствия в некотором субстанциальном смысле: «Сказать о том, что есть, что его нет, или о том, чего нет, что оно есть, ложно. Сказать о том, что есть, что оно есть, или о том, чего нет, что его нет, истинно» [12, Г 7.27]. К тому же следует принять во внимание, что истина (истинность высказывания, мнения) как соответствие факту устанавливается в контексте. Это значит, что она не предопределена. Во всяком случае в новых областях исследования не существует теории истины как соответствия, некоторого механизма (техники), позволяющего установить истину²⁷. Истина, таким образом, имеет контекстуальное и субстанциальное измерения; она зависит от контекста употребления понятий, и не является просто поверхностным свойством лингвистических высказываний. «Контекст, – как пишет Бенуа, – это не столько внешнее ограничение смысла

зрения Т. Уильямсона. Уильямсон считает, что «проблему Гетье» нельзя решить, поскольку она плохо поставлена. Её можно устранить (см. наше интервью с Уильямсоном [11]).

²⁵ Мы будем также употреблять выражение «безопасная эпистемология добродетелей». Употребляется также термин «противоудачная эпистемология добродетелей».

²⁶ Т. Уильямсон полагает, что теория Притчарда комбинирует гетерогенные условия и, как следствие, не удовлетворяет эстетическим критериям, а также опровергается контрпримерами (см. наше интервью с Уильямсоном [11]).

²⁷ Истину можно рассматривать как нечто предопределённое в устоявшихся, постоянно повторяющихся, воспроизводимых случаях. В этих случаях может существовать фиксированный механизм установления соответствия между языком и фактами. Принимая терминологию Витгенштейна, мы говорим, что такие случаи относятся к устоявшейся «форме жизни». Например, в устоявшейся области научного исследования роль такого механизма играет устоявшаяся теория.

– как если бы реальность, так сказать, ударяла по смыслу извне – сколько проявление того, что смысл *эффективно укоренен* в реальности, а также то, что способствует конституированию самого смысла» [14, р. xii] (см. также эпиграф к этой книге).

Понятие истины как соответствия в рамках контекстуального реализма может быть модифицировано следующим образом: истина – соответствие в контексте, то есть соответствие, укоренённое в реальности. Эта формулировка не тривиальна, так как она указывает на вторичность понятий истины и знания по отношению к понятию реальности, а также на вторичность понятия истины по отношению к понятию знания, предполагающего полнокровный контакт с познаваемыми вещами (знание – знание самих вещей). Аналогичным образом контекстуализируются другие эпистемические понятия. Отметим, что понятие контекста также играет терапевтическую роль. Оно указывает на необходимость внимательного отношения к конкретным условиям употребления понятий, то есть их реальному употреблению. В этом смысле контекстуализм не теория, видоизменяющая традиционный реализм, а правильно понятый реализм [13–14]. Реализм, не принимающий во внимание, что контекстуальность есть эпистемическое и онтологическое свойство реальности, превращается в плохую метафизику, имеющую дело не с реальностью, а её тенью.

Метафизическая теория истины как соответствия отвергается терапевтическими подходами позднего Л. Витгенштейна, Дж. Л. Остина и Ж. Бенуа, развивающего версию витгенштейновского контекстуального реализма [13–16]. Нет никакого предопределённого механизма, позволяющего установить истинность высказываний в новых случаях. Установление истины требует суждения в соответствии с определёнными нормами/правилами. Витгенштейновский анализ проблемы следования правилу показывает, что, вообще говоря, нет правила для следования правилу. Точнее говоря, в общем случае не существует метаправила, позволяющего применить данное правило в конкретных условиях.²⁸ Корректность суждения (применения правила) устанавливается в контексте в рамках практики делания суждений (применения правила), предполагающей знание, как делать суждение (следовать правилу) в той или иной области, о том или ином предмете. Употребление правила – языковая игра.

Для Витгенштейна знание контекстуально, поскольку это понятие для него сопряжено с понятием языковой игры, а языковые игры всегда новы и контекстуальны по самой своей природе. То же самое можно сказать о понятиях истины, обоснования, очевидности. Как следствие, существуют различные их виды. В частности, в этом смысле можно также говорить о зависимости понятия истины от области реальности. Напротив, деконтекстуализированная истина абсолютна, автономна. Такое понятие имеет ограниченную область применимости. Оно пригодно, так сказать, в рамках устоявшейся формы жизни и автоматически воспроизводимых языковых игр, о контекстуальности которых просто забывают. В этих рамках истина – предопределённое соответствие. М. Хайдеггер, например, делает различие между понятием истины как соответствия и древнегреческим понятием истины как *алетейя*, которое он интерпретирует в рамках своей философии как раскрытие Дазайн²⁹. Здесь, однако, мы не будем рассматривать спекулятивные метафизические теории, так как вместе с Ж. Бенуа мы полагаем, что они не могут быть подлинно реалистическими³⁰.

²⁸ На самом деле, это понял ещё Кант – прагматист *avant la lettre*, как считает Р. Брэндом. Аналитический прагматизм Брэндома пытается синтезировать прагматизм, эмпирицизм, натурализм и рационализм [17]. Брэндом также интерпретатор Гегеля [18]. Несмотря на то, что его неогегельянская позиция в значительной мере идеалистическая, на наш взгляд, она может быть преобразована в к-реализм [19]. Мы упоминаем здесь позицию Брэндома в связи с к-реализмом, поскольку его нормативный прагматизм тоже вдохновляется поздним Витгенштейном.

²⁹ Некоторые авторы отмечают, что у древних греков смысл понятия «алетейя» отличается от того смысла, который ему придал Хайдеггер. Для греков оно означало «припоминание» и противопоставлялось не лжи, а забвению [21].

³⁰ В частности, Ж. Бенуа отвергает спекулятивный реализм Квентина Мейясу, пытающийся преодолеть, якобы существующую (нео)кантианскую субъект-объектную корреляцию, и постигнуть Абсолют, находящийся за её пределами [22].

Можно предположить, что проблема Гетье обусловлена тем, что контекстуальность обоснования, истины и знания, а следовательно, и онтологии, не принимается во внимание. В следующем разделе мы иллюстрируем эту точку зрения на примере контекстуальной интерпретации «регионального» подхода к решению проблемы Гетье, предложенного М. И. Мартишиной [20].

«Региональность» истины как её контекстуальность

Для М. И. Мартишиной истина не автономна, а «региональна», относится к той или иной области реальности, а онтология «многоуровневая». Рассуждения Гетье ошибочны, так как они подменяют области реальности: «(...) Приобретает первостепенное значение проблема выделения того фрагмента действительности, сопоставление с которым должно быть осуществлено для оценки истинности суждения (...) Парадоксы Геттиера отчасти основаны как раз на неявной подмене этого фрагмента» [20]. Поэтому, строго говоря, в примерах Гетье мнение не является ни (полностью) обоснованным, ни («полностью») истинным (соответствующее заключение не является «полным»). Мартишина предлагает сохранить определение знания как истинного и обоснованного мнения (она говорит о «суждении»), путём добавления условия «соответствующей квалификации включённой в рассмотрение действительности», которое в примерах Гетье не выполняется. Это одно из многочисленных квазистандартных определений знания. Такие определения, как правило, по-настоящему не устраняют ложные метафизические предпосылки традиционной эпистемологии, а пытаются преодолеть их теоретически, как следствие, специфическим образом преобразуя понятие знания.

Наша интерпретация точки зрения Мартишиной состоит в том, чтобы заменить понятие региона реальности, которое она употребляет, понятием контекста употребления суждения. Суждение и его истинность не оторваны от реальности, укоренены в контексте. В случаях Гетье, однако, обоснование суждения относится к одному контексту – «региону реальности», как говорит Мартишина, – а истина – к другому. Например, в первом примере Гетье истинность суждения, что у того, кто получит должность, в кармане 10 копеек, соотносится со Смитом, тогда как обоснование этого суждения соотносится с Джонсом. Таким образом, имеется два разных контекста. Это означает, что между обоснованием и истиной/фактом имеется логический провал, который, очевидно, обусловлен ложностью посылки, что Джонсон получит должность, то есть различием в контекстах. Формулировка «знание – истинное обоснованное мнение» должна предполагать, что речь идёт об одном и том же контексте, «регионе реальности»: знание – истинное контекстуально/регионально обоснованное мнение. В этом смысле проблема Гетье возникает вследствие пренебрежения понятием контекста. Она исчезает, если занять позицию контекстуального реализма. (Эпистемология на автономна и вторична по отношению к этой позиции.) Но это просто означает, что знание первично, не разлагается на компоненты. Ниже приводятся другие квазистандартные определения знания.

4. Квазистандартные определения знания

Существуют другие квазистандартные или улучшенные стандартные определения знания [23–40].

Например, для Б. Болла знание есть нормальное мнение. При этом определение знания как истинного обоснованного мнения сохраняется, а понятие обоснования таково, что обоснованное мнение с необходимостью истинно [23].

Согласно Дж. Турри, традиционный подход к знанию содержит все необходимые компоненты, но не устанавливает должную связь между ними. Предлагаемое определение знания таково: знание есть истинное мнение, в котором проявляет себя интеллектуальная способность субъекта, являющаяся источником эпистемического обоснования его мнения: $K = J \rightarrow TV$.

Здесь стрелка обозначает отношение *проявления* способности. Стандартное определение знания как истинного обоснованного мнения оказывается *почти правильным* [24].

В. Селларс полагает, что несмотря на проблему Гетье, определение знания как истинного обоснованного мнения «в основном правильное» (sound). Для него знание относится к области рационального [25]: «Существенный момент в том, что характеризуя эпизод или состояние как *знание* (knowing), мы не даём эмпирическое описание этого эпизода или состояния, а помещаем его в логическое пространство рациональных оснований, обоснования и способности обосновать то, о чём говорят» [25, § 36].

Р. Фоли, напротив, не считает, что наличие знания требует наличия рациональности/обоснования. Согласно ему истинное мнение субъекта S, что p, является знанием, что p, если и только если субъект S не упускает из виду никакую «адекватную» информацию, «важную» истину. (Например, истинное мнение участника лотереи, что номер его билета невыигрышный, не есть знание, если он не знает номер выигрышного билета.) Для Фоли «владение информацией – это вопрос наличия истинных мнений». Незнание есть информационный «провал». При этом нет позитивного критерия для «адекватной информации» [26].

М. Ханнон считает, что определение Фоли является круговым, так как нельзя сделать различие между важной информацией и неважной информацией, не апеллируя к концепту знания [27].

Круговое определение, однако, может быть информативным. Вот определение С. Хетерингтона: «Знание всегда лишь обоснованное истинное мнение. И обоснование включает в себя осознание любого такого обстоятельства (даже если оно единственное), без осознания которого, знание отсутствует» [28, р. 219]. Упомянутое обстоятельство и есть «обстоятельство Гетье». Будучи осознанным, оно перестаёт им быть. Это интерналистская позиция. И это круговое определение знания, отсылающее к знанию. Тем не менее, согласно Хетерингтону, определение информативно. (Можно предположить, что владение «важной» информацией у Фоли соответствует «осознанию» обстоятельства Гетье у Хетерингтона.)

С точки зрения ЭСЗ Уильямсона тоже можно сказать, что знание – обоснованное (истинное) мнение, поскольку обоснованность мнения автоматически делает его знанием. Но это экстерналистская позиция. Субъект может знать, что p, не зная, что он знает, что p [1]. Более того, так называемая очевидностная вероятность, что он знает, что p, – это понятие мы рассмотрим ниже – может быть сколь угодно мала.

5. Традиционное определение знания с исторической точки зрения

Обычно считается, что традиционное определение знания как истинного обоснованного мнения ведёт своё происхождение от Платона. В данном разделе мы приводим результаты некоторых исследований, которые опровергают эту точку зрения, а также некоторые ссылки на самого Платона³¹.

Эпистемология древних греков и ЭСЗ

Л. П. Герсон утверждает, что для древних и, в частности, для Платона, знание не мнение и, в частности, не обоснованное истинное мнение в смысле истинного мнения с обоснованием. Последняя формулировка появилась в XVII веке в контексте развития науки и исследования понятия научного знания. При этом модель научного знания была применена к знанию вообще [41]. Герсон также сравнивает эпистемологию Уильямсона с эпистемологией древних греков

---

³¹ Т. Уильямсон считает, что Платон рассматривает определение знания как истинного обоснованного мнения, чтобы его критиковать [11].

[41, ch. 8 § 3]. Он, в частности, считает, что и та и другая могут рассматриваться как специфические формы натурализма.

Нестандартный стандартный анализ М. Р. Антоньяца

О классическом определении знания М. Р. Антоньяца пишет следующее: «(...) Если обратиться к рассмотрению основных фигур и традиций в истории философии, “стандартный” анализ начинает выглядеть удивительно нестандартным. Похоже, что “традиционная” точка зрения не является традицией, восходящей к истокам философии, эпистемическая наивность которой была в конечном итоге выявлена в 1963 году в короткой статье Гетье. Вместо этого она начинает выглядеть как точка зрения 20 века, особенно распространённая в англо-американском мире, – точка зрения, которая, начиная со второй половины века, непрестанно пыталась и, как многие считают неудачно, скорректировать себя» [42, p. 169] (см. также [39]).

«Новая История» Дж. Дютан

Согласно Дж. Дютан существование стандартной теории знания как обоснованного истинного мнения – легенда. Он предлагает следующую новую интерпретацию истории эпистемологии: «Новая История такова. Существует традиционная концепция знания, но это не критикуемая Гетье концепция знания, анализируемого как Обоснованное Истинное Мнение. С точки зрения традиционной, знание – мнение, несущее в себе различимый признак истинности. Признак истинности – свойство, с необходимостью влекущее истинность: это свойство, которое могут иметь только истинные мнения. Он различим, если всегда можно сказать, что мнение его имеет, то есть если достаточно внимательный субъект верит, что мнение его имеет, тогда и только тогда, когда оно его имеет. Требование наличия признака истины делает точку зрения непогрешимой (инфаллибилистской). Требование различимости делает её интерналистской. Я называю эту точку зрения Классическим инфаллибилизмом» [43].

Классический инфаллибилизм сталкивается с проблемой скептицизма, поскольку требует от знания слишком многого. Как отмечает Дютан, философия обыденного смысла и философия обыденного языка в середине XX в. отвергли скептицизм, а некоторые философы отвергли и сам классический инфаллибилизм. При этом некоторые из них в классическом инфаллибилизме отвергли лишь инфаллибилизм, что привело к интернализму, согласно которому признак истинности, содержится в сознании, но не влечёт с необходимостью истинность мнения. В частности, это привело к позиции, что знание – истинное обоснованное мнение. Другие отвергли требование различимости признака истинности, то есть, требование, что признак, с необходимостью влекущий истинность, обязательно должен быть «различимым». Это привело к экстернализму (см. статью Дютан [43, p. 96]).

Знание до Гетье

Как показывает П. Ле Морван в своей статье «Знание до Гетье», на самом деле в истории философии, в том числе и в 20 веке, существует очень мало примеров принятия определения знания как обоснованного истинного мнения (см. статью Ле Морван [43]). То, что современная эпистемология акцентировала внимание именно на этом – фактически маргинальном – определении, остаётся загадкой.

Наша гипотеза состоит в том, что случилось это потому, что данное определение в концентрированном виде содержит в себе основные предпосылки философии модерна, которые в том или ином виде и той или иной пропорции содержались в других определениях. Эти предпосылки критикуются в нашей книге.

Эпистемология Платона

Л. П. Герсон сравнивает эпистемологию Уильямсона с эпистемологией древних греков [41, ch. 8, § 3]. Он, в частности, считает, что и та и другая могут рассматриваться как специфические формы натурализма. Речь, однако не идёт о натурализме в смысле натурализованной эпистемологии Куайна.³² И действительно, как представляется, у Платона можно найти некоторые указания на ЭСЗ.

А. В «Меноне» Сократ сравнивает истинное мнение и знание с дедаловыми статуями, которые, когда не привязаны, убегают прочь, а когда привязаны, стоят на месте. О «привязанности» знания (а, следовательно, и соответствующих обоснования и мнения) к истине он говорит (Платон, «Менон», 98a): «Будучи связанными, мнения становятся, во-первых, знаниями и, во-вторых, устойчивыми. Поэтому-то знание ценнее правильного мнения и отличается от правильного мнения тем, что оно связано.» Под связью здесь Сократ понимает обоснование/объяснение (*logos*) в виде «суждения о причинах», которое есть «припоминание» (*anamnesis*).

Например, знание того, как идти к Ларисе, имеет большую ценность, чем просто истинное мнение, так как оно «стабильно», то есть оно не может быть с лёгкостью утеряно.

Таким образом, поскольку знание «привязано» к факту, концепт знания фундаментален, первичен. По этой же причине знание само по себе устойчиво – более устойчиво. При этом естественно предположить, что знание (и соответствующее ему мнение) может быть более или менее устойчивым, более или менее достоверным, то есть связь между ним и фактом может быть более или менее сильной.

В. В «Теэтете» Платон устами Сократа замечает, что определение знания как истинного обоснованного мнения является круговым, так как обоснование само нуждается в знании: «Вот уж простодушны мы были бы, если бы, исследуя знание, мы говорили, что это правильное мнение со знанием будь то отличительного признака, будь то чего-то другого. И выходит, Теэтет, что ни ощущение, ни правильное мнение, ни объяснение в связи с правильным мнением, пожалуй, не есть знание». Сократ также говорит, что «неправильно исследовать ложное мнение раньше, чем знание, отложив это последнее в сторону». «Нельзя познать первое, пока еще недостаточно понятно, что же есть знание» (Платон, «Теэтет», 200d).

С. В «Теэтете» Платон критикует определение знания как истинного мнения с «объяснением» (*meta logou alêthê doxan*). Теэтет говорит: «(...) истинное мнение с умом (*μετὰ λόγου*) есть знание, а без ума – отлично от знания. И в чем не представляется ума, то не познаваемо, (...) а в чем представляется, то познаваемо» (Платон, «Теэтет», 201d) [41]. Здесь «логос», или «объяснение» переводится как «ум». В то же время Сократ указывает на то, что это определение имеет свои недостатки. На самом деле наличие объяснения (которое понимается как переход от «начал», то есть составных элементов, к целому) является необходимым, но не достаточным условием для знания. «Бывает правильное мнение с объяснением, которое нельзя назвать знанием». (Платон, «Теэтет» 208b.) Для Платона знание – это то, что «есть полностью», а мнение – то, что «есть и не есть». То есть мнение располагается между знанием (*есть*) и однозначным *не есть*. (Республика 477 А6-7.) Мнение определяется через знание.

Платон также утверждает, что знание требует достижения реальности, то есть «онтологической» истины, или «узии» (*ousia*) [41, p.56].

Д. В то же время в «Теэтете», применительно к знанию объекта, Сократ говорит об «определении целого с помощью начал» – о необходимости присоединения к истинному мнению способности (умения) уяснить «сущность» объекта, или «объяснения». Сократ говорит, что он не в состоянии назвать сто деревянных частей, из которых состоит повозка. «Но достаточно и того, если на вопрос, что такое повозка, мы сможем назвать колеса, оси, кузов, поручни,

³² Для Куайна эпистемология – «раздел психологии и, следовательно, естественной науки» [44]. В то же время Куайн признаёт, что эпистемология – нормативная наука. Концепты обоснования, очевидности, истины, знания – нормативные концепты. Он пишет: «Натурализация эпистемологии не отбрасывает нормативное и не довольствуется неизбирательным описанием имеющихся процедур. Для меня нормативная эпистемология – раздел инженерии» [45].

яро» (Платон, «Теэтет», 207a). В то же время Сократ говорит: «Так и о повозке мы имеем правильное мнение, но лишь тот, кто способен уяснить ее сущность с помощью ста частей, присоединивши [к мнению] и это умение, присоединяет к истинному мнению объяснение и вместо имеющего мнение становится искусным знатоком сущности повозки, определив целое с помощью начал» (Платон, «Теэтет», 207c) [41]. Вопрос в том, каким образом понимать сократовское «объяснение»?

Е. П. А. Бугаков пишет: «Итак, почему же Платона не следует причислять к сторонникам концепции (JTB)? Платон определяет знание как “истинное мнение с объяснением”, опирается на понятия $\delta\omicron\xi\alpha$ (мнение) и $\lambda\omicron\gamma\omicron\zeta$ (объяснение). Определение знания в JTB основано на понятии justified belief, что следует интерпретировать как “оправданная уверенность”. Однако, та “уверенность”, на которой строится определение JTB, слишком сильно отличается по смыслу от понятия $\delta\omicron\xi\alpha$ и, скорее, отдалённо напоминает другое Платоновское понятие: $\pi\acute{\omicron}\tau\iota\zeta$ (вера). Но Платон вовсе не считает знание разновидностью веры. Также и платоновский $\lambda\omicron\gamma\omicron\zeta$ (объяснение) – это не множество доводов, повышающих вероятность истинности мнения, а неопровержимое рациональное рассуждение, которое также не имеет ничего общего с эвиденциалистской идеей подкрепления веры» [46].

6. Эпистемологический дизъюнктивизм

Как было сказано в предыдущем разделе, согласно «новой истории» Джотана, на самом деле стандартное определение знания имело следующий вид: знание – мнение, несущее в себе различимый признак истинности. Это интерналистское и инфаллибилистское определение имеет сходства с современными дизъюнктивизмами в эпистемологии.

В определении знания как истинного и обоснованного мнения обоснование доступно рефлексии, но оно логически не влечёт истинность мнения, то есть не является фактивным. Это интерналистский и фаллибилистский подход к знанию и обоснованию. Существует, однако, нестандартная форма интернализма – дизъюнктивизм, апеллирующий к фактивному понятию обоснования. Согласно одной из его версий – эпистемологическому дизъюнктивизму Д. Притчарда, – в парадигматическом случае перцептивного опыта, что p , субъект имеет рефлексивный доступ (в состоянии с лёгкостью иметь такой доступ) к фактивному рациональному основанию для своего мнения, что p , делающего его знание, что p , достоверным [47]. Фактивное основание, что p , – это основание, которое с необходимостью влечёт p и, следовательно, знание, что p . Таким основанием является «Я вижу, что p ». Если у меня есть основание, что я вижу, что p , то есть я знаю, что я вижу, что p , то из него я могу логически вывести, что p . И, следовательно, я знаю, что p . Здесь подразумевается справедливость принципа замкнутости знания относительно логического вывода, который мы рассмотрели выше (см. раздел 1.2). Таким образом, для Притчарда парадигматическое перцептивное знание – истинное (фактивно) обоснованное мнение. Это не чистый интернализм, поскольку фактивное основание не является чисто интерналистским (оно фактивно). Позиция может быть названа инфаллибилистской, так как основание фактивно. Согласно ЭД, всегда сохраняется возможность, что то, что принимается за парадигматическое перцептивное знание, на самом деле, иллюзия, имеющая то же самое интерналистское (субъективное) обоснование, что и подлинное перцептивное знание, но не имеющее фактивного рационального основания. Это, однако, не противоречит инфаллибилизму позиции, так как инфаллибилизм (относительно обоснования) утверждает, что обоснованное мнение может быть ложным, а в данном случае оно может оказаться ложным только тогда, когда оно, на самом деле, не является обоснованным. В частности, «мозг в баке» может принимать за фактивное основание «Я вижу, что p » то, что таковым не является – видимость, что он видит, что p . Эпистемологический дизъюнктивизм совместим с антислучайной

(безопасной) эпистемологии добродетелей (см. [47], а также Главу 5 Части 4). (Подробнее о ЭД см. Главы 3–5 Части 4.)

Имеются некоторые сходства между дизъюнктивизмом и ЭСЗ. О совместимости этих двух позиций пишут и Т. Уильямсон, и Д. Притчард. Тем не менее, Уильямсон критически относится к эпистемологическому дизъюнктивизму Притчарда. Сходства со своей позицией сначала-знания он видит в дизъюнктивизме оксфордской школы (П. Сноуден (Paul Snowden), Дж. МакДауэлл (John McDowell), М. Мартин (Mike Martin)). Принципиальное сходство в том, что дизъюнктивизм, как говорит Уильямсон, подчёркивает «фундаментальность хороших случаев перцепции, в которых вы действительно видите, что нечто имеет место быть» (см. наше интервью Уильямсоном [11]). Некоторые проблемы, с которыми сталкивается эпистемологический дизъюнктивизм Притчарда, рассматриваются в Главах 3, 4 и 5 Части 4.

7. Случай Гетье (продолжение)

Выше мы пока что рассмотрели лишь один специфический тип случаев Гетье – случаи Гетье, основанные на ложной посылке³³. Рассмотрим ещё два типа случаев Гетье.

Овца в поле (пример Р. М. Чизольма)

«Предположим, что Вы стоите на краю поля. В поле Вы видите нечто, что выглядит в точности как овца. Какое сразу же у Вас формируется мнение? Помимо многих других, которые могут возникнуть, возникает мнение, что в поле находится овца. И на самом деле Вы правы, поскольку за холмом в середине поля действительно находится овца. Вы не можете, однако, её видеть. Поэтому у Вас нет непосредственной очевидности о её существовании. Более того, то, что Вы видите, на самом деле собака, подделанная под овцу. Следовательно, у Вас есть хорошо обоснованное истинное мнение, что в поле находится овца. Но является ли это мнение знанием?» [48].

В этом случае имеет место причинный «провал» между очевидностью и, соответственно, обоснованием для мнения наблюдателя и истинностью мнения (фактом). Как пишет Витгенштейн в О достоверности (§ 90), «"Я знаю" призвано выражать отношение не между мной и смыслом предложения (как "Я верю"), а между мной а фактом». На самом деле, наблюдатель видит не овцу, а подделанную под овцу собаку. Настоящая овца оказалась в поле случайно, причём, строго говоря, не в том месте, где, как полагает наблюдатель, он видит овцу, а за холмом. Здесь, опять же, обоснование для мнения и факт относятся к разным контекстам («регионам реальности»). Мнение наблюдателя оказывается истинным лишь случайно; при том же самом методе его формирования оно с лёгкостью могло бы оказаться ложным. Если бы овца без ведома наблюдателя случайным образом не оказалась за холмом, мнение наблюдателя, что в поле находится овца, было бы ложным. Поэтому его истинное обоснованное мнение не является знанием. Ниже мы рассмотрим современные эпистемологические теории, которые объясняют отсутствие знания в этом и некоторых других случаях Гетье.

Амбарные фасады (пример А. Голдмана³⁴)

---

³³ Отметим, что отсутствие знания в оригинальных случаях Гетье может быть объяснено не только теорией М. Кларка, но также и в рамках других теорий. Например, с точки зрения эпистемологии добродетелей Дж. Греко в этих случаях, несмотря на подходящее использование субъектом своих когнитивных добродетелей, это не является причиной истинности его убеждения (между тем и другим имеется причинный провал). Согласно эпистемическому контекстуализму Д. Льюиса очевидность, которой располагает субъект не позволяет исключить, что его убеждение ложно, то есть существует возможная по отношению к этой очевидности и релевантная в данном контексте ситуация, в которой его убеждение ложно. (См. ссылки на работы Кларка, Греко и Льюиса [5])

³⁴ По словам Голдмана он заимствовал этот пример у К. Жине (Carl Ginet) [30]. Поэтому иногда говорят о «кейсе Жине-Голдмана».

«Предположим, нам говорят, что, без ведома Генри, район, в котором он только что оказался, полон факсимиле амбаров из папье-маше. Эти факсимиле выглядят с дороги как амбары, но на самом деле это просто фасады, без задних стен и внутренних помещений, совершенно непригодные, чтобы быть использованными в качестве амбаров. Они построены так искусно, что путешественники неизменно принимают их за амбары. Генри только что въехал в этот район, и пока что не встретил никаких факсимиле. Объект, который он видит, – настоящий амбар. Но если бы объект, находящийся на этом месте, был факсимиле, Генри принял бы его за амбар. Принимая во внимание эту новую информацию, мы склонны отказать от утверждения, что Генри знает, что объект, который он видит, является амбаром» [49, р. 773]. (См. также [30] и небольшой обзор случаев Гетье в [50, с. 64–65].)

Если строить теорию знания только на основе когнитивных способностей, по крайней мере, понятых чисто интерналистски, то такая теория не может объяснить отсутствие знания в этом случае. Более того, истинное мнение Генри формируется каузально надлежащим образом. Поэтому, например, Э. Соса утверждает, что Генри знает, что перед ним амбар. Точнее говоря, Соса делает различие между животным и рефлексивным (а также полным) знанием. У Генри, как он полагает есть только животное знание [51]. (См. анализ позиции Соса в Главе 2 Части 4.)

На наш взгляд, у Генри есть некоторый перцептивный опыт, который не отличим от опыта, который у него был бы, если бы перед ним располагался хорошо сделанный фальшивый фасад, но нельзя сказать, что Генри видит, что перед ним амбар (подлинный фасад), несмотря на наличие причинной связи между его истинным мнением и подлинным амбаром (фактом). Следовательно, нельзя сказать, что он знает, что перед ним амбар, так как, если бы он видел, что перед ним амбар, он знал бы, что перед ним амбар. Почему же он не видит, что перед ним амбар? Непосредственное (неконцептуализированное) восприятие не даёт никакой информации о том, что располагается перед Генри, а визуальная идентификация амбара предполагает корректное применение концепта «амбар», который, как и всякий концепт, имеет зависящие от контекста условия своей применимости, в том числе и условия достоверной применимости (в парадигматических случаях). В описанной нестандартной ситуации эти условия нарушаются. Таким образом, в районе фальшивых (фасадов) амбаров концепт «амбар» неприменим для идентификации амбара. Следовательно, нельзя говорить и о подходящем применении когнитивных способностей Генри (именно как когнитивных, а не чисто перцептивных способностей). Наша точка зрения совместима со следующим примером.

Контекстуализированный пример с амбарными фасадами

Дж. Греко предлагает следующий модифицированный кейс Жине-Голдмана с амбарными фасадами, в котором существенную роль играет контекст практического рассуждения: «Предположим, что мы государственные служащие, в обязанность которых входит подсчёт амбаров в некотором районе с целью определения величины налога на собственность. Предположим, что фасады амбаров облагаются налогами не так, как действующие амбары. Генри, однако, новый служащий, который не осознаёт, что в этом районе есть фальшивые амбары, и он не получил специальной подготовки, чтобы отличить их от фасадов подлинных амбаров. В этом контексте Генри видит амбар с дистанции ста ярдов и достаёт свой журнал, чтобы зарегистрировать его. Очевидно, было бы ошибкой сказать, что Генри знает, что перед ним амбар. Другими словами, если бы в этом контексте Генри сказал “Я знаю, что передо мною амбар”, мы бы не рассматривали его высказывание как истинное» [52, р. 80]. Это один практический контекст.

Далее Греко предлагает другой практический контекст: «Мы всё ещё в районе ложных фасадов. Мы работаем на ферме, где мы знаем, что нет ложных фасадов. На самом деле, мы знаем, что на ферме имеется лишь одно строение – подлинный амбар. Нам вместе с Генри поручено пригнать корову обратно в амбар. Генри видит амбар с дистанции ста ярдов и начи-

нает гнать корову в этом направлении. Теперь, как представляется, будет правильным сказать, что Генри знает, что это амбар. По-другому говоря, если бы в этом контексте Генри сказал «Я знаю, там есть амбар», мы бы скорее всего рассматривали его утверждение как истинное» [52, р. 80].

Очевидно, что вопрос, действительно ли Генри находится в районе фальшивых фасадов или нет, то есть вопрос о выборе подходящей пространственно-временной области как значащей, зависит от контекста. Заключение, сделанное Греко во втором случае, будет верным, если только подходящая область рассмотрения ограничивается фермой. Другими словами, знание – не внутреннее (чисто субъективное) ментальное состояние. Наличие знания зависит от контекста – конкретных условий, в которых находится субъект. Наличие знания у Генри зависит, в частности, от присутствия других людей, работающих на ферме, которые знают, что на ферме имеется один-единственный амбар, который является подлинным³⁵.

Можно также предложить следующее альтернативное объяснение этих двух случаев. В зависимости от практических интересов и целей стандарты для знания варьируются. В первом контексте ставки гораздо выше, чем во втором. Поэтому стандарты для знания в первом контексте также выше.

8. Эпистемологический контекстуализм К. ДеРоуза

К. ДеРоуз приводит следующий пример зависимости стандартов для знания от контекста [53]. (См. также анализ эпистемического контекстуализма в статьях Р. МакКенна (R. McKenna) [53].)

Кейс «Банк» А.

В пятницу вечером мы с женой возвращаемся домой на автомобиле и планируем заехать в банк, чтобы оплатить чек. Проезжая мимо банка, мы видим, что внутри длинная очередь. Обычно мы оплачиваем чеки сразу, но в данном случае нет необходимости оплатить данный чек сегодня, поэтому я предлагаю ехать домой и оплатить чек в субботу утром. Моя жена говорит: «Возможно, завтра банк будет закрыт. Многие банки не работают по субботам». Я отвечаю: «Я знаю точно, что он будет открыт. Я был там две недели назад. Они работают по субботам до обеда».

Кейс «Банк» Б.

В пятницу вечером мы с женой возвращаемся домой на автомобиле и планируем заехать в банк, чтобы оплатить чек. И так же, как и в случае А, проезжая мимо банка, мы видим, что внутри длинная очередь. Я предлагаю оплатить чек в субботу, мотивируя тем, что я был в этом банке всего две недели назад в субботу, и он был открыт до обеда. Но в данном случае мы только что выписали важный чек на очень большую сумму. Если не положить деньги на счет до понедельника, то предъявителю чека будет отказано в выплате, и мы окажемся в очень неприятной ситуации. И, конечно же, банк не работает по воскресеньям. Жена напоминает мне обо всем этом. Она также говорит: «Банки меняют часы работы. Откуда ты знаешь, что банк будет открыт завтра?» Имея ту же степень уверенности, что банк будет работать в субботу, как и в случае А, я, тем не менее, отвечаю: «Нет, я не знаю. Пойду уточню» [53, р. 913–914].

Этот пример показывает, что стандарты для знания и, соответственно, наличие знания, могут зависеть от практического контекста атрибутора знания при неизменном эпистемиче-

---

³⁵ В то же время они могут рассуждать так: «Мы то знаем, что это амбар. Но мы также знаем, что в окрестностях имеется много фальшивых амбаров. Поэтому Генри не знает, что это амбар.» С другой стороны, при данных практических условиях различие между знанием Генри и его просто истинным обоснованным мнением не наблюдаемо, так как всё, что случается, случается в окрестности (подлинного) амбара. Если, например, предположить, что Генри, когда он гонит к амбару корову, сбивается с пути и видит другие «амбары», которые, на самом деле, лишь фасады амбаров, интуиция, что он знает, что он гонит корову к амбару, ослабевает.

ском контексте. В одном практическом контексте высказывание «я знаю, что в субботу утром банк открыт» истинно, тогда как в другом – ложно. В данном случае атрибутор знания и субъект, эпистемический статус которого оценивается, одно и то же лицо.

Зависимость знания от контекста атрибутора признаётся, однако, не всеми эпистемологами. Эпистемический инвариантизм утверждает независимость знания от контекста атрибутора. Согласно А. Колива, позиция Витгенштейна – эпистемический инвариантизм (см. статья Колива [53]).

С другой стороны, если исходить из того, что объяснение чувствительно к контексту, – например, причинные объяснения сильно зависят от контекста, – а приписывание знания – разновидность объяснения³⁶, то можно предположить, что приписывание знания также зависит от контекста. На зависимость знания от контекста указывает также эпистемология добродетелей. Для Э. Соса, одного из главных её проponentов, знание – подходящее (apt) мнение, то есть истинное мнение по причине употребления подходящих когнитивных способностей (или интеллектуальных добродетелей) субъекта, истина которого проявляет себя в их подходящем употреблении. Тогда высказывание «Субъект истинно верит, что р, благодаря своим эпистемическим способностям/добродетелям» равносильно высказыванию «Субъект, знает, что р». Корректное употребление эпистемической способности/добродетели сильно зависит от контекста. Поэтому, можно предположить, что приписывание первого высказывания зависит от практического контекста (наших интересов, целей и т. д.). Но тогда от контекста будет зависеть и приписывание второго высказывания.

9. Общий метод построения случаев Гетье

Как было сказано выше, общая проблема со случаями (типа) Гетье состоит в том, что в этих случаях, даже если субъект применяет свои когнитивные способности, его убеждение оказывается истинным лишь случайно. То есть оно с лёгкостью могло бы оказаться ложным. (Как мы увидим в следующей главе, знание может отсутствовать даже тогда, когда истинное мнение не могло бы с лёгкостью оказаться ложным.) Субъект не знает об этой случайности – эпистемической удаче, – не имеет рефлексивного/интроспективного доступа к ней. Если бы он узнал о ней, он узнал бы, что его истинное убеждение не было знанием. Таким образом, случаи Гетье указывают на существование «внешнего» условия для знания в том смысле, что чистый интернализм оказывается несостоятельным. Эпистемология добродетелей, принимающая во внимание лишь когнитивные способности (добродетели) субъекта, но не условия внешней среды, которые могут оказаться неблагоприятными для знания, даже если субъект безукоризненно применяет свои подходящие эпистемические способности, не может быть общей теорией знания. В лучшем случае она имеет ограниченную область применимости.

Можно предложить следующий общий метод построения случаев Гетье. Начать с истинного обоснованного мнения, которое есть знание и превратить его в истинное обоснованное мнение, которое не есть знание, путём введения двух компенсирующих друг друга случайностей: первая случайность состоит в том, что, несмотря на свою обоснованность, мнение оказывается ложным (это всегда можно сделать, так как с точки зрения традиционной эпистемологии обоснование не фактивно), а вторая – в том, что существует нечто, не имеющее отношения к очевидности и обоснованию мнения, что делает мнение истинным.

Предположим, например, что мы пришли на концерт Юрия Шевчука. На самом деле, артист опаздывает, и на сцену вышел его двойник. У нас формируются ложное убеждение, что на сцене Шевчук. Тем не менее, это убеждение является (интерналистски, не фактивно) обос-

---

³⁶ В одном из примеров Уильямсона, вор-домушник несмотря на то, что он не может найти в доме драгоценности, продолжает их искать в течение длительного времени. Этот факт можно объяснить тем, что он знает, что драгоценности находятся в доме.

нованным. Предположим теперь, что через несколько минут настоящий Шевчук оказывается за декорациями практически за спиной у своего двойника, но мы его не видим. Тогда наше убеждение, что на сцене Шевчук, становится не только обоснованным, но и истинным, хотя и не по причине своей обоснованности. Однако, оно по-прежнему не есть знание.

Согласно Линда Загзебски знание не может быть истинным мнением, удовлетворяющим некоторому дополнительному условию, которое с необходимостью не влечёт истинность мнения, поскольку всякое истинное мнение, удовлетворяющее такому условию, может быть сделано ложным, а затем вновь истинным, но уже случайным образом. Формула Загзебски имеет следующий вид: Знание $\neq$ истинное мнение + X [54]. Загзебски полагала, что проблему Гетье способна решить эпистемология интеллектуальных добродетелей [55]. Но, как уже было отмечено выше, удовлетворение одному лишь условию подходящего применения когнитивных способностей или интеллектуальных добродетелей субъекта недостаточно для наличия знания.

Д. Притчард эксплицирует два естественных структурных условия, которым должно удовлетворять любое знание и о которых мы уже упоминали выше. Одно из них является, условно говоря, «внешним», то есть относится к условиям окружающей среды, характеризует, насколько последняя является эпистемически благоприятной, а второе – «внутренним», связанным с применением когнитивных способностей познающего субъекта³⁷. Согласно внешнему условию, истинное мнение субъекта не должно быть случайным, то есть не могло бы с лёгкостью оказаться ложным и в этом смысле является безопасным. Согласно внутреннему условию, истинное мнение должно быть результатом применения когнитивных способностей или (интеллектуальных) добродетелей субъекта. Между этими двумя условиями, согласно Притчарду, существует связь, позволяющая их интегрировать в единое целое – знание. Это структурное определение знания – антислучайная (безопасная) эпистемология добродетелей, комбинирующая антислучайную (безопасную) эпистемологию, принимающую во внимание только «внешнее» условие, и эпистемологию добродетелей, принимающую во внимание только «внутреннее» условие [56–57]. (Для обозначения теории, которую мы называем «антислучайной/безопасной эпистемологией», употребляется также термин «противоудачная эпистемология». См., например, статьи А. Р. Каримова и А. З. Черняка [55].) Мы вернёмся к двухкомпонентной теории Притчарда в Главе 2. Основные положения его теории в связи с подходом С. Голдберга и ЭСЗ Уильямсона рассматриваются в Главе 1 Части 4.

---

³⁷ Мы употребляем здесь термин «внутреннее», вообще говоря, не в интерналистском смысле. В респонсibiliзме – разновидности эпистемологии добродетелей – речь идёт о применении высокоразвитых интеллектуальных способностей субъекта. Это интерналистский подход. Но в том случае, когда речь идёт о применении надёжных когнитивных способностей субъекта, например, перцептивной способности, мы имеем дело с экстерналистским подходом. И в том, и в другом случае, однако, мы говорим не о характеристике внешней среды, а о внутренней характеристике познающего субъекта.

Глава 2 Теории знания

1. Эволюция эпистемологических теорий после Гетье

Попытки проанализировать знание в виде необходимых и достаточных условий, принимаемые в течение нескольких десятилетий после появления в 1963 г. статьи Гетье, не привели к определённому успеху [58]. Формула «знание = мнение (убеждение, верование) + истина + обоснование + что-то ещё (или же: мнение + истина + что-то ещё), где «что-то ещё» позволяло бы исключить контрпримеры типа Гетье и не отсылало бы к понятию знания, была отвергнута эпистемологией сначала-знания (ЭСЗ) Т. Уильямсона. Всё же, на наш взгляд, усилия, предпринятые в рамках традиционной эпистемологии, нельзя назвать бесполезными. С одной стороны, они выявили пределы традиционной эпистемологии, а с другой – привели к возникновению множества интересных теорий, некоторые из которых совместимы с ЭСЗ, хотя и менее фундаментальны.

В данной главе мы рассмотрим некоторые теории знания, располагающиеся скорее в рамках традиционной парадигмы – как экстерналистские, так и интерналистские теории, а также смешанные теории, комбинирующие элементы экстернализма и интернализма. Рассматривая теории в их взаимосвязи, мы увидим, что в эпистемологии наблюдается определённый, но не решающий, теоретический прогресс³⁸.

Первой экстерналистской теорией стала **причинная теория знания** Э. Голдмана, утверждающая, что S знает, что p, если p истинно и S верит, что p, потому что находится в причинной связи с p. Это экстерналистская теория, так как субъект может не иметь рефлексивного доступа к условиям формирования своего мнения – причинному механизму. Проблема этой теории в том, что причинная связь может быть девиантной, так что истинность p оказывается случайной. Очевидно, что в этом случае истинное мнение не может считаться знанием [59].

Процессуальный релейабиллизм Голдмана утверждает, что знание – истинное мнение/убеждение, которое является результатом подходящего надёжного (когнитивного) процесса, то есть такого процесса, результатом которого, как правило, является истинное мнение. Это развитие причинной теории. Классическая формулировка процессуального релейабиллизма дана в [60–61]³⁹.

Антислучайная эпистемология (anti-luck epistemology) – мы ещё употребляем термин «безопасная эпистемология», так как теория вводит условие безопасности (safety condition) – была развита Д. Притчардом [62]. Теория утверждает, что S знает, что p, если его истинное убеждение не могло бы с лёгкостью оказаться ложным, то есть является безопасным – истинным в ближайших «возможных мирах». (О двух формулировках условия безопасности см. раздел 2.9.) Согласно Уильямсону, это разновидность релейабиллизма [1].

Эпистемология добродетелей (эпистемических способностей/ достоинств) (virtue epistemology, cognitive ability epistemology) развивалась Э. Со са, Дж. Греко, Л. Загзебски и другими [51; 52; 54; 63; 64] (см. также [55]).

³⁸ В то же время, как полагает Уильямсон, стандартные эпистемологические теории не приближают нас к истине, так как они начинают изучать знание не с того конца. Для Уильямсона знание концептуально неанализируемо. Концепт знания первичен. Исходя из понятия знания, объясняются другие эпистемологические понятия, а не наоборот.

³⁹ Случаи типа Гетье показывают, что выполнение трёх классических условий – наличие убеждения/мнения, его истинность и обоснованность, – вообще говоря, недостаточно для наличия знания. Но необходимы ли они, то есть необходимо ли обоснование? Релейабиллизм утверждает, что наличие эксплицитного обоснования не необходимо. Релейабиллизм объясняет, например, знание, приобретаемое в результате непосредственной визуальной перцепции объектов.

Как уже было сказано в предыдущей главе, Л. Загзебски показала, что не существует некругового анализа знания в виде «истинное мнение + что-то ещё». В качестве альтернативы стандартной теории знания была предложена эпистемология добродетелей. Эта теория имеет две версии. Одна из них – респонсibiliзм – является более интеллектуализированной, чем другая. В респонсibiliзме основным понятием является понятие интеллектуальных добродетелей, которые требуют постоянной тренировки. Это рефлексивные способности. Согласно респонсibiliзму, S знает, что p, если его истинное убеждение – результат применения его когнитивных интеллектуальных добродетелей. В другой версии эпистемологии добродетелей основным понятием является понятие когнитивных способностей. Примерами таковых являются когнитивные навыки и врождённые когнитивные способности, например, перцептивная способность. Утверждается, что S знает, что p, если его истинное убеждение – результат применения его когнитивных способностей, которые не обязаны быть интеллектуальными добродетелями. Эта теория является более экстерналистской, чем респонсibiliзм. Наибольшую популярность приобрела эпистемология добродетелей Соса [63–66]. (Эпистемология Соса рассматривается в Главе 2 Части 4.)

Антислучайная эпистемология эпистемических способностей/добродетелей Д. Притчарда – синтез антислучайной (безопасной) эпистемологии и эпистемологии способностей/добродетелей [47; 57]. Знание – истинное убеждение, удовлетворяющее условию безопасности – отсутствие эпистемической удачи – и являющееся результатом применения когнитивных способностей/добродетелей. Эти условия связаны между собой. (См. раздел 1.9 Главы 1 и Главу 1 Части 4.)

Эпистемология добродетелей без риска – предложенное Притчардом усовершенствование антислучайной эпистемологии добродетелей путём замены понятия модальной удачи понятием эпистемического риска, которое является более фундаментальным [67]. (См. разделы 2.8 и 2.9.)

В рамках стандартной эпистемологии наблюдается, таким образом, определённый теоретический прогресс, наподобие прогресса, который наблюдается, например, в теоретической физике. В то же время, как нам представляется, все теории стандартной эпистемологии сталкиваются с контрпримерами типа Гетье. Как нам представляется, одной из причин этого является то, что различие между интернализмом и экстернализмом вводится в рамках парадигмы модерна, предполагающей существование внешнего и внутреннего миров.

2. От интернализма к экстернализму

Традиционное определение знания как истинного обоснованного мнения интерналистское в сильном смысле. Предполагается, что субъект в состоянии с лёгкостью, при помощи одной лишь рефлексии/интроспекции получить доступ к обоснованию – рациональным основаниями – своего мнения. Обоснование является нефактивным и в этом смысле интерналистским. Каким бы хорошим оно ни было, оно не гарантирует истинность мнения и знание, которая является чисто внешним условием, тогда как мнение и обоснование находятся «в голове». Мнение рассматривается как ментальное состояние, тогда как знание таковым не считается. Проблема Гетье – проблема с традиционным определением знания – показывает, что чисто интерналистский подход непригоден. Требуется ввести внешнее условие – требование антислучайности истинного мнения. Так поступает экстернализм. Но так поступает и современный интернализм, который не является чистым интернализмом. Отличие современного интернализма от экстернализма в том, что первый не ограничивается внешним условием, а требует помимо удовлетворения внешнего условия также и удовлетворение некоторого внутреннего условия, например, наличие рефлексивно доступного обоснования мнения. Знание определяется как истинное (или истинное и обоснованное) мнение с дополнительным условием имму-

нитета к контрпримерам (случаям) типа Гетье. Вопрос в том, каким образом содержательно артикулировать это дополнительное условие. Одной из наиболее продвинутых теорий, относящихся, скорее, к стандартной эпистемологической парадигме, является упомянутая выше антислучайная (безопасная или «без риска») эпистемология добродетелей/способностей Притчарда. Эта теория будет рассмотрена ниже (подробнее см. также Главу 1 Части 4).

На наш взгляд, однако, в рамках стандартной парадигмы, основанной, в частности, на предпосылке о существовании внешнего и внутреннего миров, ни экстернализм, ни интернализм не способны решить проблему Гетье. Может быть, поэтому А. Колива считает, что Витгенштейн не эпистемологический экстерналист [68]. Как уже было отмечено, наша точка зрения состоит в том, что его петлевая эпистемология не только экстерналистская в смысле к-реализма, но и совместима с радикально экстерналистской эпистемологией Уильямсона.

Проблема Гетье, таким образом, оказывается плохо поставленной проблемой. Это – индикатор того, что традиционная парадигма проблематична. Проблема не может быть решена в смысле нахождения удовлетворительного редуктивного анализа (концепта) знания в виде композиции мнения, его истинности и дополнительного условия.

3. Радикальный экстернализм. Пример «Чак»

Радикальный экстернализм, в отличие от интернализма, утверждает, что условие эксплицитной обоснованности мнения, как, впрочем, и любое другое эпистемическое условие, к которому субъект имеет рефлексивный доступ, не является необходимым для знания. Знание может быть чисто экстерналистским. Д. Притчард приводит следующий пример «Чак» (Chuck) с определением пола цыплёнка: «Чак обладает ярко выраженной способностью различать цыплят мужского и женского пола. Он приобрёл эту способность благодаря тому, что вырос среди цыплят. Он не знает, каким образом ему это удаётся. Он думает, что это может быть благодаря зрению и прикосновению, но не уверен в этом. Он также не потрудился проверить, что его способность действительно надёжна (он просто принимает её за данное). Всё же, если вы хотите узнать, мужского или женского пола цыплёнок, идите к Чаку, и он Вам скажет» [56, р. 14].

Итак, Чак способен выносить надёжные суждения типа «Этот цыплёнок мужского (женского) пола», не имея никакого рефлексивного/интроспективного доступа к эпистемическому обоснованию для них. Выражают ли тогда эти суждения знание Чака? Знает ли Чак, что тот или иной цыплёнок мужского или женского пола? Экстерналисты дают положительный ответ на этот вопрос; интерналисты – отрицательный.

Предположим также, что все говорят, что Чак знает, как определить пол цыплёнка. Можно ли тогда сказать, что Чак обладает знанием-как? Этот вопрос приводит нас к традиционному для современной эпистемологии вопросу о том, является ли знание-как особым видом знания или же разновидностью пропозиционального знания – знания-что⁴⁰. Также «знание-как» может, строго говоря, вообще не быть знанием, а быть просто способностью (умением). Некоторые антиинтеллектуалисты, следуя Г. Райлу, считают, что знание-как – способность как особый вид знания. (Подробнее см. Главы 2 и 3 Части 5.) В отличие от способности, однако, знание с необходимостью имеет интеллектуальное измерение. Имеет ли интеллектуальное измерение «знание», которым обладает Чак, или же это просто диспозиция? Возникает также вопрос о том, не относится ли знание Чака к тому виду знания, которое называют

---

⁴⁰ Например, для Дж. Стэнли (Jason Stanley) и Т. Уильямсона знание-как (что-то делать) – разновидность знания-что. Это знание-что, представленное в практическом модусе. Это нередуктивный интеллектуалистский подход [69]. Напротив, для С. Хетерингтона (Stephen Hetherington) знание-что – разновидность знания-как [36]. Обычно о знании-как говорят в практической области: знание-как – это знание как что-то делать (кататься на велосипеде, плавать и так далее). Мы полагаем, что можно говорить о знании-как и в теоретической области. (Подробнее см. Главы 2–3 Части 5.)

«ознакомлением» (acquaintance); и какова природа этого вида знания⁴¹. На наш взгляд, ответ не однозначен и зависит от дальнейшей спецификации рассматриваемого примера. Понятно, например, что наличие чисто механической диспозиции, позволяющей отделить цыплят мужского пола от цыплят женского пола, не может рассматриваться как знание. В то же время, с точки зрения ЭСЗ, отсутствие рефлексивного доступа к эпистемическому обоснованию не обязательно означает отсутствие знания. Концепт знания предполагает, что мы многое знаем, не имея такого рода доступа.

4. Вероятность и модальность. Случай лотере

Выше мы выявили проблему, на которую указывают случаи Гетье. Знание отсутствует, если истинное мнение оказывается истинным случайно. Урок Гетье, таким образом, в том, чтобы исключить случайность в формировании истинного мнения. В то же время существуют случаи обоснованных истинных мнений, которые не являются знанием, хотя, на первый взгляд, их нельзя назвать случайными. Более того, их вероятность может быть очень высокой⁴². Например, в случае лотереи с большим числом возможных исходов и только одним возможным выигрышным исходом, я не могу сказать, что я знаю, что я не выиграю (или не выиграл – если лотерея уже разыграна, но мне ещё не сообщили её результат), хотя моё убеждение, что я не выиграю (не выиграл) хорошо обосновано и я действительно не выиграю (не выиграл). Это так даже в том случае, если вероятность, что моё убеждение истинно, сколько угодно близка к единице⁴³. В этом случае нельзя также сказать, что одна случайность (удача) компенсирует другую, как это имело место в примерах типа Гетье, которые мы привели выше. Поэтому некоторые эпистемологи, как, например, Э. Соса, считают, что я всё-таки знаю, что не выиграю.

На самом деле требуется сделать различие между вероятностью и модальностью. Действительно, с вероятностной точки зрения закономерно, что я не выиграю в лотерею. Но с модальной точки зрения, принимающей во внимание, что могло бы быть при тех же или подобных исходных условиях (при том же методе формирования мнения), – или, как говорят, что имеет место в возможных мирах, близких к актуальному миру, в котором мы находимся, – моё истинное убеждение истинно случайно, так как я с той же лёгкостью, с которой вытянул невыигрышный билет, мог бы вытянуть выигрышный билет (хотя вероятность вытянуть выигрышный билет очень мала, она в точности такая же, как и вероятность вытянуть любой другой (невыигрышный) билет). В этом смысле нет модального отличия между миром, в котором я вытягиваю выигрышный билет, и миром, в котором я вытягиваю невыигрышный билет. То

⁴¹ Отметим, что монисты относительно знания считают, что концепт знания однозначен и «S знает, что p» – однозначное отношение между S и p. Плюралисты относительно знания считают, что «S знает, что p» как отношение между S и p, неоднозначно. В частности, оно может зависеть от стандартов, то есть быть не двухместным, а трёхместным отношением между субъектом, предложением p и стандартом для обоснования. Плюрализм стандартов влечёт плюрализм знания. Например, экстерналистские и интерналистские стандарты для обоснования мнения очень отличаются друг от друга. Поэтому некоторые эпистемологи считают, что существуют два различных вида знания: экстерналистское и интерналистское. К плюралистам можно отнести и тех, кто считает, что знание-что и знание-как – два самостоятельных вида знания, а также Э. Соса, делающего различие между животным, рефлексивным и полным знаниями (см. раздел 2.7) [51]. (Подробнее см., например, статью Р. МакКенна об эпистемическом плюрализме [53]). Мы придерживаемся монистской позиции. В частности, мы разделяем позицию Стэнли и Уильямсона относительно знания-как (см. предыдущую сноску). Таким образом, мы отвергаем ту разновидность эпистемологического контекстуализма, которая утверждает, что сам концепт знания зависит от контекста.

⁴² Пробабелистская теория обоснования утверждает, что у субъекта S есть обоснование для мнения, что p, тогда и только тогда, когда p весьма вероятно [70]. Эта теория сталкивается, в частности, с проблемой обоснования больших конъюнкций. Например, в простейшем случае (для независимых событий) вероятность истинности конъюнкции равна произведению вероятностей, что истинны составляющие её конъюнкты. При большом числе конъюнктов вероятность конъюнкции может быть сколь угодно мала. Таким образом, согласно пробабелистской теории, конъюнкция оказывается необоснованной. Это входит в противоречие с принципом замкнутости (передачи) обоснования при логическом выводе, согласно которому конъюнкция обоснованных конъюнктов является обоснованной.

⁴³ Отметим, что эпистемические контекстуалисты могут считать, что в некоторых практических контекстах атрибутор (таковым могу быть я сам) может приписать мне знание, что я не выиграю в лотерею. Такова, например, позиция Льюиса [5].

есть возможный мир, в котором я вытягиваю выигрышный билет, близок к актуальному миру. Понятие близости существенно. Не все возможные относительно имеющейся очевидности миры оказываются релевантными, а только близкие к актуальному. Льюис вводит несколько правил, которым должны подчиняться релевантные в данном контексте относительно имеющейся очевидности возможные миры. Одно из этих правил – правило подобия – требует наличие сходства между релевантными возможными мирами и актуальным миром [5].

Поясним различие между вероятностью и модальностью ещё на одном примере. Иван паркует свой автомобиль недалеко от дома. Из окна своей квартиры он не может видеть, на месте ли автомобиль. Тем не менее, рано утром, перед тем как выходить из дому, он уверен, что ночью автомобиль не был угнан. Его убеждение истинно и обоснованно. На самом деле, Иван знает, что автомобиль на месте, несмотря на то что вероятность, что он не угнан, значительно ниже, чем вероятность убеждения, которое у него было накануне, что он проиграет в лотерею. Иван действительно накануне проиграл в лотерею. Но он не знал, что он проиграет. Дело в том, что возможный мир, в котором автомобиль Ивана угнан, достаточно близок к актуальному в смысле объективной вероятности, но достаточно удалён от него в модальном смысле, то есть он не является релевантным. Эти миры не удовлетворяют правилу сходства в смысле Льюиса. Объективная вероятность сама по себе не позволяет сделать различие между знанием и незнанием.

Таким образом, рассмотренные примеры показывают, что концепты объективной вероятности и модальности играют в эпистемологии различные роли. Высокая объективная вероятность, что убеждение истинно, не означает, что оно является знанием; и наоборот. В примере с автомобилем именно модальность (доступность возможного мира – реальные возможности) определяет знание. Это рассогласованность между вероятностью и модальностью устраняется, если обратиться к понятию вероятности, условной на очевидности как знанию, введённому Уильямсоном [71].

5. Условия (принципы) восприимчивости и безопасности

Интуиция, что наличие знания, исключаящее случаи Гетье, требует, чтобы соответствующее истинное убеждение было истинным не случайно, формализуется в виде условия восприимчивости (*sensitivity condition*)⁴⁴ или условия безопасности (*safety condition*) [62; 72].

Условие (принцип) восприимчивости. Если *S* знает, что *p*, то *S* верит, что *p*, *p* истинно, и если бы *p* было ложным, *S* не верил бы, что *p* (иногда добавляют ещё одно условие: если бы *p* было истинным, *S* верил бы, что *p*). Другими словами, *S* восприимчив только к истине/факту (не формирует ложные мнения). В терминах возможных миров условие восприимчивости означает, что в ближайших возможных мирах, в которых *p* ложно, *S* не верит, что *p*⁴⁵.

Два варианта **условия (принципа) безопасности** истинного мнения можно найти, например, в работах Т. Уильямсона, Д. Притчарда и Э. Соса (см. также раздел 2.9 ниже). **(А) Ограниченное (слабое) условие безопасности.** Если *S* знает, что *p*, то *S* верит, что *p*, *p* истинно, и мнение *S*, что *p*, не могло бы с лёгкостью быть ложным в том смысле, что истинность *того же самого* мнения, что *p*, стабильна в ближайших возможных мирах. Отметим, что ближайшие миры, в которых мнение ложно, могут не относиться к ближайшим возможным мирам. То есть

⁴⁴ Первые версии условия восприимчивости были предложены Фредом Дрекке и Робертом Нозиком.

⁴⁵ Язык «возможных миров» не общепринят и заслуживает критики. Вместо этого, можно рассуждать в терминах контрфактивных высказываний, выражаемых условно-сослагательными предложениями: что было бы, если бы события разворачивались по-другому, чем это есть на самом деле (в нашем актуальном мире)? Мы знаем, что есть. Это актуальный мир. Но то, что есть, могло бы не быть. Что-то или даже всё могло бы быть по-другому. Модальные высказывания – высказывания относительно того, каким образом вещи могли бы или должны быть. У нас есть интуиция относительно их истинности или ложности. Эпистемология модальностей оценивает модальные высказывания на истинность.

существование некоторых возможных миров приводит к нарушению условия восприимчивости, но не условия безопасности (см. пример «Эрни» ниже). **(В) Сильное условие безопасности.** Если *S* знает, что *p*, то *S* верит, что *p*, *p* истинно, и мнение *S*, что *p*, не могло бы с лёгкостью быть ложным. То есть мнение, что *p*, варьируется, но его истинность стабильна в ближайших возможных мирах. В отличие от случая (А), в случае (В) в рассмотрение принимается большее число возможных миров, поскольку само мнение может варьироваться. При этом, разумеется, допускается не произвольная вариация мнения. Д. Притчард, например, вводит условие, что мнение формируется при помощи одного и того же метода. Возможные миры, в которых мнение не удовлетворяет этому условию, в рассмотрение не принимаются. Подробнее два варианта условия безопасности будут рассмотрены ниже.

Оба условия – восприимчивости и безопасности – являются экстерналистскими и формулируются прежде всего как необходимые условия на знание. При некоторых условиях, однако, они могут рассматриваться и как достаточные условия. Например, с точки зрения сильной безопасной эпистемологии (*robust safe epistemology*), представляющей собой развитие релейабиллизма А. Голдмана, знание есть безопасное истинное мнение [62]. Это чисто экстерналистская теория.⁴⁶

В терминах условий восприимчивости и безопасности скептическая проблема решается следующим образом: поскольку не существует ближайших возможных миров, в которых внешний мир не существует (*S* не мозг в баке), убеждение *S*, что внешний мир существует удовлетворяет условиям восприимчивости и безопасности. Поскольку к тому же убеждение *S* обосновано и истинно (предположим это), *S* знает, что внешний мир существует. Таким образом, оба условия позволяют решить скептическую проблему.

Отметим, что в настоящее время предпочтение отдаётся условию безопасности. В частности, некоторые философы считают, что условие восприимчивости входит в противоречие с принципом замкнутости знания [72]. Ниже мы иллюстрируем применение двух условий на примерах.

6. Случаи Гетье (продолжение)

В Главе 1 мы ввели в рассмотрение три основных вида случаев Гетье. В данном разделе мы продолжаем рассмотрение случаев Гетье с учётом экстерналистских принципов восприимчивости и безопасности.

Лотерея

Вернёмся к уже рассмотренному выше примеру с лотереей. Как было сказано, возможный мир, в котором я вытягиваю выигрышный лотерейный билет, практически ничем не отличается от актуального мира, в котором я вытягиваю невыигрышный билет. То есть в модальном смысле он является ближайшим. Поскольку в этом возможном мире я продолжаю верить, что я вытянул невыигрышный билет, условие восприимчивости лишь к истине нарушается. Это объясняет отсутствие знания, что билет, который я действительно вытянул, не является выигрышным. Отсутствие этого знания объясняет и условие безопасности, поскольку мир, в котором я вытягиваю выигрышный билет, является в модальном смысле близким (хотя он является очень удалённым в вероятностном смысле) к актуальному миру, то есть моё убеждение, что я вытянул невыигрышный билет, с лёгкостью могло бы оказаться ложным. Отметим, что в этом примере предполагается, что важны все, а не почти все ближайшие миры, так как оба усло-

⁴⁶ Согласно Т. Уильмсону, правильно понятое условие безопасности достаточно, чтобы безопасное истинное мнение было знанием. При этом, конечно, концепт безопасности вторичен по сравнению с концептом знания. То есть определение знания как безопасного истинного мнения является круговым. (Две формулировки условия безопасности рассматриваются в разделе 2.9.)

вия – восприимчивости и безопасности – нарушаются из-за одного-единственного возможного мира, в котором я вытягиваю выигрышный билет!)

И условие восприимчивости, и условие безопасности нарушаются в примерах Родерика Чизолма с овцой и Элвина Голдмана с фасадами амбаров (см. раздел 1.7 Главы 1). Это объясняет отсутствие знания. Напротив, при нормальных условиях зрительная перцепция восприимчива к истине и удовлетворяет условию безопасности. Это объясняет факт перцептивного знания.

Пример с часами

Очевидно, что часы, которые остановились ровно 24 часа тому назад, показывают правильное время. Но тот, кто смотрит на них, чтобы узнать время, не зная, что они остановились ровно 24 часа тому назад, не знает, что они показывают правильное время. При этом субъект формирует истинное мнение о времени, которое, к тому же, может быть обоснованным в интерналистском (не фактивном) смысле. Бертран Рассел пишет «Ясно, что знание – подкласс истинных мнений: каждый случай знания – случай истинного мнения, но не наоборот. Очень легко дать примеры истинных мнений, которые не есть знание. Вот человек, который смотрит на остановившиеся часы, думая, что они идут, и которому удалось посмотреть на них в тот момент, когда они показывают правильное время. Этот человек приобретает истинное мнение о времени дня, но нельзя сказать, что он приобретает знание» [73, р. 170–171]. В этом примере нарушается как условие восприимчивости, так и условие безопасности, что и объясняет отсутствие знания.

Можно также попытаться объяснить отсутствие здесь знания, апеллируя к выводу из ложной посылки (no false lemmas) [5]: предположение, что часы поддерживаются в хорошем состоянии, которое неявно принимается тем, кто смотрит на часы и формирует своё мнение о времени, ложно.

Вывод из ложной посылки

Что касается вывода из ложной посылки, то в случае с часами возможен следующий контраргумент: если бы часы не остановились, то несмотря на то, что указанная посылка ложна, у того, кто смотрит на часы, было бы не только истинное и обоснованное мнение о времени, но и знание. Наличие ложной посылки, таким образом, не сказывается на наличии знания. С другой стороны, если часы действительно в плохом состоянии, вовсе не очевидно, что тот, кто на них смотрит, знает время, даже если часы показывают правильное время. Во всяком случае тот, кто знает, что часы в плохом состоянии, будет сомневаться в правильности их показаний. Можно ли тогда сохранить вывод из ложной посылки? А. Картер и Дж. Литлджон приводят следующий пример «Рождество», в котором интуитивно знание имеет место, несмотря на наличие очевидной ложной посылки: «Тим не думает, что в этом году на Рождество он получит подарки, потому что он знает, что его родители очень бедны. Но родители убеждают его, что что-нибудь в этом году он получит, убеждая его в том, что Санта-Клаус принесет ему подарок. Мы можем предположить, что родители никогда бы не сказали ему, что Санта-Клаус принесет подарок, если бы они что-то не купили для Тима и не планировали оставить это для него под елкой. Тим верит, что он получит подарок, и эта вера основана на его ошибочной вере в то, что Санта-Клаус принесет ему подарок» [74, р. 128]. Другим примером вывода из ложной посылки (или ложных посылок) являются примеры научного знания. Многие научные выводы и обоснования могут содержать некоторое число ложных посылок. Несмотря на это, знание может иметь место. Таким образом, аргумент вывода из ложной посылки слишком сильно ограничивает случаи, в которых имеется знание. Требуется, таким образом, отделить важные (сильные) посылки от менее важных (слабых). Ложность последних может не сказываться на знании обосновываемого утверждения. С другой стороны, если предположить,

что ложная посылка должна быть достаточно сильной, тогда нельзя объяснить отсутствие знания в примерах с овцой и амбарами при помощи вывода из ложной посылки. Эти примеры можно объяснить при помощи вывода из достаточно слабых посылок, таких, например, как отсутствие особенностей в окружающей среде⁴⁷. Найти баланс между этими двумя полюсами оказывается трудно. Скорее, следует предположить, что в общем случае знание нельзя определить как истинное и обоснованное мнение при отсутствии ложных посылок в обосновании (хотя оригинальные примеры Гетье можно трактовать именно в терминах вывода из ложной посылки). Сказанное относится к любому единообразному унитарному случаю Гетье.

Нарушение принципа восприимчивости

Притчард описывает случай «Эрни» (Ernie): «Эрни живет в многоэтажном многоквартирном доме, в котором от мусора избавляются, выкидывая его в мусоропровод, который находится в коридоре. Эрни знает, что квартиры хорошо ухожены, и поэтому, когда он сбрасывает мусор в мусоропровод, он убежден, что мусор скоро окажется в подвале» [56, р. 27]. Интуитивно Эрни знает, что мусор оказывается в подвале. Но в ближайшем возможном мире, в котором мусор застревает в мусоропроводе, его мнение ложно. Таким образом, условие восприимчивости нарушается. Для сторонника принципа безопасности этот мир не является ближайшим. Мнение Эрни, что мусор оказывается в подвале истинно, безопасно и является знанием. Кроме того, можно предположить, что в некоторых случаях для того, чтобы мнение было безопасным и знанием, достаточно, чтобы оно было истинным *почти* во всех ближайших возможных мирах⁴⁸. По этому вопросу, однако, нет консенсуса.

Принцип восприимчивости сталкивается также с проблемами применительно к индуктивному знанию (поскольку нет восприимчивости к ближайшему отклонению от индуктивной закономерности), случаю применения принципа замкнутости знания и скептической проблеме [72; 75]. В ближайшем возможном мире, в котором я мозг-в-баке, я верю, что я не мозг-в-баке. Следовательно, согласно принципу восприимчивости, я не знаю, что я не мозг-в-баке. Такой мир, однако, не является ближайшим. Поэтому принцип безопасности не нарушается. Согласно этому принципу, я знаю, что я не мозг-в-баке. Таким образом, считается, что принцип безопасности в указанных случаях работает лучше, чем принцип восприимчивости. Однако, и принцип безопасности не является универсальным. Рассмотрим несколько контр-примеров к его применению.

Нарушение условия безопасности. Пример со сломанным калькулятором

А) Предположим, что сломанный калькулятор всегда показывает правильный результат для одной-единственной операции. Тогда мнение субъекта, не знающего, что калькулятор сломан и неявно предполагающего, что с ним всё в порядке (ложная посылка!), будет истинным и безопасным, если он ограничится употреблением калькулятора для выполнения этой одной операции. На языке возможных миров в этом случае в расчёт принимаются лишь те миры, в которых субъект формирует то же самое мнение. Таким образом, выполняется слабое условие безопасности. Тем не менее, безопасное истинное мнение субъекта не будет знанием, поскольку невозможно приобрести знание про помощи сломанного калькулятора. Если же исходить из сильного условия безопасности, допускающего вариацию мнения субъекта, его истинное мнение не будет безопасным, так как при выполнении различных операций при помощи того же самого калькулятора у субъекта будут формироваться ложные мнения. Таким образом, принцип безопасности, понятый в сильном смысле, объясняет отсутствие знания.

---

⁴⁷ То, что эта посылка является слабой, можно оспаривать.

⁴⁸ В случае лотереи существование одного-единственного возможного мира, в котором мнение субъекта ложно, делает знание о том, что вытянутый билет не выигрышный, невозможным. В то же время некоторые эпистемические контекстуалисты (например, Д. Льюис) считают, что существуют практические контексты, в которых приписывание субъекту знания корректно.

В) То же самое можно также выразить при помощи понятия метода формирования мнения. Релевантный (близкий) возможный мир представляет собой мир, в котором формируется мнение при помощи того же самого метода. Методом в данном случае является произвольное вычисление при помощи того же самого (сломанного) калькулятора. (Можно сказать, что в случае повторяющегося одного-единственного вычисления просто употребляется другой метод формирования мнения. То есть возникает вопрос о том, что считать «тем же самым методом».)

С) Предположим теперь, что калькулятор сломанный, но вследствие двух компенсирующих друг друга ошибок всегда даёт правильный результат для любого вычисления, и субъект об этом не знает. В этом случае будет выполняться не только слабое, но и сильное условие безопасности, если в качестве метода формирования мнения принимается произвольное вычисление на калькуляторе. Несмотря на это, знание будет отсутствовать, так как при помощи сломанного калькулятора нельзя приобрести знание.

Д) Заметим, что понятие близкого возможного мира (соответственно, понятие «того же самого метода») можно расширить ещё больше. А именно, можно рассмотреть миры, в которых пользуются разными калькуляторами, среди которых попадаются и сломанные. Если такие миры считать ближайшими, истинное мнение субъекта, сформированное в актуальном мире, не будет безопасным.

Рассуждения в этом духе можно продолжить. Здесь возникает своего рода регресс к бесконечности. То есть условие безопасности может быть сделано всё более и более сложным с той целью, чтобы оно позволяло охватить всё более широкий класс случаев при помощи формулировки «Знание – истинное безопасное мнение». Регресс возникает и при попытках объяснить знание в терминах лишь одного понятия когнитивной способности. Формулировка «Знание – подходящее истинное мнение» приводит к регрессу подходящестей разных порядков (подходящестя подходящести и так далее). Д. Притчард предлагает комбинировать в определении знания условие безопасности и условие применения когнитивной способности, – два основных естественных условия на знание – в рамках своей безопасной эпистемологии эпистемических добродетелей, о которой мы уже упоминали выше [57]. В то же время, как мы полагаем, оба эти условия в конечном итоге зависят от знания. Некруговой анализ концепта знания невозможен.

Пример «Темп»

Притчард приводит следующий пример «Темп», в котором даже выполнение двух условий – безопасности и применения когнитивных способностей – не даёт знание: «Работа Темпа состоит в том, чтобы контролировать температуру в комнате, в которой он находится. Он это делает, снимая показания термометра, который висит на стене. Оказывается, что такой способ формирования его мнений о температуре в комнате всегда даёт истинное мнение. Однако, причина этого не в том, что термометр функционирует подходящим образом, так как на самом деле это не так – его показания флуктуируют случайным образом в определённых пределах. Существенно, однако, что в соседней с термостатом комнате некто спрятан. Без ведома Темпа он делает так, что всякий раз, когда Темп смотрит на термометр, температура в комнате подгоняется таким образом, чтобы она соответствовала показанию термометра» [57, р. 38]. Истинное мнение Темпа не есть знание, несмотря на то что оно безопасно и Темп подходящим образом применяет свои когнитивные способности⁴⁹. Согласно Притчарду требуется принять во внимание не только эти два условия, но и некоторое условие связи между ними. Ниже мы рассмотрим этот вопрос подробнее. (См. также анализ примера «Темп» в Главе 1 Части 4.)

---

⁴⁹ Заметим, что, если бы мы знали об этой особенности, у нас было бы знание. Сравните с определением знания С. Хеттерингтона.

7. От безопасной эпистемологии к безопасной эпистемологии добродетелей

Эпистемология добродетелей

Эпистемология добродетелей делает акцент в определении знания на применении субъектом его эпистемических добродетелей⁵⁰. Существуют две разновидности эпистемологии добродетелей: эпистемология когнитивных способностей и респонсibiliзм, или эпистемология интеллектуальных добродетелей. К когнитивным способностям относятся, например, врождённые когнитивные способности (перцептивные способности, память и другие), основные когнитивные навыки и т. д. К интеллектуальным добродетелям относятся любовь к истине и знанию, открытость ума, эпистемические смирение, усердие и мужество, автономия, мудрость, осторожность, добросовестность, настойчивость и другие (см., например, [54]).

Эпистемология добродетелей Эрнеста Соса использует аналогию между знанием и действием. Аналогом успешного действия и эпистемической целью (достижением) является истинное мнение. Нормы, следование которым позволяет приобрести истинное мнение (и знание), то есть добиться успеха, называются целевыми нормами. Согласно теории индивидуальной целевой нормативности Э. Соса, в случае знания имеет место интенциональная попытка (намерение) приобрести подходящее (apt) истинное мнение, что *p*, алетически утверждая, что *p*. Пропозициональное знание – подходящее мнение, то есть успешное (истинное) мнение, успех которого является результатом применения субъектом его подходящих и надёжных когнитивных способностей, которые проявляются в успехе (истинности мнения). Другими словами, мнение подходяще, если и только если оно успешно (истинно) по причине компетентности (*потому что* оно компетентно, искусно). При этом для Э. Соса «животное знание», что *p*, – (просто) подходящее мнение, что *p*, или подходящее алетическое утверждение, что *p* (рефлексия отсутствует). Алетическое утверждение, что *p*, может быть искусным (adroit), но не подходящим (apt). «Полное знание», что *p*, – подходящее мнение, что *p*, подходящеесть которого подходяща, или подходящее алетическое суждение, что *p*. Полное знание также предполагает, что подходящеесть мнения направляется подходящим образом (то есть сама является подходящей – это подходящеесть второго порядка), а не просто рефлексивно отслеживается. В случае полного знания мы имеем не просто подходящее алетическое утверждение, а подходящее алетическое суждение⁵¹. (См. «Epistemic explanations» [51].) Полное знание, что *p*, предполагает рефлексию. Но полное знание, что *p*, есть нечто большее, чем промежуточное знание как подходящее мнение, что *p*, подходящеесть которого доступа рефлексии, или, другими словами, животное знание, что *p*, вместе с рефлексией о том, что мнение, что *p*, подходяще.

Эпистемология добродетелей позволяет объяснить некоторые случаи Гетье. Сильная (robust) эпистемология добродетелей, в рамках которой применение когнитивных способностей/достоинств играет доминирующую роль, однако, отвергается Притчардом на том основании, что в одних случаях она оказывается слишком слабой, а в других – слишком сильной. Слишком слабой (в смысле условий на знание) она оказывается, например, в случаях Гетье, обусловленных особенностями окружающей среды (пример с фальшивыми амбарами), хотя Соса это оспаривает. Для Соса в такого рода случаях отсутствует полное рефлексивное знание, то есть нарушается условие подходящесть второго порядка, с которым ассоциируется сужде-

⁵⁰ Эпистемология добродетелей строится по аналогии с этикой добродетелей Аристотеля.

⁵¹ Поскольку убеждение должно быть успешным, или 1) «аккуратным» (A), 2) искусным/adroit (A) и 3) подходящим/apt (A), знание должно удовлетворять трём нормам: AAA. Компетентность, согласно теории Соса, имеет SSS-структуру и может быть более или менее глубокой: она разлагается на ситуационную компетентность/Situation (S), компетенцию формы/Shape (S) и компетенцию места/Sit (S). Внутренняя компетенция «места», но не компетенция формы, сохраняется даже во сне. Ситуационная компетенция проявляется только в конкретной ситуации. (См. также Главу 2 Части 4.)

ние, предполагающее модальную (алетическую) оценку. Слишком сильной она оказывается, например, в случае приобретения знания от свидетеля, так как когнитивные способности познающего субъекта в этом случае задействованы минимальным образом. Соса, однако, считает, что и в этом случае его эпистемология пригодна. Он просто вводит в игру группу, к которой принадлежит познающий индивидуум, и, соответственно, не чисто индивидуальную когнитивную способность, а смешанную индивидуально-групповую когнитивную способность (см., например, [51, p. 117]).

Безопасная эпистемология эпистемических добродетелей

В связи с трудностями, с которыми сталкивается сильная эпистемология добродетелей, а также принимая во внимание пример «Темп», Д. Притчард предложил структурную теорию знания, – антислучайную (безопасную) эпистемологию эпистемических достоинств (способностей) (*anti-luck virtue epistemology*), – интегрирующую условие безопасности и когнитивное условие, причём таким образом, что между ними имеется связь [47; 57]. Это двухаспектная теория – комбинация экстерналистского условия безопасности и экстерналистского или интерналистского условия применения когнитивных способностей (добродетелей), в зависимости от принятия экстерналистского релейабиллизма добродетелей (*virtue reliabilism*) или интерналистского респонсibiliзма (*virtue responsibilism*).⁵² Согласно респонсibiliзму агент осознанно применяет свои высокоразвитые интеллектуальные способности. В большинстве случаев, однако, для приобретения знания этого не требуется.

Притчард определяет знание так: «S знает, что p, тогда и только тогда, когда безопасный когнитивный успех S является проявлением релевантных когнитивных способностей S, при котором этот безопасный когнитивный успех в значительной мере объясняется проявлением этих когнитивных способностей» [56, p. 66]. (См. также [57].) При этом проявление когнитивных способностей S играет значительную, но не обязательно доминирующую, роль в причинном объяснении (безопасного) когнитивного успеха. В более поздней работе Притчард даёт следующую формулировку: «Знание – безопасное истинное мнение, в значительной степени приписываемое проявлению релевантной когнитивной деятельности (*agency*) субъекта. Согласно этой точке зрения проявление (*manifestation*) релевантной когнитивной способности существенно для знания (это «добродетельная» часть), но существенно также, что когнитивный успех субъекта безопасен в том смысле, что он не мог бы с лёгкостью отсутствовать (это «антислучайная» часть). Более того, должна быть правильная объяснительная связь между безопасным когнитивным успехом и проявлением когнитивной деятельности (*agency*) (то есть это не точка зрения, которая просто включает в себя два изолированных друг от друга эпистемических условия)» [76]. Например, в рассмотренном выше случае «Темп» условие связи не выполняется. Притчард также показывает, что с безопасной (антислучайной) эпистемологией добродетелей совместим его эпистемологический дизъюнктивизм (см. Главы 3–5 Части 4).

Отметим, что Притчард употребляет введённое Э. Соса понятие «проявления» (*manifestation*) когнитивных способностей в когнитивном успехе [51; 65; 66]. В рамках эпистемологии эпистемических способностей (достоинств) Соса проявление в когнитивном успехе когнитивных способностей означает удовлетворение условия подхождаемости (первого порядка). Подходящее мнение – знание. Полное знание для Соса предполагает также выполнение условия метаподхождаемости, то есть подхождаемости второго порядка, или подхождаемости подхождаемости. [51, p. 86]. (См. предыдущий раздел.)

⁵² Подход Притчарда критикуют Э. Соса, Дж. Греко, Т. Уильямсон и другие философы. Соса считает, что знание не обязано удовлетворять условию безопасности. Греко полагает, что подход Притчарда является *ad hoc*. Уильямсон не верит, что «коктейль» из элементов не работающих подходов может дать действительно объясняющую теорию.

Двухкомпонентный анализ Притчарда можно сделать совместимым с ЭСЗ Уильямсона, если предположить первичность концепта знания. В этом случае он будет круговым. Тем не менее, и в этом случае он будет информативным. Подробнее мы рассмотрим эту теорию в Главе 1 Части 4.

8. От безопасной эпистемологии добродетелей к эпистемологии добродетелей без риска

Итак, безопасная (антислучайная) эпистемология добродетелей утверждает, что знание – безопасный когнитивный успех, который в значительной мере (*gnificantly*) (но не в основном, как это требовала сильная (*robust*) эпистемология добродетелей) обязан *проявлению* релевантной когнитивной способности (когнитивного действия, *agensu*) познающего субъекта [56; 57]. Под когнитивным успехом, напомним, Притчард понимает формирование истинного мнения, а не знания. Отметим, что можно также говорить о том, что безопасный когнитивный успех в значительной мере обязан *употреблению* релевантной когнитивной способности. Когнитивная способность проявляется, благодаря своему употреблению. И наоборот.

Антислучайная эпистемология добродетелей в одном смысле сильнее, чем сильная эпистемология добродетелей, а в другом слабее. Она сильнее в том смысле, что когнитивные способности познающего субъекта проявляются не просто в когнитивном успехе, а в безопасном когнитивном успехе. Она слабее в том смысле, что не требуется, чтобы когнитивный успех был в основном обязан применению когнитивной способности, которая бы, таким образом, в нём проявлялась, а обязан ему лишь в значительной мере. Таким образом, два условия – условие безопасности и условие применения когнитивных способностей – формулируются не независимо друг от друга, а между ними устанавливается объяснительная связь, позволяющая соединить их.

В примере «Барни» с фальшивыми амбарами когнитивная способность проявляется достаточно сильно, но не в безопасном истинном мнении, так как истинное мнение не является в этом случае безопасным. В примере «Темп» истинное мнение безопасно, но когнитивная способность не проявляет себя в нём, так как безопасность не обязана употреблению этой способности. В случае знания, полученного от свидетеля, употребление незначительной когнитивной способности позволяет приобрести знание благодаря тому, что окружающая среда является эпистемически благоприятной. В этом случае проявление (низкой) когнитивной способности в безопасном эпистемическом успехе является достаточно значительным, чтобы приобрести знание, но нельзя сказать, что знание *в основном* обязано употреблению когнитивной способности, как этого требует сильная (*robust*) эпистемология добродетелей. Таким образом, теория Притчарда объясняет, почему иногда достаточно слабое проявление когнитивного действия (*agensu*), которое обычно не даёт знание, может быть достаточным для знания, и почему иногда достаточно сильное проявление релевантного когнитивного действия, которое обычно достаточно для знания, может быть недостаточным. (См. также Главу 1 Части 4.)

Эпистемология эпистемических добродетелей без риска (*anti-risk virtue epistemology*) Притчарда – усовершенствование его антислучайной/безопасной эпистемологии добродетелей: знание предполагает не просто безопасное мнение, а исключение или значительное уменьшение риска формирования ложного мнения [67; 77]. Анализ показывает, что понятие риска является более фундаментальным, чем понятие модальной удачи. Поэтому условие безопасности, которое формулируется в терминах понятия модальной удачи, следует заменить условием отсутствия риска. Безопасная (модальная) эпистемология – это «взгляд назад». Именно такой рефлексивный взгляд назад подразумевала эпистемология пост-Гетье: отсутствие знания объяснялось случайностью эпистемического успеха. Преимущество эпистемологии без риска в том, что она предлагает «взгляд вперёд»: отсутствие знания объясняется наличием риска.

Безопасная эпистемология, исключая модальную удачу, вторична по отношению к эпистемологии без риска. Нас интересует удача лишь потому, что прежде всего нас интересует степень риска. Притчард считает, что понятие риска позволяет, например, объяснить, почему эпистемология добродетелей – одноаспектная теория – не объясняет случай «Барни». С точки зрения этой теории знание совместимо с эпистемической удачей в случаях типа «Барни», то есть истинное мнение не обязано быть безопасным. Эта теория интересуется лишь когнитивным успехом (истиной) по причине применения когнитивных способностей/достоинств. Идея Д. Притчарда в том, что там, где есть высокий риск, не может быть знания. В случае «Барни» имеется высокий риск сформировать ложное мнение. Если эпистемически добродетельное познание должно отвергать риск формирования ложного мнения или, во всяком случае, высокий риск, то знание несовместимо с высоким когнитивным риском. (См. также раздел 2.9.)

На наш взгляд, ЭСЗ Т. Уильямсона как раз и понимает эпистемическую «безопасность» как отсутствие риска. В следующем разделе мы рассматриваем этот вопрос подробнее.

9. О двух формулировках условия безопасности и эпистемическом риске

В этом разделе мы рассматриваем две возможные формулировки эпистемологического условия безопасности. Условие безопасности в слабом смысле требует, чтобы фиксированное мнение было истинным в ближайших возможных мирах. Условие безопасности в сильном смысле допускает вариацию мнения в ближайших возможных мирах и требует, чтобы оно было истинным. Условие слабой безопасности исключает случай, когда мнение вообще не формируется, автоматически. Условие сильной безопасности допускает, что в некоторых возможных мирах мнение может вообще не сформироваться. Исключение из рассмотрения таких миров требует мотивации, которую даёт «эпистемология без риска» (*anti-risk epistemology*), но не безопасная эпистемология (без везения) (*anti-luck epistemology*). Мы показываем, что условие безопасности в сильном смысле имеет более широкую область применимости, чем условие безопасности в слабом смысле, и поэтому предпочтительнее. Это в свою очередь является косвенным указанием на предпочтительность эпистемологии без риска.

1. Как уже было сказано в предыдущем разделе Д. Притчард предложил заменить безопасную (антислучайную) эпистемологию, исключаящую эпистемическое везение, эпистемологией без риска (*anti-risk epistemology*) [67; 77]. Последняя утверждает, что истинное мнение, формирующееся при фиксированных начальных условиях и методе (метод можно отнести к «начальным условиям»), является знанием, если риск того, что оно могло бы оказаться ложным, невелик, то есть если возможные миры, в которых мнение является ложным, в модальном смысле значительно удалены от актуального мира. Таким образом, в рамках эпистемологии без риска миры, в которых мнение вообще не формируется, не имеют значения.

Понятие риска предполагает «взгляд вперёд», то есть взгляд на сам процесс формирования мнения. Такой подход мотивируется очевидной заинтересованностью субъекта в том, чтобы исключить или минимизировать риск, то есть не допустить формирования ложного мнения. Таким образом, согласно Притчарду, эпистемология без риска позволяет устранить имеющийся у безопасной эпистемологии (без везения) незамеченный недостаток, который состоит в том, что возможные миры, в которых мнение субъекта не формируется, исключаются из рассмотрения без должной мотивации.

Традиционная безопасная эпистемология (без везения) предполагает «взгляд назад», то есть имеет ретроспективную направленность. Ретроспективно, предполагая, что мнение субъекта является истинным (успешным), она теоретизирует естественное условие, что истинное мнение, которое является знанием, не является случайным (когнитивный успех не является случайным), как условие безопасности истинного мнения. Условие безопасности состоит в

том, что истинное мнение не могло бы с лёгкостью оказаться ложным, то есть в ближайших возможных мирах оно не является ложным.

Принимая во внимание вышесказанное, сделаем следующее различие. Неслучайность когнитивного успеха можно понимать либо в смысле неслучайности истинного мнения, которое, вообще говоря, могло бы быть другим мнением – в этом случае мы будем говорить об условии безопасности в сильном смысле, либо в смысле неслучайности истинности истинного мнения, которое предполагается фиксированным (не варьируется в возможных мирах) – в этом случае мы будем говорить об условии безопасности в слабом смысле.

Ниже мы изучим это различие и увидим, что понимание когнитивного успеха (соответственно, условия безопасности) в слабом смысле имеет лишь ограниченную пригодность. При этом тот факт, что условие безопасности в сильном смысле является более предпочтительным, говорит в пользу эпистемологии без риска.

2. Притчард обращает внимание на тот факт, что истинное мнение (когнитивный успех) можно считать случайным также и тогда, когда оно с лёгкостью могло бы вообще не сформироваться, то есть в (некоторых) ближайших возможных мирах оно вообще не формируется [67]. Условие безопасности, однако, апеллирует лишь к тем возможным мирам, в которых мнение оказывается ложным. На примерах можно показать, что наличие знания совместимо с эпистемическим везением, при котором истинное мнение с лёгкостью могло бы не сформироваться. Например, в науке многие открытия делаются случайно. Истинное мнение, которое при этом формируется, оказывается знанием, хотя в ближайших возможных мирах (при тех же самых начальных условиях и методе формирования мнения) оно вообще не формируется. Ситуации, когда эпистемическое везение совместимо со знанием, часто встречаются и в обыденной жизни. Мы случайно узнаём о чём-то, хотя в ближайших возможных мирах (в достаточно похожих ситуациях) мы не формируем соответствующее мнение.

Выше мы сделали различие между условием, что истинное мнение не является случайным и условием, что истинность мнения не является случайной. Во втором случае миры, в которых мнение вообще не формируется, исключаются из рассмотрения автоматически, и в этом смысле различие между безопасной эпистемологией (без везения) и эпистемологией без риска исчезает. Однако, как мы увидим, условие безопасности в узком смысле имеет ограниченную область применимости.

Рассмотрим подробнее вопрос о том, каким могло бы быть в ближайших возможных мирах формирующееся в актуальном мире истинное мнение и как наилучшим образом сформулировать условие его безопасности.

Итак, предположим, что (в актуальном мире) мнение формируется при некоторых начальных условиях в результате применения некоторого метода, которые фиксированы.

В ближайших возможных мирах возможны следующие варианты: (А) Мнение может не сформироваться. (В) Может быть сформировано лишь одно-единственное мнение (мнение фиксировано). (С) Могут быть сформированы разные мнения (мнение варьируется). (Д) Может быть (А) или (В) (мнение в возможных мирах одно и то же, и в некоторых возможных мирах оно может не сформироваться). (Е) Может быть (А) или (С) (мнение в возможных мирах варьируется, и в некоторых возможных мирах оно может не сформироваться).

В случае (В) может быть (В.1): истинность мнения не варьируется (мнение всегда истинно), либо (В.2): истинность мнения варьируется (мнение либо истинно, либо ложно). В случае (С) может быть (С.1): истинность мнения не варьируется (всякое мнение истинно), либо (С.2): истинность мнения варьируется (мнение может быть либо истинным, либо ложным). В случае (Д) так же, как и в случае (В), так что можно различить между (Д.1) и (Д.2). В случае (Е) так же, как и в случае (С), так что можно различить между (Е.1) и (Е.2).

Соответственно, на языке (ближайших) возможных миров мы имеем:

(В.1) мнение фиксировано и истинно во всех ближайших возможных мирах (истинное мнение является знанием). (В.2) Мнение фиксировано и в некоторых (ближайших) возможных мирах оно ложно (знание отсутствует). (С.1) Мнение варьируется, но во всех возможных мирах оно истинно (знание). (С.2) Мнение варьируется, и в некоторых (ближайших) возможных мирах оно ложно (знание отсутствует). (Д.1) Так же, как и в (В.1), только в некоторых возможных мирах мнение отсутствует (знание). (Д.2) Так же, как и в (В.2), только в некоторых возможных мирах мнение отсутствует (очевидно, знание отсутствует, так как оно отсутствует в случае (В.2). Этот случай не представляет особого интереса). (Е.1) Так же, как и в (С.1), только в некоторых мирах мнение отсутствует (знание. Этот случай не представляет особого интереса). (Е.2) Так же, как и в (С.2), только в некоторых мирах мнение отсутствует (знание отсутствует, поскольку оно отсутствует в случае С.2. Этот случай не представляет особого интереса по сравнению со случаем С.2).

Таким образом, наш анализ сводится к рассмотрению случаев (В.1), (В.2), (С.1), (С.2), (Д.1).

Соответственно, в терминах условия «безопасности» мы имеем:

(В.1) Истинность истинного мнения безопасна в том смысле, что (истинное) мнение не могло бы с лёгкостью быть ложным, и само (истинное) мнение «безопасно» в том смысле, что оно не могло бы с лёгкостью быть другим мнением или вообще не сформироваться. То есть мнение формируется, не варьируется и истинно во всех ближайших возможных мирах. **Истинное мнение безопасно.** (В данном случае безопасность в слабом смысле совпадает с безопасностью в сильном смысле.)

(Д.1) Истинность истинного мнения безопасна, но само (истинное) мнение не «безопасно» в том смысле, что оно могло бы не сформироваться. То есть мнение не варьируется и истинно во всех ближайших возможных мирах, в которых оно формируется. **Истинное мнение безопасно.**

(В.2) Мнение «безопасно» в том смысле, что оно фиксировано, но его истинность не безопасна, то есть зависит от возможного мира. Мнение могло бы быть ложным. В целом, **истинное мнение не безопасно.**

(С.1) Истинность мнения безопасна. Само мнение не «безопасно» в том смысле, что оно могло бы быть другим и безопасно в том смысле, что хотя оно и могло бы быть другим, оно не могло бы быть ложным (то есть истинность мнения безопасна). Мнение формируется, варьируется и истинно в ближайших возможных мирах. **Истинное мнение безопасно.** (Оно безопасно как в слабом, так и в сильном смыслах.)

(С.2) Мнение варьируется в ближайших возможных мирах и ложно в некоторых из них (хотя оно может быть истинным во всех ближайших возможных мирах, в которых оно не варьируется. То есть в этом случае мнение может быть безопасным в слабом смысле, но оно не безопасно в сильном смысле). Таким образом, мнение не безопасно в том смысле, что оно могло бы быть другим и даже другим и ложным (истинность мнения не безопасна). Истинное мнение не безопасно.

Выше понятие ближайшего возможного мира принимается в качестве первичного, так что ответ на вопрос о том, какие миры считать ближайшими, не очевиден. Мы не можем сначала ввести определение ближайшего возможного мира, а затем показать, что в случае знания соответствующее истинное в актуальном мире мнение является истинным также и в них. В самом деле, если бы это оказалось не так, мы бы сказали, что миры, в которых оно ложно, не являются ближайшими и изменили бы определение ближайшего возможного мира. И наоборот, если бы мы определили ближайший возможный мир, исходя из понятия знания, как мир, в котором истинное мнение, которое есть знание, является истинным, мы не могли бы информативно (не тавтологично) использовать понятие возможных миров для понимания знания.

Согласно Тимоти Уильямсону, такая взаимозависимость понятий не является препятствием для информативного концептуального анализа [1; 78, р. 325]. Сам Уильямсон апеллирует не к возможным мирам, а к субъектноцентрированным близким случаям и определяет «безопасность» как противопоставление опасности. Точнее говоря, если в случае α , исходя из основания b , субъект знает, что p , то в любом ближайшем случае α' , в котором он верит, что p^* , где p^* близко к p , исходя из основания, которое близко к основанию b , p^* истинно. (При этом понятие знания нечётко в той же мере, в которой нечётко понятие близкого возможного мира)⁵³. Другими словами, истинное мнение, сформировавшееся в некоторых условиях и на некоторой основе, является безопасным тогда и только тогда, когда при достаточно похожих условиях формирующееся на достаточно похожей основе достаточно похожее мнение является истинным [1; 78, р. 325]. (Для Уильямсона, таким образом, начальные условия (а также основания и мнения) должны быть подобными и относиться к моменту события. Напротив, Данкан Притчард предполагает, что начальные условия (и метод формирования мнения) инвариантны.) На наш взгляд, определение Уильямсона можно отнести к эпистемологии без риска: во внимание принимаются лишь сформировавшиеся мнения, и условие безопасности исключает наличие высокой степени модального риска формирования ложного мнения. Сам Уильямсон пишет: «Согласно концепции “нет близкого риска”, безопасность есть вид локальной необходимости, а близость есть вид отношения доступности между мирами в рамках семантики возможных миров для модальной логики» [71].

Понятие модального риска следует отличать от понятия вероятностного риска (подробнее см. [56]). Другими словами, при анализе знания следует делать различие между удалённостью возможного мира от мира актуального в вероятностном смысле и его удалённостью в модальном смысле. Например, возможный мир, в котором лотерейный билет оказывается выигранным, очень удалён в вероятностном смысле, но очень близок в модальном смысле (то есть этот мир очень похож на актуальный мир). Возможна и обратная ситуация. Таким образом, можно иметь знание о менее вероятном событии и не иметь знания о более вероятном событии. Я не знаю, что я не выиграю (не выиграл) в лотерею (если билет будет (есть) невыигранный), но я могу знать, что мой автомобиль прошедшей ночью не был угнан, хотя вероятность того, что он не был угнан может быть гораздо ниже, чем вероятность того, что я не выиграю в лотерею. Дело в том, что в модальном смысле возможный мир, в котором я выигрываю в лотерею, очень близок к актуальному миру. Напротив, возможный мир, в котором мой автомобиль прошедшей ночью был угнан, отличается гораздо более значительно от актуального мира. Очевидно, модальная близость к актуальному миру есть вопрос степени: чем больше схожесть между возможным миром и миром актуальным, тем ближе первый ко второму. Поэтому знание может быть более или менее достоверным (соответственно, безопасность истинного мнения может быть более или менее сильной). В любом случае, для наличия знания модальные миры, в которых мнение ложно, должны быть значительно удалены от актуального мира.

Для иллюстрации условия безопасности обратимся к известному примеру Элвина Голдмана с Барни [7]. Барни, не зная, что он находится в районе фальшивых (фасадов) амбаров, которые на вид не отличимы от настоящих, по чистой случайности смотрит на один-единственный имеющийся в этом районе подлинный амбар и формирует истинное (и обоснованное) мнение «Передо мною амбар». Он, однако, не знает, что перед ним настоящий амбар,

⁵³ «Случай» Уильямсона подобен «возможному миру», но в отличие от последнего он зависит от субъекта и момента времени. В терминологии Дэвида Льюиса это «центрированный мир» [1, р. 52]. Уильямсон отвергает модальный реализм Дэвида Льюиса, в рамках которого возможный мир есть нечто вроде максимально конкретной пространственно-временной системы, подобной нашему миру. То есть для Льюиса «актуальный мир» – это наш пространственно-временной мир; «возможные миры» – это другие пространственно-временные миры, которые не имеют пространственно-временной связи с нашим миром. Можно, однако, говорить о «возможных мирах» не в смысле модального реализма, а как о некотором способе представлять возможности [79].

поскольку условие безопасности его истинного мнения нарушается. Его мнение с лёгкостью могло бы оказаться ложным; оно оказалось бы ложным, если бы Барни посмотрел на любой фальшивый амбар (фасад амбара). Заметим, что при тех же начальных условиях и методе формирования мнения – Барни находится в районе фальшивых амбаров и случайно смотрит на находящийся перед ним объект, который он принимает за амбар – в возможных мирах мнение Барни «Передо мною амбар» не варьируется, но его истинность варьируется. То есть мнение Барни истинно в актуальном мире, в котором он смотрит на настоящий амбар, и ложно во всех ближайших возможных мирах. В нашей классификации это случай (В.2).

Данный пример можно незначительно модифицировать. Предположим, что Барни формирует несколько иное мнение, а именно мнение «Этот конкретный объект, который находится передо мною (который я вижу), амбар». Это мнение варьируется в возможных мирах, поскольку варьируется сам объект, на который смотрит (в возможной ситуации) Барни. Это случай (С). При этом мнение варьируется и ложно во всех возможных мирах, за исключением актуального мира (случай (С.2)). Таким образом, если в рамках этой интерпретации принять условие безопасности истинного мнения в слабом смысле, апеллирующее лишь к истинности мнения во всех возможных мирах, в которых формируется то же самое мнение, мы приходим к неверному результату, что мнение Барни «Этот конкретный объект, который находится передо мною (который я вижу), амбар» есть знание. (К возможным ситуациям, в которых это мнение фиксировано, относятся лишь ситуации, в которых Барни смотрит на один и тот же (настоящий) амбар. В этих ситуациях мнение истинно. То есть истинность мнения безопасна в слабом смысле. Но само (истинное) мнение не безопасно)⁵⁴.

Эпистемология без риска позволяет опровергнуть эту точку зрения. В случае с Барни, так же, как и в случаях, в которых, в отличие от случая с Барни, имеется когнитивный (причинный) «провал» между истинным мнением и истиной/фактом (см. ниже пример с фермером), риск формирования ложного мнения высок. Поэтому с точки зрения эпистемологии без риска истинное мнение Барни не является знанием.

В другом известном примере фермер при нормальных условиях видит в поле овцеподобную собаку, которую он принимает за овцу, и за которой действительно случайно оказалась овца [67]. Истинное обоснованное (причём обоснование может быть более или менее сильным) мнение фермера «В поле овца» не является знанием, поскольку оно с лёгкостью могло бы оказаться ложным. В ближайших возможных мирах (то есть при тех же (или близких) начальных условиях и том же (или близком) методе наблюдения) мнение фермера не меняется, но оно оказывается ложным. В нашей классификации это случай (В.2). Причём во всех ближайших мирах (за исключением актуального мира) мнение фермера ложно.

Так же, как и в случае с Барни, это пример можно переформулировать. Предположим, что фермер формирует мнение «Здесь (в этом месте) и теперь (в это время) в поле находится овца». В ближайшем возможном мире его мнение будет другим, так как другим будет место и время. Слабая формулировка условия безопасности, принимающая во внимание лишь то же самое мнение, что и мнение в актуальном мире, и в этом случае непригодна.

Таким образом, предыдущие два примера могут быть проанализированы как в терминах слабой формулировки условия безопасности, так и в терминах его сильной формулировки ((В.2) и (С.2) можно преобразовать друг в друга). Как показывает анализ необходимых предложений, это не всегда возможно. Предпочтение следует отдать сильной формулировке условия безопасности.

⁵⁴ Некоторые философы утверждают, что Барни знает, что перед ним настоящий амбар. Основанием для этой точки зрения является тот факт, что в известном смысле Барни формирует своё истинное мнение эпистемически удовлетворительным образом, применяя свои когнитивные способности. Например, согласно Соса, истинное мнение Барни является компетентным и подходящим и, следовательно, является знанием. (В то же время Соса полагает, что мнение Барни не удовлетворяет условию подходящести второго порядка (которое является модальным условием) и, соответственно, не является полным знанием.) [51]

Предположим, например, что истинное мнение, что $2 + 2 = 4$, формируется эпистемически неудовлетворительным образом (например, в результате подбрасывания монеты). Тем не менее, истинность этого мнения является безопасной в слабом смысле. То есть мнение, что $2 + 2 = 4$, является истинным во всех (и не только ближайших) возможных мирах. Нельзя, однако, сказать, что сформированное таким образом мнение является знанием. Это эпистемическое явление объясняется в терминах сильного условия безопасности. В самом деле, при тех же начальных условиях и том же методе формирования мнения (подбрасывание монеты), могло бы сформироваться другое мнение, например, мнение, что $2 + 2 = 5$, которое является ложным. Именно вследствие этого, исходное мнение не является знанием.

Таким образом, слабая формулировка условия безопасности имеет ограниченную область применимости. Она применима лишь там, где она совпадает с сильной формулировкой этого условия, или же там, где её применение эквивалентно применению сильной формулировки. Слабая формулировка автоматически исключает из рассмотрения возможные миры, в которых мнение не формируется. Сильная формулировка предполагает вариацию мнения и, следовательно, возможность, что мнение вообще не формируется. Эти миры могут не оказывать (и они не оказывают) влияния на наличие знания, но их исключение из рассмотрения должно быть мотивировано.

Если, как это делает Притчард, определить «удачное событие» как событие, которое (при фиксированных начальных условиях) не имеет места хотя бы в одном ближайшем возможном мире, то, применительно к эпистемологии, истинное мнение (эпистемическое событие), которое не формируется хотя бы в одном ближайшем возможном мире, следует считать удачным. Как сказано выше, такое эпистемическое везение совместимо с наличием знания, и это объясняется эпистемологией без риска. В рамках последней, знание – истинное мнение, риск которого оказаться ложным, невелик. То есть в ближайших в модальном смысле возможных мирах мнение не является ложным (если оно вообще не формируется, то это не имеет значения).

Чем меньше риск, что мнение могло бы оказаться (или окажется) ложным, тем меньше везения в том, что оно оказалось истинным. И наоборот. То есть понятия риска и везения очень близки, но первое является более фундаментальным.

Можно предположить, что случаи, когда мнение не формируется, могут быть сведены к случаям (значительной) вариации начальных условий (или метода), при которых формируется мнение, то есть к случаям, в которых везение отсутствует. Следующий контрпример Притчарда опровергает это предположение: «Вообразим, например, субъекта, который имеет основанные на памяти корректные основания для своего мнения, что битва при Ганстингсе состоялась в 1066 году. Предположим, однако, что хотя наш субъект, соответственно, доверяет этому мнению в актуальном мире, имеются близкие возможные миры, в которых он склонен сомневаться в себе. Скажем, психологическим фактом об этом субъекте является тот факт, что его доверие к тому, во что он верит, достаточно изменчиво, даже если и нет эпистемического основания для такой изменчивости (например, у него нет оснований сомневаться в своей памяти). Для такого субъекта будет истинным, что в близких возможных мирах он будет иметь то же самое основание для своего мнения, что и в актуальном мире, и всё-таки на этом основании не будет верить в рассматриваемое предложение» [67]. В нашей классификации этот случай относится к Д.1. Мнение могло бы не сформироваться. Тем не менее, оно является знанием. С точки зрения безопасной эпистемологии (без везения) мнение субъекта, что битва при Ганстингсе состоялась в 1066 году, является удачным. С точки зрения эпистемологии без риска, его мнение не является рискованным. Поэтому оно и является знанием.

3. Таким образом, мы рассмотрели две формулировки эпистемологического условия безопасности для знания. Условие безопасности в слабом смысле исключает из рассмотрения случаи, когда мнение вообще не формируется, автоматически и требует, чтобы фиксированное мнение было истинным во всех ближайших возможных мирах. Условие безопасности в силь-

ном смысле допускает вариацию мнения в ближайших возможных мирах и требует, чтобы оно было истинным в тех мирах, в которых оно формируется. Игнорирование миров, в которых мнение не формируется, мотивируется эпистемологией без риска, но не безопасной эпистемологией (без везения). Условие безопасности в сильном смысле имеет более широкую область применимости и поэтому предпочтительнее, чем условие безопасности в слабом смысле. Это в свою очередь является косвенным указанием на предпочтительность эпистемологии без риска.

Список использованных источников

1. *Williamson, T.* Knowledge and Its Limits / T. Williamson. – Oxford UP, 2000.
2. *Marion, M.* John Cook Wilson [Electronic resource] / M. Marion // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2015. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/wilson/#Kno>. – Date of access: 31.07.21; Travis, C. Oxford realism / C. Travis, M. Kalderon // The Oxford Handbook of the History of Analytic philosophy / ed.: M. Beaney. – Oxford UP, 2013.
3. *Tienson, J.* On analyzing knowledge / J. Tienson // Philosophical Studies. – 1974. – 25. – P. 289–293.
4. *Gettier, E.* 1963. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. – 1963. – 23. – P. 121–123. (См. также: The Gettier problem / ed.: S. Hetherington. – Cambridge UP, 2018).
5. *Clark, M.* Knowledge and Grounds. A Comment on Mr. Gettier's Paper / M. Clark // Analysis. – 1963. – 24(2). – P. 46–48; *Greco, J.* Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity / G. Greco. – Cambridge University Press, 2010; *Lewis, D.* Elusive knowledge / D. Lewis // Australasian Journal of Philosophy. – 1996. – Vol. 74, No. 4. – P. 549–567.
6. *Chisholm, R.* Theory of Knowledge / R. Chisholm. – Englewood Cliffs, NJ: PrenticeHall, 1989.
7. *Goldman, A. I.* Discrimination and Perceptual Knowledge // Journal of Philosophy. – 1976. – 73. – P. 771–791.
8. *Schramm, A.* The Gettier cases, and what may count as justified [Electronic resource] / A. Schramm. – Mode of access: – https://www.researchgate.net/publication/346972372_Schramm_Draft_The_Gettier_Cases_and_what_may_count_as_justified. – Date of access: 31.07.21.
9. *Williamson, T.* Philosophy of Philosophy / T. Williamson. – Blackwell, 2007
10. Hawke, P. Are Gettier cases disturbing? / P. Hawke, T. Schoonen // Philosophical Studies. – 2020. – P. 1–25. – Mode of access: <https://philarchive.org/rec/HAWAGC>. – Date of access: 28.08.21.
11. *Collins, J. M.* Epistemic closure principles [Electronic resource] / J. M. Collins. – Mode of access: <https://iep.utm.edu/epis-clo/>. – Date of access: 28.08.21; *Прись, И. Е.* Интервью с Т. Уильямсоном [YouTube]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=MH-CDoaKMIM>. – Date of access 12.08.21; *Прись, И. Е.* Реализм и сначала знание. Интервью с Тимоти Уильямсоном / И. Е. Прись // Сибирский философский журнал. – 2021. – Том. 19. – № 3. – С. 175–204.
12. *Аристотель.* Метафизика / Аристотель. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
13. *Прись, И. Е.* Контекстуальный реализм. Интервью с Ж. Бенуа / И. Е. Прись // Сибирский философский журнал. – 2021. – Т. 19. № 1. – С. 63–117.
14. *Benoist, J.* Toward a contextual realism / J. Benoist. – Harvard UP, 2021.
15. *Benoist, J.* Le bruit du sensible / J. Benoist. – Paris: Cerf, 2013.
16. *Benoist, J.* Logique du phénomène / J. Benoist. – Paris, Hermann, 2016.
17. *Brandom, R.* Between Saying and Doing: Towards an Analytic Pragmatism. – Oxford UP, 2008.

18. *Brandom, R. A Spirit of Trust: A Reading of Hegel's Phenomenology* / R. Brandom. – Harvard UP, 2019.
19. *Прись, И. Е.* Гегелевский абсолютный идеализм Роберта Брэндома / И. Е. Прись // Интеллектуальная культура Беларуси V. 19–20 ноября 2020 г. Минск. Т. 1. – С. 351–355.
20. *Мартишина, М. И.* Проблема Геттиера: Онтологический аспект / М. И. Мартишина // Гуманитарные исследования. Философия. – 2018. – № 2 (19). – С. 21–24.
21. *Barrau, A.* Philosophie des sciences. (20 лекций. 2020 г.). Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=z70GvczZncs>. – Дата доступа: 11.07.2020.
22. *Мейясу, К.* После конечности / К. Мейясу. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2016. – 196 с.
23. *Ball, B.* Knowledge Is Normal Belief / B. Brian // *Analysis*. – 2013. – Vol. 73. №. 1. – P. 69–76.
24. *Turri, J.* Is knowledge justified true belief / J. Turri // *Synthese*. – 2012. – Vol. 184. – P. 247–59.
25. *Sellars, W.* Empiricism and the Philosophy of Mind / W. Sellars // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science, vol. I* / eds.: H. Feigl, M. Scriven. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1956. – P. 253–329.
26. *Foley, R.* When is True Belief Knowledge? / R. Foley. – Princeton University Press, 2012.
27. *Hannon, M.* Is Knowledge True Belief Plus Adequate Information? / M. Hannon // *Erkenntnis*. – 2014. – 79 (5). – P. 1069–1076.
28. *Hetherington, S.* Knowledge and the Gettier problem / S. Hetherington. – Cambridge UP, 2016.
29. *Hetherington, S.* Gettieristic Scepticism / S. Hetherington // *Australasian Journal of Philosophy*. – 1996. – Vol. 74. – P. 83–97.
30. *Hetherington, S.* Actually knowing / S. Hetherington // *American Quarterly*. – 1998. – Vol. 48. – P. 453–469.
31. *Hetherington, S.* Knowing failably / S. Hetherington // *Journal of Philosophy*. – 1999. – Vol. 96. – P. 565–87.
32. *Hetherington S.* Good knowledge, bad knowledge: On two dogmas of epistemology / S. Hetherington. – Oxford: Clarendon Press, 2001.
33. *Hetherington, S.* A Fallibilist and Wholly Internalist Solution to the Gettier Problem // *Journal of Philosophical Research*. – 2001. – Vol. 26. – P. 307–324.
34. *Hetherington, S.* Elusive epistemological justification / S. Hetherington // *Synthese*. – 2010. – Vol. 174. – P. 315–330.
35. *Hetherington, S.* Abnormality and Gettier Situations: An Explanatory Proposal / S. Hetherington // *Ratio*. – 2011. – Vol. 24. – P. 176–191.
36. *Hetherington, S.* How to know: a practicalist conception of knowledge / S. Hetherington. – Malden: MA, Wiley-Blackwell, 2011.
37. *Hetherington, S.* The Gettier Illusion: Gettier-Partialism and Infallibilism / S. Hetherington // *Synthese*. – 2012. – Vol. 188. – P. 217–230.
38. *Hetherington, S.* Understanding Fallible Warrant and Fallible Knowledge: Three Proposals / S. Hetherington // *Pacific Philosophical Quarterly*. – 2016. – Vol. 97. – P. 270–292.
39. *Le Morvan, P.* Knowledge before Gettier / P. LeMorvan // *British Journal for the History of Philosophy*. – 2017. – Vol. 25. – №. 6. – P. 1216–1238.)
40. *Ольховиков, Г.* Знание как истинное обоснованное мнение. Как обезвредить контр-примеры // *Логос*. – 2009. – 2 (70). – P. 44–53.
41. *Gerson, L. P.* Ancient Epistemology / P. Gerson. – Cambridge UP, 2009. (См. также: Соболева, М. Е. «Знание» и «мнение»: Платон против Геттиера / М. Е. Соболева // *Вопросы*

философии. – 2016. – № 2. – С. 158–167); *Платон*. Тэтет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/platon_5/6. – Дата доступа: 30.09.21.

42. *Antognazza, M. R.* The Benefit to Philosophy of the Study of its History / M. R. Antognazza // *British Journal for the History of Philosophy* / A. J. Ayer. – 2015. – 23. – P. 161–184.

43. *Dutant, J.* The Legend of the Justified True Belief Analysis / J. Dutant // *Philosophical Perspectives*. – 2015. – Vol. 29. № 1. – P. 95–145. (См. также: Le Morvan, P. Knowledge before Gettier / P. LeMorvan // *British Journal for the History of Philosophy*. – 2017. – Vol. 25. – №. 6. – P. 1216–1238.)

44. *Quine, W. V. O.* Epistemology Naturalized / W. V. O. Quine // *Ontological Relativity and Other Essays* / eds. J. Kim, E. Sosa. – New York: Columbia UP, 1969.

45. *Quine, W. V. O.* Reply to White // *The Philosophy of W. V. Quine* / ed.: L. A. Hahn, P. A. Schilpp. – LaSalle, Ill., 1986. – P. 663–665.

46. *Бутаков, П. А.* Платон, эвиденциализм и ИТВ / П. А. Бутаков // *ΣΧΟΛΗ*. – 2018. – 12.2

47. *Pritchard, D.* Epistemological Disjunctivism / D. Pritchard. – Oxford: Oxford University Press, 2012; Pritchard, D. Epistemological disjunctivism and anti-luck virtue epistemology / D. Pritchard // *New Issues in epistemological disjunctivism* / eds.: C. Doyle, J. Milburn, D. Pritchard. – Routledge, 2019. – P. 41–58.

48. *Chisholm, R. M.* Theory of Knowledge / R. Chisholm. – Englewood Cliffs, NJ: PrenticeHall, 1989; Hetherington, S. Gettier problems / S. Hetherington // *Internet Encyclopedia of philosophy* / eds.: J. Fieser, B. Dowden. – Mode of access: <https://iep.utm.edu/gettier/>. – Date of access: 12.08.21.

49. *Goldman, A.* Discrimination and Perceptual Knowledge // *Journal of Philosophy*. – 1976. – 73. – P. 771–91; Hetherington, S. Gettier problems / S. Hetherington // *Internet Encyclopedia of philosophy* / eds.: J. Fieser, B. Dowden. – Mode of access: <https://iep.utm.edu/gettier/>. – Date of access: 12.08.21.

50. *Демин, Т. С.* Проблема Геттиера: Что делать с головоломкой аналитической эпистемологии? / Т. С. Демин // *Эпистемология и философия науки*. – 2019. – Т. 56. – № 3. – С. 58–75.

51. *Sosa, E.* Judgment and Agency / E. Sosa. – Oxford UP, 2015; Sosa, E. Epistemology / E. Sosa. – Princeton UP, 2017. (См. также Sosa, E. Epistemic Explanations: A Theory of Telic Normativity, and What It Explains / E. Sosa. – Oxford UP, 2021.)

52. *Greco, J.* Achieving knowledge: A virtue-theoretic account of epistemic normativity / J. Greco. – Cambridge UP, 2010.

53. *DeRose, K.* Contextualism and Knowledge Attributions / K. DeRose // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1992. – 52. – P. 913–929. См. также: *McKenna, R.* Epistemic contextualism defended / R. McKenna // *Synthese*. – 2015. – 192(2). – P. 363–383; *McKenna, R.* Pluralism about Knowledge / R. McKenna // *Epistemic Pluralism* / eds.: A. Coliva, N. Pedersen. – Palgrave Macmillan, 2017. – P. 171–199. Об инвариантизме Витгенштейна см.: Coliva, A. “I Know”, “I know”, “I know”. Hinge epistemology, invariantism and scepticism / A. Coliva // *Skeptical invariantism reconsidered* / eds.: C. Kyriacou, K. Wallbridge. – Routledge, 2021. – P. 213–234.

54. *Zagzebski, L.* The Inescapability of the Gettier Problem / L. Zagzebski // *The Philosophical Quarterly*. – 1994. – Vol. 44. – № 174. – P. 65–73.

55. *Каримов, А. Р.* Эпистемология добродетелей / А. Р. Кариомв. – СанктПетербург: Алетейя, 2019. (См. также: *Каримов, А. Р.* К знанию через добродетели: об основаниях аристотельского подхода в эпистемологии / А. Р. Каримов // *Эпистемология и философия науки*. – 2021. – Vol. 58. – № 4. – P. 6–21; *Черняк, А. З.* Эпистемология добродетелей как противоположная эпистемология / А. З. Черняк // *Эпистемология и философия науки*. – 2021. – Vol. 58. – № 4. – P. 77–94.)

56. *Pritchard, D.* Epistemology / D. Pritchard. – Palgrave, 2016. (См. также: *Pritchard, D.* What is This Thing Called Knowledge? / D. Pritchard. – Routledge, 2018.)

57. *Pritchard, D.* Anti-Luck Virtue Epistemology / D. Pritchard // *Journal of Philosophy*. – 2012. – 109. – P. 247–79.
58. *Shope, R.* The Analysis of Knowing: A Decade of Research / R. Shope. – Princeton: Princeton University Press, 1983.
59. *Goldman, A. I.* A causal theory of knowing / A. Goldman // *Journal of Philosophy*. – 1967. – Vol. 64 (12). – P. 357–372; *Collier, K. W.* Contra the causal theory of knowing / K. W. Collier // *Philosophical Studies*. – 1973. – 24(5). – P. 350–352; *Plantinga, A.* Warrant and Proper Function / A. Plantinga. – Oxford: Oxford UP, 1993.
60. *Goldman, A.* What Is Justified Belief? / A. Goldman // *Justification and Knowledge* / ed.: G. Pappas. – Dordrecht: Reidel, 1979. – P. 1–23.
61. *Goldman, A.* Epistemology and Cognition / A. Goldman. – Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1986.
62. *Pritchard, D.* Epistemic luck / D. Pritchard. – Oxford UP, 2005.
63. *Sosa, E.* A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge, Oxford University Press, Oxford, 2007.
64. *Sosa E.* Reflective Knowledge: Apt Belief and Reflective Knowledge / S. Sosa. – Oxford University Press, Oxford, 2009.
65. *Sosa, E.* Knowing Full Well / E. Sosa. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
66. *Sosa, E.* Epistemology / E. Sosa. – Princeton UP, 2017.
67. *Pritchard, D.* Epistemic risk / D. Pritchard // *Journal of Philosophy*. – 2016. – Vol. 113. – № 11. – P. 550–571.
68. *Coliva, A.* In Quest of a Wittgensteinian hinge epistemology / A. Coliva // *Wittgensteinian: Looking at the World From the Viewpoint of Wittgenstein's Philosophy* / eds.: S. Wuppuluri, N. da Costa. – Springer Verlag, 2020. – P. 107–121.
69. *Stanley, J.* Knowing How / J. Stanley, T. Williamson // *Journal of Philosophy*. – 2001. – 98(8). – P. 411–44.
70. *Backes, M.* Epistemic Justification: Probability, Normalcy, and the Functional Theory / B. Marvin // *Australasian Journal of Philosophy*. – 2021. – Forthcoming.
71. *Williamson, T.* Probability and Danger [Electronic resource] / T. Williamson // *Amherst Lecture in Philosophy. Lecture 4*. – 2009. – P. 1–35. – Mode of access: <https://philpapers.org/rec/WILPAD-2>. – Date of access: 24.10.21.
72. *The Sensitivity Principle In Epistemology* / eds.: K. Becker, T. Black. – Cambridge UP, 2012.
73. *Russell, B.* Human Knowledge: Its Scope and Limits / B. Russell. – London: George Allen AND Unwin LTD, 1923. – P. 170–171.
74. *Carter, A.* This is Epistemology: An Introduction / A. Carter. J. Littlejohn. – WileyBlackwell, 2021.
75. *Pritchard, D.* Sensitivity, Safety, and Anti-luck Epistemology / D. Pritchard // *The Oxford Handbook of Skepticism* / ed.: J. Greco. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 437–455.
76. *Pritchard, D.* Shadowlands / D. Pritchard // *The New Evil Demon: New Essays on Knowledge, Justification and Rationality* / ed.: J. Dutant. – Oxford UP, forthcoming.
77. *Pritchard, D.* Varieties of Epistemic Risk / D. Pritchard // *Acta Anal.* – 2021. – Mode of access: <https://doi.org/10.1007/s12136-021-00489-7>.
78. *Williamson on Knowledge* / eds.: P. Greenough, D. Pritchard. – Oxford UP, 2009.
79. *Williamson, T.* Modal Logic as Metaphysics / T. Williamson. – Oxford UP, 2013.

Глава 3

О видах эпистемического везения

Знание исключает веридическое эпистемическое везение. То есть соответствующее истинное мнение не может быть истинным случайно. П. Бонди и Д. Притчард показали, что знание также несовместимо с пропозициональным везением [1]. В том случае, если истинное мнение подходящим образом базируется на своём обосновании, пропозициональное везение отсутствует. В этой главе утверждается, что знание также несовместимо с «модальным везением». Последнее может иметь место как в отсутствие веридического, так и пропозиционального везения. Это объясняет тот факт, что есть случаи незнания, несмотря на отсутствие веридического и пропозиционального везений. Бонди и Притчард интерпретируют некоторые такие случаи в терминах понятия субъективного риска.

1. Пропозициональное везение

Предположим, что у субъекта *S* есть истинное мнение, что *p*, хорошее рациональное обоснование, то есть «очевидность», *J* для него, и нет оснований полагать, что мнение *p* ложно. Если мнение субъекта *S* *подходящим образом базируется* на *J* в том смысле, что оно подходящим образом удерживается по причине *J* (таким образом, предполагается наличие причинной связи между *J* и *p* (см. также [2–3] и [4]), то говорят, что его обоснование *J* *дохастическое*. В противном случае обоснование *J* называется пропозициональным. Причинная связь между *J* и *p* может быть понята в контрфактуальных терминах. При этом можно различать два вида причинных связей: причинное основание мнения *p* и причинную историю мнения *p* [4]. В случае *пропозиционального обоснования* мнение субъекта не формируется или не удерживается правильным образом. В этом случае говорят также, что нет подходящей связи между ним и обоснованием *J*, о существовании которого субъект в то же время отдаёт себе отчёт, что субъект не рассматривает *J* как достаточное основание для своего мнения *p*, или что *J* ни необходимо, ни достаточно для *p*. Дохастическое обоснование, следовательно, это пропозициональное обоснование, удовлетворяющее условию подходящего базирования мнения на нём [1; 5].

Различие между пропозиционально и дохастически обоснованными мнениями было также идентифицировано в литературе по эпистемологии как различие между обосновываемым и обоснованным мнениями, обоснованным и хорошо обоснованным мнениями, обоснованным *ex ante* и обоснованным *ex post* мнениями. (См., например, ссылки в [6].) Например, для Силвы *обоснованное мнение* имеет дохастическое обоснование [5]. Если же у субъекта *S* просто есть хорошее обоснование *J* для своего истинного мнения, что *p*, то такое обоснование он называет пропозициональным. Таким образом, наличие обоснования ещё не делает мнение обоснованным.

Большинство эпистемологов считает, что пропозиционально, но не дохастически, обоснованные истинные мнения не есть знание. Согласно П. Бонди и Д. Притчарду, пропозиционально, но не дохастически, обоснованные истинные мнения во многих (но не во всех!) случаях являются обоснованными в результате так называемого «пропозиционального эпистемического везения» [1]. Пропозициональным эпистемическим везением они называют наличие у субъекта *S* (пропозиционального) обоснования для его истинного мнения, что *p*, которого могло бы и не быть. То есть в ближайших возможных мирах мнение субъекта не имеет хорошего обоснования. Наличие у него хорошего обоснования в действительном мире оказывается результатом везения. Дохастическое обоснование истинного мнения не является результатом везения. Истинное мнение, обоснование которого есть результат везения, не может считаться знанием. Это в значительной мере объясняет требование базирования мнения, которое есть

знание, на своём обосновании (очевидности). Выполнение этого требования исключает наличие пропозиционального везения.

Отсутствие дохастического обоснования, согласно Бонди и Притчарду, возможно по двум причинам: либо по той причине, что, несмотря на наличие хорошего рационального обоснования (очевидности) *J*, мнение субъекта базируется на другом («плохом») обосновании, либо по той причине, что само базирование мнения на хорошем обосновании *J* является неподходящим. В этих двух случаях, *как правило*, существуют возможные миры, в которых при тех же начальных условиях, то есть при том же базисе, на котором формируется и удерживается мнение, и том же способе его формирования на этом базисе, у мнения нет хорошего обоснования. Это означает, что имеет место пропозициональное везение. Но оно имеет место не всегда.

Можно представить себе исключительные случаи, в которых мнение субъекта базируется на «плохих» основаниях или его базирование на хороших основаниях *J* является неподходящим (то есть мнение является пропозиционально, но не дохастически, обоснованным), но пропозициональное везение отсутствует в том смысле, что во всех ближайших возможных мирах субъект имеет хорошее обоснование для своего истинного мнения, то есть удовлетворяется условие безопасности для обоснования. Бонди и Притчард объясняют отсутствие знания в этом случае при помощи понятия *риска*: существует «субъективный» (термин Бонди и Притчарда), но не «объективный» риск, что мнение может не иметь хорошего обоснования. Риск существует именно потому, что нарушается указанное выше условие подходящего базирования мнения на обосновании. Другими словами, хотя в некоторых ситуациях объективный риск отсутствует, он, как правило, существует в аналогичных ситуациях, в большинстве аналогичных ситуаций. Бонди и Притчард пишут: «С присутствием пропозиционального эпистемического везения совместимо то, что хорошие основания доступны субъекту не только в актуальном мире, но и во всех релевантных близких возможных мирах. Тем не менее, как мы отметили, по крайней мере в широком диапазоне случаев, в которых мнения пропозиционально, но не дохастически обоснованы, мнения будут пропозиционально удачными, и, следовательно, пропозициональное везение есть нечто, отсутствие чего в наших мнениях мы хотим знать с достоверностью. Отсюда вытекает наше желание, чтобы наши мнения были обоснованы дохастически, а не только пропозиционально» [1]. Особенность пропозиционального риска по сравнению с веридическим, то есть риска сформировать ложное мнение, в том, что в последнем случае нет различия между субъективным и объективным рисками: «В природе такого везения, что рискованное событие-мишень (то есть ложное мнение) модально близко» [1].

2. Модальное везение

Итак, согласно Бонди и Притчарду, пропозиционально обоснованное мнение всегда рискованно, даже в том случае, если пропозициональное обоснование модально стабильно.

Наше альтернативное предложение следующее.

В случае безопасного пропозиционального обоснования имеет место везение в более широком смысле – «модальное везение»: наличие самой безопасности есть результат везения.⁵⁵ Другими словами, нарушается безопасность безопасности обоснования, или безопасность второго порядка. Здесь, конечно, возникает бесконечный регресс условий безопасности высших порядков. Он указывает на то, что не существует редуктивного определения знания в терминах безопасности, если понятие безопасности не зависит от понятия знания.

---

⁵⁵ Условие безопасности ещё называют условием модальной стабильности, а об эпистемическом везении (мнение могло бы быть ложным) говорят как о модальном везении. Мы употребляем термин «модальное везение» в несколько другом смысле – не в смысле, что мнение могло бы быть ложным (нарушается условие безопасности), а в смысле, что безопасное истинное мнение могло бы оказаться небезопасным, то есть имеет место модальное везение второго порядка.

Концепт знания первичен. Любой анализ понятия знания, в том числе и анализ в терминах условия безопасности, если он не является круговым, то есть апеллирующим к концепту знания, приводит к бесконечному регрессу. Это значит, что в принципе можно обнаружить бесчисленное множество различных видов эпистемического везения. «Модальное везение» – один из них. Напротив, если понятие безопасности зависит от понятия знания, как это имеет место у Т. Уильямсона, то знание можно определить (круговым образом) как истинное безопасное мнение [7–8]. Модальная стабильность гарантирует знание⁵⁶.

Бонди и Притчард справедливо рассматривают понятие риска как более фундаментальное, чем понятие везения [9]. Эпистемология риска позволяет объяснить эпистемические явления, которые не может объяснить эпистемология везения. Это относится как к веридическому везению, так и пропозициональному везению. Как ясно из вышесказанного, это, в частности, справедливо для случаев отсутствия знания в случае отсутствия пропозиционального везения.

Существуют два принципиальных различия между везением и риском. В отличие от везения (в смысле случайности), которое может иметь как отрицательный, так и положительный смыслы, риск всегда имеет отрицательный смысл: существует событие, которое следует избегать. Во-вторых, везение – то, что могло бы быть – рассматривается *post factum*, тогда как риск оценивается до наступления события [9]. Поэтому может существовать субъективный риск, но не субъективное везение. Согласно Притчарду, выполнение более общего условия, чем условие модальной стабильности (безопасности), а именно условия отсутствия риска (как объективного – отсутствие объективного риска равносильно модальной стабильности, так и субъективного), необходимо для наличия знания [9]. Таким образом, понятие риска позволяет объяснить некоторые особые случаи отсутствия знания у пропозиционально обоснованного истинного мнения [1].

Можно также вообразить экстремальную ситуацию, в которой не только пропозициональное везение, но и (объективный и субъективный) риск, отсутствуют, хотя истинное мнение является пропозиционально, а не дохастически, обоснованным. В этом случае субъект предельно иррационален: он не удерживает своё мнение по причине хороших оснований, даже зная об их существовании и отдавая себе отчёт в их модальной стабильности. Бонди и Притчард справедливо ставят под сомнение концептуальную возможность такой ситуации. Как мы сказали выше, если нормальный в когнитивном плане субъект знает, что обоснование его (истинного) мнения, что p , модально стабильно, он знает, что p . Знание в этом случае может отсутствовать не по причине наличия пропозиционального везения или эпистемического риска, а по причине неподходящего применения когнитивной способности субъекта. Для наличия знания последняя должна в известной мере *проявляться* в истинном мнении.

Напомним, что, вообще говоря, знание предполагает выполнение двух общих условий: условия безопасности истинного мнения субъекта и условия подходящего применения его когнитивной способности. В рамках своего антислучайного подхода когнитивных способностей Притчард показывает, что для наличия знания необходимо также наличие подходящей связи между этими двумя условиями: выполнение условия подходящего применения когнитивных способностей должно в известной мере объяснять удовлетворение условия безопасности [10].

Хотя в работе Притчарда речь идёт о безопасном истинном мнении, сказанное, на наш взгляд, можно обобщить на случай безопасного обоснования: знание предполагает, что без-

---

⁵⁶ Как показал Т. Уильямсон, понятия знания, безопасности и риска (опасности) и понятие вероятности имеют различные структуры. Первые не могут быть выражены в терминах второго: объективная вероятность того, что мнение p истинно, может стремиться к нулю, и в то же время субъект может знать, что p . И наоборот, в некоторых случаях субъект не знает, что p , даже если вероятность, что p , стремится к единице [8].

опасность хорошего обоснования для безопасного истинного мнения в известной мере объясняется подходящим применением когнитивных способностей субъекта [10].

3. Примеры

3.1. Веридическое везение

Веридическое везение имеет место в том случае, если мнение субъекта, хотя оно и истинно, могло бы с лёгкостью оказаться ложным, то есть оно является ложным в ближайших возможных мирах. Например, в ситуации, описанной Чизольмом, фермер при нормальных условиях смотрит на овцеподобную собаку в поле, за которой случайным образом оказалась овца [11]. Фермер формирует истинное обоснованное мнение, что в поле находится овца. Однако, если бы он посмотрел на то, что он принимает за овцу, чуть раньше или чуть позже, его мнение оказалось бы ложным. Поскольку условие безопасности веридического экспланандума нарушается, фермер не знает, что в поле находится овца. В примере Б. Рассела субъект смотрит на часы, которые остановились ровно 24 часа тому назад [12]. Он формирует истинное обоснованное мнение о времени. Если бы он посмотрел на часы чуть раньше или чуть позже, его мнение было бы ложным.

3.2. Пропозициональное везение

Если мнение базируется на плохом основании, как правило, существует возможный мир, в котором хорошее основание для мнения отсутствует, несмотря на то, что метод формирования мнения такой же, как и в действительном мире. Если же мнение базируется на хорошем основании, но не подходящим образом, то есть метод его формирования недостаточно чувствителен к основанию, как правило, существует возможный мир, в котором на данном основании базируется другое мнение, для которого, таким образом, его основание оказывается плохим. Следовательно, в этом случае тоже существует возможный мир, в котором отсутствует хорошее основание для мнения, формируемого тем же методом, что и в действительном мире.

Если, например, присяжный заседатель формирует истинное мнение о виновности обвиняемого не на основе представленных судьёй доказательств, с которыми он ознакомился, а исходя из чисто субъективного неприятия личности обвиняемого, его мнение не является дохастически обоснованным, потому что оно не базируется на хороших основаниях. Присяжный заседатель мог бы сформировать то же самое мнение и в отсутствие доказательств. Если он формирует мнение о виновности обвиняемого, исходя из представленных судьёй доказательствах, но недостаточно изучив их, его мнение формируется на основе хороших оснований, но неподходящим образом. Таким образом он мог бы сформировать и мнение о невиновности обвиняемого или сформировать мнение о его виновности и в том случае, если бы доказательства были недостаточными. (См. также [6].)

3.3. Модальное везение

Бонди и Притчард пишут: «Не все случаи пропозиционально обоснованных мнений, у которых нет дохастического обоснования, будут пропозиционально удачными. Тем не менее, поскольку существует много таких случаев, хорошо было бы исключить, что мы в них» [1]. То есть, как сказано в разделе 2, сама безопасность пропозиционального обоснования, если она имеет место в том или ином конкретном случае, не является безопасной и даже наоборот: в большинстве случаев пропозициональное обоснование небезопасно (удачно). Если рассмотреть «супермиры», состоящие из наборов возможных миров для того или иного пропозиционального обоснования, то в большинстве супермиров условие модальной стабильности – суперстабильность – будет нарушаться. Конечно, модально стабильное и суперстабильное пропозициональное обоснование может не быть суперстабильным во второй степени. И так далее.

Как уже было сказано в разделе 2, возникает бесконечный регресс модальных стабильностей. Причиной этого является невозможность некругового концептуального анализа концепта знания.

Заключение

Таким образом, можно определить знание как истинное мнение, при условии, что отсутствуют все виды везения, включая модальное. Строго говоря, понятие модального везения приводит к бесконечному регрессу, поскольку отсутствие самого модального везения может быть везением. Это указывает на то, что полный концептуальный анализ знания невозможен, в том числе и в терминах модальной стабильности высших порядков (отсутствия везения). Концепт знания является первичным. Употребление Притчардом понятия риска фактически является признанием этого.

Список использованных источников

1. *Bondy, P.* Propositional epistemic luck, epistemic risk, and epistemic justification / P. Bondy, P., D. Pritchard // *Synthese*. – 2018. – 195. – P. 3811–3820.
2. *Turri, J.* On the relation between propositional and doxastic justification / J. Turri // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 2010. – 80. – P. 312–326.
3. *Turri, J.* Believing for a reason / J. Turri // *Erkenntnis*. – 2011. – 74. – P. 383–397.
4. *Bondy, P.* Counterfactuals and Epistemic Basing Relations / P. Bondy // *Pacific Philosophical Quarterly*. – 2016. – 97 (4). – P. 542–569.
5. *Silva, P, Jr.* Does doxastic justification have a basing requirement? *Australasian* / P. Silva // *Journal of Philosophy*. – 2015. – 93. – P. 371–387.
6. *Wallbridge, K.* The peculiar case of Lehrer's lawyer / K. Wallbridge // *Synthese*. – 2018. – 195 (4). – P. 1615–1630.
7. *Williamson, T.* *Knowledge and Its Limits* / T. Williamson. – Oxford UP, 2000.
8. *Williamson, T.* *Probability and Danger* / T. Williamson // *The Amherst Lecture in Philosophy*. – 2009.
9. *Pritchard, D. H.* Risk / D. H. Pritchard // *Metaphilosophy*. – 2015. – 46. – P. 436–461.
10. *Pritchard, D. H.* Anti-luck virtue epistemology / D. H. Pritchard // *Journal of Philosophy*, – 2012. – 109. – P. 247–279.
11. *Chisholm, R. M.* *The Theory of Knowledge* / R. M. Chisholm. – Prentice Hall, Englewood Cliffs, NJ, 1989.
12. *Russell, B.* *Human knowledge* / B. Russell. – London: Routledge, 1948.

Часть 2

От традиционной эпистемологии к эпистемологии сначала-знания

В Главе 1 мы резюмируем традиционную парадигму в эпистемологии – эпистемологию сначала-убеждения – и указываем на её проблематичность в свете предложенной Уильямсом альтернативной эпистемологии сначала-знания (ЭСЗ) и контекстуального реализма (к-реализма). В Главе 2 мы рассматриваем ЭСЗ и сравниваем её с эпистемологией сначала-убеждения. В Главе 3 предлагается определение знания как успешного мнения. Это определение совместимо с предлагаемым Уильямсоном определением знания как наиболее общего фактивного ментального состояния. В Главе 4 приводятся аргументы в защиту уильямсоновского определения знания. В Главе 5 проблема Гетье и контекстуализм Льюиса трактуются в свете витгенштейновской эпистемологии петлевых предложений и эпистемологии сначала-знания.

Глава 1

Основные элементы традиционной парадигмы

1. Первичность мнения, вторичность знания

Традиционная эпистемология принимает, что мнение (belief) («убеждение», «верование» – мы зачастую будем употреблять эти термины как синонимы), рациональность, обоснование, очевидность, истина суть более фундаментальные концепты, чем знание. Согласно самой популярной теории, знание – обоснованное истинное мнение. Это редуктивный анализ знания в виде необходимых и достаточных условий или даже определение знания (подробнее см. Часть I). Здесь знание – функция двух независимых гетерогенных переменных, внутренней (обоснование) и внешней (истинность). Поэтому считается, что знание не ментальное состояние и не эпистемический вид. Напротив, мнение рассматривается как ментальное состояние и эпистемический вид. При этом под «ментальным состоянием» понимается некое чисто «внутреннее» состояние. Это то, что называют «интернализмом». В рамках такой концепции мнение (но не знание) нейтрально по отношению к истинности («успеху») и ложности: одно и то же мнение как чисто внутреннее ментальное состояние может быть истинным или ложным, в зависимости от состояния «внешней среды»; его истинностное значение зависит лишь от внешних факторов. Понятие обоснованности (обоснования), к которому апеллирует традиционная парадигма, не гарантирует наличие знания и даже не гарантирует истинность соответствующего мнения. Таким образом, всякое мнение (убеждение), независимо от того, насколько оно хорошо обосновано, может оказаться ложным. Такая точка зрения – одна из разновидностей «фаллибилизма», утверждающего, что не существует абсолютно достоверного обоснования; обоснованное мнение (убеждение) всегда может оказаться ложным и, следовательно, незнанием. (Подробнее понятие обоснования мы рассмотрим ниже.)

2. Знание = мнение + истинность + (обоснование) + X

В рамках пост-Гетье эпистемологии (см. Часть I) происходит отход от классического определения (анализа) знания. При этом делаются попытки сохранить его ядро, корректируя определение путём введения дополнительной компоненты, X, позволяющей исключить все виды случаев Гетье и, в частности, случаи истинных обоснованных мнений, которые не являются знанием. Поскольку с необходимостью всякое знание есть истинное мнение, компоненты «истинность» и «мнение» – необходимые компоненты любого возможного определения знания. Поэтому знание представляется либо как истинное мнение с обоснованием и дополнительным условием X, либо просто как истинное мнение с дополнительным условием X: знание = мнение + истинность + (обоснование) + X.

Как было показано в Части I, все попытки проанализировать концепт знания некруговым образом, не прибегая к самому этому концепту, потерпели неудачу. Ухищрения, к которым прибегали предлагаемые теории, напоминали введение дополнительных «эпициклов» в геоцентрическую систему с целью её сохранения любой ценой. Т. Уильямсон называет традиционный анализ знания «гру (grue) – подобным». Это недвусмысленный намёк на так называемый «гру»-парадокс, сформулированный Н. Гудменом в отношении индукции. Предикат «зелёно-синий» («grue» состоит из двух первых букв слова «green» (зелёный) и слова «blue» (синий)) выражающий свойство, быть зелёным до некоторого определённого момента времени, и быть голубым после этого момента времени, не является естественным. Он не может составить конкуренцию предикату «зелёный» в процессе индуктивного вывода. Точно так же, не являются

естественными предлагаемые в рамках пост-Гетье эпистемологии всё более сложные некруговые анализы знания в виде необходимых и достаточных условий. Такие анализы также противоречат принципу простоты, и их существование приводит к проблеме, аналогичной известной проблеме «переподгонки» (чрезмерной подгонки, *over-fitting*), возникающей в естественных науках, когда пытаются представить полученные экспериментальные данные слишком точным образом. В результате представление (кривая, уравнение и так далее) оказывается сверхчувствительным к варьирующимся неизбежным отклонениям результатов измерений величин от их истинных значений [1]). Переподгонка, таким образом, не позволяет выявить подлинную закономерность или затрудняет такое выявление.

В Части I мы показали, что в эпистемологии не просто предлагались различные теории, а имела место их эволюция. В частности, мы проследили эволюцию и постепенное совершенствование теорий, начиная с релейабиллизма А. Голдмана и заканчивая эпистемологическим дизъюнктивизмом Д. Притчарда и его двухаспектной эпистемологией, комбинирующей безопасную/антирисковую эпистемологию и эпистемологию добродетелей. Важным моментом в этом развитии было возникновение эпистемологического экстернализма. Например, релейабиллизм Голдмана не требует интерналистского обоснования истинного мнения для того, чтобы оно было знанием. Для наличия знания достаточно, чтобы истинное мнение было результатом надёжного когнитивного процесса, который, как правило, даёт истинное мнение. Обоснование, таким образом, оказывается экстерналистским, не доступным субъекту. Безопасная (антислучайная) эпистемология Д. Притчарда, утверждающая, что знание есть истинное безопасное мнение, – развитие релейабиллизма Голдмана. Свой эпистемологический дизъюнктивизм Притчард рассматривает как нестандартный интернализм, содержащий элементы экстернализма (речь всё-таки идёт о доступных рефлексии основаниях. Но эти основания фактивны) (см. Главы 3–5 Части 4). Недавно Притчард также показал совместимость эпистемологического дизъюнктивизма и безопасной/антирисковой эпистемологии добродетелей [2] (см. Главу 5 Части 4).

Принципиальная проблема, с которой столкнулись предлагаемые теории, за исключением эпистемологического дизъюнктивизма, состояла в том, что поскольку между мнением (его обоснованием, не гарантирующим истинность мнения и знание) и фактом/истиной всегда остаётся провал, никакая попытка решить проблему Гетье при помощи введения дополнительного условия, не может быть успешной⁵⁷. Любое, сколь угодно хорошо обоснованное мнение можно сделать ложным, а затем опять истинным, но уже так, чтобы его истинность рассматривалась как случайная. Сконструированное таким образом истинное и обоснованное мнение не будет знанием. Истинным оно будет лишь благодаря наложению друг на друга двух случайностей: случайности, в результате которой, как правило истинное, мнение оказывается ложным, и случайности, в результате которой оно всё же оказывается истинным, но случайным, искусственным образом. В то же время Д. Притчард неоднократно отмечал, что анализ знания, в том числе и его двухкомпонентный анализ, может быть содержательным, даже если в конечном итоге он круговой, то есть вводимые дополнительные условия отсылают к понятию знания [3].

На опровергаемость любого некругового анализа знания в виде «знание = мнение + истинность + X» указывает одна из основательниц эпистемологии добродетелей Л. Загзебски [4]. В качестве альтернативы она и ряд эпистемологов предложили ту или иную разновидность эпистемологии эпистемических добродетелей/способностей, согласно которой познание предполагает подходящее применение подходящих когнитивных или интеллектуальных способностей познающего субъекта (Л. Загзебски, Дж. Греко, Э. Соса и другие)⁵⁸. Для Соса, например,

⁵⁷ Эпистемологический дизъюнктивизм апеллирует к понятию фактивного основания, которое с необходимостью делает мнение истинным.

⁵⁸ Есть две основные разновидности эпистемологии добродетелей. Релейабиллизм добродетелей – экстерналистская теория. Она, например, утверждает, что Чанк (см. пример «Чанк» в Части I) знает пол цыплёнка. Респонсбиллизм добродетелей –

знание есть подходящее (apt) мнение. При этом знание является телеологической, а не конститутивной, подобно правилам игры, нормой для мнения, тогда как подходящесть – конститутивной нормой, то есть относящейся к самой природе мнения. Это не анализ концепта знания. В этом сходство эпистемологии добродетелей с ЭСЗ Уильямсона. Кроме того, эпистемологии добродетелей Соса, как и ЭСЗ, проводит аналогию между знанием и действием. Первичным, однако, в рамках эпистемологии добродетелей считается концепт мнения, а не знания, и нормы эпистемических добродетелей рассматриваются как более фундаментальные, чем норма знания. С точки зрения ЭСЗ, как мы увидим ниже, эти нормы вторичны.

В целом, в современной эпистемологии всё ещё остаются сильными позиции интерналистской парадигмы, а экстерналистские теории, так же, как и интерналистские, предполагают дихотомию внутреннего и внешнего, принимают мнение, а не знание, в качестве фундаментального первичного понятия, объясняют знание в терминах мнения, а не наоборот. Сама дихотомия «интернализм vs экстернализм», унаследованная от модерна, хотя во многом и полезна, заслуживает, на наш взгляд, терапевтического анализа в витгенштейновском духе. Правда, в последние годы появились гибридные версии релейаблизма и эпистемологии добродетелей, эпистемологии добродетелей и ЭСЗ и так далее (см., например, [5–6]). На наш взгляд, однако, «чистая» ЭСЗ Уильямсона более фундаментальная теория. Гибридные эпистемологические теории напоминают попытки понять квантовые явления на классическом или полуклассическом языке, которые были предприняты до появления полноправной квантовой теории в первой четверти 20 века.

ЭСЗ Уильямсона – радикально экстерналистская теория, имеющая мало общего с традиционным экстернализмом, разделяющим с интернализмом указанные выше предпосылки. Как мы увидим ниже, ЭСЗ отвергает общую для традиционных интернализма и экстернализма предпосылку о том, что факты «внешнего мира» не включаются в ментальные состояния, а сами ментальные состояния транспарентны.

3. Интернализм vs экстернализм

В традиционной эпистемологии, как уже было сказано выше, мнение (но не знание) – ментальное состояние. Понятие ментального состояния устанавливает связь между эпистемологией и философией сознания. Интернализм в философии сознания утверждает, что ментальные состояния конститутивно, но не причинно, не зависят от внешнего мира, а находятся «в голове», полностью определяются (супервентны над) нейро-физическими процессами в голове.⁵⁹

На чисто семантическом уровне проблема с интернализмом, состоящая в том, что не удаётся отделить «чисто ментальное» содержание мнения от «чисто не-ментального» его содержания (соответственно, в философии языка не удаётся отделить «узкое содержание» высказывания от его «широкого содержания»), была выявлена Х. Патнэмом и Т. Берджем. Для её решения была введена доктрина семантического экстернализма. С точки зрения семантического экстернализма содержание мнений (и интенций) не является чисто внутренним [7]. В известном мысленном эксперименте мы оказываемся на другой планете, которая является точной копией планеты Земля, за исключением того, что прозрачная, бесцветная жидкость, обладающая всеми макроскопическими свойствами воды (H₂O), имеет на ней другую химическую формулу (XYZ) – о чём мы не знаем. Наши мысли и верования о «воде» на этой планете будут не о воде, а о жидкости XYZ, несмотря на то что наше внутреннее ментальное состояние веро-

интерналистская версия. С точки зрения этой теории Чанк не знает пол цыплёнка.

⁵⁹ На самом деле, в философии языка, эпистемологии и философии сознания существуют различные разновидности интернализма и экстернализма и, соответственно, дихотомии «интернализм» vs «экстернализм».

вания будет точно таким же, каким оно было на Земле. Другими словами, содержание наших мнений зависит и от окружающей среды, а не только от того, что происходит «в голове». ⁶⁰ Но как это возможно, если само ментальное состояние верования находится «в голове»? Требуется более сильная форма экстернализма – экстернализм самого ментального. Такой экстернализм, как мы увидим ниже, предлагает ЭСЗ, утверждающая, в частности, что знание – очевидно, не внутреннее состояние – является ментальным состоянием.

В традиционной же эпистемологии ментальные состояния чисто внутренние. При этом классический интернализм имеет три основные разновидности: (1) аксесибилизм (*accessibilism*), (2) ментализм и (3) тезис о неразличимости [3]. (1) Аксесибилизм утверждает, что обоснованием для мнения может быть лишь то, к чему субъект имеет рефлексивный/интроспективный доступ. Если у субъекта нет такого доступного рефлексии обоснования, мнение считается необоснованным и, в частности, оно не может быть знанием. Аксесибилизм – интернализм относительно обоснования. (2) Ментализм утверждает, что роль обоснования для мнения субъекта играет его ментальное состояние, к которому субъект необязательно имеет доступ. При этом ментальное состояние рассматривается как нечто чисто внутреннее (3). Тезис о неразличимости утверждает, что мнение мозга-в-бочке может быть так же хорошо обосновано, как и мнение нормального человека постольку, поскольку их невозможно различить с точки зрения первого лица [3, р. 77–81].

Интерналистские теории предполагают существование привилегированного доступа к своему собственному сознанию при помощи интроспекции и, соответственно, инфаллибилизм относительно своих внутренних состояний. Одновременно – и это обратная сторона подхода – утверждается фаллибилизм и скептицизм относительно познания внешнего мира.

К неклассической форме интернализма, как уже было сказано выше, можно отнести эпистемологический дизъюнктивизм Д. Притчарда, утверждающий, что парадигматическое перцептивное знание – истинное мнение, с доступным рефлексии фактивным обоснованием. На самом деле, это комбинация интернализма и экстернализма, так как, с одной стороны, требуется наличие доступного рефлексии обоснования, а с другой стороны, это обоснование фактивно, что означает, что оно с необходимостью влечёт наличие соответствующего факта, то есть истинность мнения и знание. Обоснованное мнение не может быть ложным. В этом смысле эпистемологический дизъюнктивизм – разновидность инфаллибилизма.

В общем случае современный интернализм не отрицает наличие экстерналистской составляющей. Он лишь отрицает чистый экстернализм, то есть утверждает, что какая-то часть обоснования мнения должна быть интерналистской, если мы хотим, чтобы мнение было знанием. Напротив, радикальный экстернализм допускает наличие знания при отсутствии интерналистской компоненты. ЭСЗ Уильямсона, как уже было сказано выше, – радикально экстерналистская позиция.

Отметим, что если обоснование (очевидность) для мнения, которое является знанием, доступно рефлексии/интроспекции, как это имеет место, например, с точки зрения традиционного определения знания, а также в случае эпистемологического дизъюнктивизма, то субъект не просто знает, что *p*, но он знает, что он знает, что *p*, то выполняется принцип: если *Kp* (знает), то с необходимостью *KKp* (знает, что знает). На самом деле, субъект может не знать, а только верить (думать), что знает. Доступность знания интроспекции и абсолютная достоверность (*certainty*) знания (если оно действительно есть) отвергается экстерналистскими теориями знания и, в частности, ЭСЗ Уильямсона. Можно знать, что *p*, и не быть в состоянии с лёгкостью, при помощи одной лишь рефлексии/интроспекции установить, что знаешь, что

---

⁶⁰ Известное выражение Патнэма гласит: «Смыслы просто не в голове!» (*meanings just ain't in the head!*). Его причинная теория референта утверждает, что слова отсылают к своим референтам, благодаря причинно-следственным связям с ними [7–8].

р. Знание не влечёт знание, что знаешь. Более того, так называемая «очевидностная вероятность», – вероятность, условная на очевидности как полном знании в контексте (понятие, которое вводит Уильямсон [9, ch. 10]), – что знаешь, может быть сколько угодно мала, несмотря на наличие знания.

Радикальный экстернализм Уильямсона, как мы увидим ниже, утверждает, что большая часть нашего знания не имеет рационального обоснования в смысле интерналистского обоснования, но не в смысле обоснования *tout court*. Всякое знание, конечно, в принципе имеет обоснование с точки зрения третьего лица. Очевидностью для всякого знания является само знание, поскольку, согласно ЭСЗ, всякое знание – очевидность, и наоборот. Следовательно, всякое знание, что р, обоснованно, причём очевидностная вероятность, что р (но не что, мы знаем, что р), равна единице. И наоборот: всякое обоснованное мнение есть знание, поскольку обоснование с необходимостью влечёт истинность мнения и знание. То есть обоснование является фактивным и экстерналистским. Мы вернёмся к этим вопросам ниже при систематическом рассмотрении ЭСЗ Уильямсона.

С точки зрения Притчарда, радикальный экстернализм – «ревизионистская позиция», которая, например, решает, а не устраняет скептическую проблему путём выявления её ложных предпосылок. ЭСЗ Уильямсона действительно очень просто решает одну из разновидностей скептической проблемы. Это решение таково: поскольку мозг-в-баке ничего не знает об окружающем мире, у него нет и очевидности о состоянии дел в окружающем мире (напомним: очевидность = знания), то есть нет очевидности в пользу истинности его, быть может (случайно) истинных, мнений. Напротив, такая очевидность есть у нас – нормальных людей. Поэтому наши мнения об окружающем мире являются обоснованными, и мы многое знаем о нём.

Подход самого Притчарда к скептицизму в целом можно рассматривать как терапевтический. При этом Притчард защищает, скорее, нетрадиционные интерналистские теории и в то же время не отказывается полностью от радикального экстернализма, согласно которому существует знание без интерналистского рационального обоснования. Но такое радикально экстерналистское знание, полагает Притчард, периферийно [3].

4. Теория истины как соответствия

В рамках традиционной парадигмы принимается теория истины как соответствия: мнение истинно тогда и только тогда, когда оно соответствует «внешнему» факту. Эта теория совместима с метафизическим реализмом, кантианством и некоторыми другими доктринами, в зависимости от того, что понимать под «внешними фактами». Например, с точки зрения эмпирического реализма Канта роль таких внешних фактов играют вещи-для-нас или соответствующие состояния дел. Контекстуальный реализм (к-реализм), во-первых, принимает лишь логическое ядро теории истины как соответствия (это дефляционизм): по определению мнение, высказывание или суждение истинно тогда и только тогда, когда оно соответствует факту. Во-вторых, к-реализм признаёт существование реальных фактов, которым соответствуют истинные мнения, высказывания или суждения. Наше познание – познание самих вещей. То есть истина имеет субстанциональное содержание. Во-третьих, согласно к-реализму, соответствие между истинным мнением, высказыванием или суждением и фактом не может быть теоретизировано в виде некоторого механизма, позволяющего в общем случае априорным образом определять, какие мнения, высказывания или суждения истинны или ложны. Зависимость от контекста неустранима. Истина – соответствие в контексте, или в рамках языковой игры. Для Витгенштейна об истине и знании имеет смысл говорить лишь в рамках формы жизни. Для него «И понятие знания сопряжено с понятием языковой игры» [10, § 560]. Это и означает зависимость от контекста, то есть укоренённость в реальности. (См. также раздел 1.3. Главы 1

Части 1 и обсуждение теории истины как соответствия в [11].) В частности, к-реализм отвергает когерентистскую теорию истины как теорию идеалистическую. В разделе 6 мы приведём аргумент против когерентизма по отношению к эпистемическому обоснованию.

5. Обоснование

С точки зрения традиционного определения знания как обоснованного истинного мнения обоснование рассматривается как чисто интерналистское в смысле доступности рефлексии/интроспекции рациональных оснований для мнения. Например, для Д. Дэвидсона такими основаниями являются только мнения (beliefs): мнения могут обосновываться только другими мнениями. Это когерентистская позиция. При этом во всех традиционных теориях, включая теории, апеллирующие к экстерналистскому обоснованию (или «воранту» (warrant)⁶¹), обоснование не гарантирует истинность мнения и, соответственно, знание. Поэтому для традиционной эпистемологии обоснованность мнения не означает его обязательность, то есть не означает «должен верить» (ought, should), а отсутствие обоснованности не означает запрета на верование, то есть «не должен верить». Другими словами, традиционная концепция обоснованного мнения является ненормативной. Традиционные экстерналистские теории сохраняют те же метафизические предпосылки, что и интерналистские: существование внешней реальности, теория истины как соответствия фактам внешней реальности, мнение как внутреннее психологическое состояние и так далее. Например, процессуальный релайабиллизм Голдмана трактует обоснованность мнения в экстерналистском смысле: мнение обосновано, если (психологический) процесс, в результате которого оно получено, надёжен (truth-conducive). При этом надёжность когнитивного процесса не гарантирует знание⁶².

Обоснование выражается в виде мнения. Предположим, как это утверждает Дэвидсон, что лишь мнения обосновывают мнения. Тогда интернализм в отношении обоснования приводит к трилемме Агриппы: либо существуют самоочевидные мнения/убеждения – это фундаментализм (существуют различные версии фундаментализма: декартовская⁶³, муровская, версия Л. Бонжура и другие [13]. См. также аргументы в пользу фундаментализма в книге А. Картера и К. Литлджона [14]), либо обоснование является круговым – это когерентизм (см., например, [13; 15], когерентизм К. Лере.

Недавно Лере модифицировал свою более раннюю когерентистскую позицию [16]⁶⁴, либо оно представляет собой бесконечную последовательность мнений, в которой каждое мнение обосновывается последующим – это инфинитизм. Все три позиции имеют своих сторонников, но все они оказываются в конечном итоге неудовлетворительными. Требуется нетрадиционный экстерналистский подход, который, как мы увидим, предлагает ЭСЗ Уильямсона.

Наряду с обоснованием, в традиционной эпистемологии интерналистскими и операциональными считаются рациональность и очевидность. Рациональность задаёт правила, к которым у нас есть рефлексивный/интроспективный доступ и следование которым гарантирует

⁶¹ «Ворант» (warrant) можно перевести как «правомочие», «оправдание», «подтверждение», «обоснование». Это родовой термин для обозначения нефактивной эпистемической рациональности. «Интайтлмент» (entitlement) – экстерналистский вид воранта. Обоснование в смысле «justification» – интерналистский вид воранта.

⁶² Существуют различные версии релайабиллизма Голдмана и релайаблизма tout court. Например, релайабиллизм добродетелей (virtue reliabilism) Джона Греко основывается на понятии эпистемической добродетели [12].

⁶³ Для Декарта последней достоверностью является утверждение «Я мыслю». (На самом деле, это теоретическое предположение, а не самоочевидное данное.) Отсюда он выводит существование: «Я мыслю, следовательно, я есть (существую)». «Cogito ergo sum».

⁶⁴ К. Лере в течение полувека защищал когерентизм как доктрину, что возможно чисто инференционное обоснование мнений [17]. Однако, в последнее время он пришёл к выводу, что без интуиции, опыта, свидетельства и т. д. нельзя обойтись, поскольку самосогласованная система мнений может не иметь связи (контакта) с реальностью, истиной. Лере предлагает восстановить эту связь путём соединения самосогласованной системы мнений с «экземпляром опыта», гарантирующим их истинность [16].

рациональность мнений. Таким правилом, например, может быть следующее правило: «Соизмеряй степень своей уверенности с имеющейся очевидностью». Это эпистемология с точки зрения первого лица. Что касается очевидности, то она может принимать разные формы. Например, феноменальная концепция очевидности утверждает, что очевидность – опыт («квалия», как это ощущается) или видимость (как в феноменологии). То, что не доступно рефлексии/интроспекции субъекта, к очевидности не относится. Как мы увидим, в рамках ЭСЗ это не так.

6. Мысленный эксперимент против когерентизма

Рассмотрим следующий мысленный эксперимент, предложенный А. Картером и К. Литлджоном [14, р. 26]: «Вообразите игру, в которой Ваш товарищ что-то кладёт на блюдо и накрывает серебряным колпаком. Затем он поднимает колпак, и Вы видите, что находится на блюде. Но перед этим у Вас нет мнения относительно того, что там находится. (Всё, что Вы знаете, это то, что на блюде может быть что-то достаточно малых размеров. Это может быть батарейка, монета или кусочек сыра). После того, как колпак был поднят, всё изменилось – это помидор! Вы очень быстро поверили, что вещь, которая находится на блюде, – помидор. Предположим, что это *всё*, во что Вы поверили и предположим, что Вы не просто *поверили*, что вещь на блюде – помидор, а Вы *узнали*, что это было, и, следовательно, *обоснованно* поверили, что это было» [14, р. 26] Авторы утверждают, что этот мысленный эксперимент говорит в пользу фундаментализма, а не когерентизма: «перцептивное знание» о помидоре самоочевидно и приобретает мгновенно; оно не требует для своего обоснования других мнений. Не возражая против критики когерентизма, мы в то же время предлагаем трактовку этого примера с точки зрения ЭСЗ Т. Уильямсона, которая не является фундаменталистской, так как в её рамках обоснование и очевидность нормативны, а с точки зрения фундаментализма перцептивное знание просто основывается на самоочевидном опыте. В рассматриваемом примере приобретает новое знание, которое есть новая очевидность. Это знание укоренено в опыте, но нельзя сказать, что его фундаментом является самоочевидный опыт. Опыт как таковой не дан, не есть очевидность, не имеет содержания. Очевидность пропозициональна. Таким образом, обоснованием нашего мнения (и в основе нашего знания), что под колпаком помидор, является новое знание-очевидность, что под колпаком находится помидор.

7. Байесовская и частотная вероятности

При анализе этого примера мы приняли во внимание, что с точки зрения контекстуального реализма, перцептивный опыт как таковой – просто часть реальности. Он не может «обосновывать» перцептивное знание. Знание первично и укоренено в перцептивном опыте. Но знание и опыт относятся к разным категориям, смешение между которыми ведёт к антиреализму, порождающему релятивизм и скептицизм. Поэтому феноменальная концепция очевидности как видимости, к которой прибегает, например, эпистемология сначала-опыта, неприемлема. В то же время к-реализм и ЭСЗ, в отличие от субъективного байесианизма, принимают во внимание перцептивный и феноменальный опыты, так как они сопровождают употребление перцептивных и феноменальных концептов. В рамках ЭСЗ это достигается, благодаря экстерналистской концепции знания (очевидности и обоснования) и понятию вероятности, условной на очевидности как знании.

Получившая распространение в традиционной эпистемологии байесовская вероятность – разновидность субъективной вероятности – условная на субъективной очевидности (на мнении) вероятность. Утверждается, что чем выше субъективная байесовская вероятность, что мнение истинно, тем лучше оно обосновано. Теорема Байеса, позволяющая актуализировать

вероятность, исходя из новых опытных данных, гласит: $P(A/B) = P(B/A) P(A)/P(B)$. Здесь $P(A)$ – априорная вероятность гипотезы А, $P(A/B)$ – апостериорная вероятность гипотезы А, $P(B)$ – вероятность события (очевидности) В, $P(B/A)$ – вероятность В при условии истинности гипотезы А. (Вывод теоремы элементарен: поскольку $P(B)P(A/B) = P(A \cap B)$ и $P(A)P(B/A) = P(A \cap B)$, то $P(B) P(A/B) = P(A)P(B/A)$.) На самом деле, согласно Уильямсону, субъективная байесовская вероятность в эпистемологии неспособна сделать важные эпистемические различия: «Не доверяя полному ознакомлению с сенсорной видимостью, мы можем исключить её из рассмотрения. Тогда от внутреннего остаётся лишь формальная структура верований, для которых норма обоснования (...) редуцируется к простой внутренней когерентности. Субъективный байесианизм – наиболее развитая такая точка зрения. Несмотря на её математические достоинства, ему не удаётся сделать большинство значительных эпистемологических различий. Он одинаковым образом трактует Вас и того, у кого та же самая субъективная вероятность, но радикально отличный перцептивный опыт мира» [18, р. 3].

Как мы показали в Части 1 очевидностная вероятность Уильямсона устраняет также проблемы, с которыми сталкивается частное понятие вероятности – разновидность объективной вероятности. Иногда считается, что чем выше объективная вероятность, что мнение истинно, тем лучше оно обосновано. Например, моё мнение, что я не выиграю в лотерею, тем лучше обосновано, чем меньше вероятность вытянуть выигрышный билет. На самом деле, мнение, истинность которого менее вероятна в смысле объективной вероятности, может оказаться знанием (для наличия знания необязательно, чтобы объективная вероятность была равна единице), а мнение, истинность которого более вероятна, всего лишь мнением (не знанием). Причина в том, что концепты вероятности и модальности расходятся. Введённое Уильямсоном понятие очевидностной вероятности позволяет утверждать, что мнение тем лучше обосновано, чем выше его очевидностная вероятность, то есть условная на очевидности (как знании) вероятность.

8. Скептическая проблема

Репрезентационализм традиционной эпистемологии порождает скептическую проблему. Если представление посредник между нами и реальностью, возникает вопрос, существует ли что-то за пределами представления (ментального, языкового, концептуального и так далее). С этой точки зрения мы не можем знать, что мы не мозг-в-баке, и у нас нет знания об окружающих нас обыденных вещах, так как и мы и мозг-в-баке можем иметь одно и то же ментальное состояние и иметь одни и те же рациональные основания. Одна из наиболее интересных попыток решить скептическую проблему в рамках традиционной эпистемологии была недавно сделана Д. Притчардом. Он считает, что, на самом деле, картезианский скептицизм о внешнем мире содержит две скептические проблемы. Одна проблема основывается на принципе замкнутости знания, а вторая на предположении о существовании неразличимых опытов, только один из которых веридический. **Вариант 1.** (1) Я не могу знать, что я не мозг-в-баке. (2) Если бы я знал, что это рука (или дерево) и другие обыденные вещи, то я бы знал, что я не мозг-в-баке (согласно принципу замкнутости знания (см. Часть I)). (3) Из (1) и (2) следует, что я не знаю, что это рука (или дерево). **Вариант 2.** Нормальный человек и мозг-в-баке имеют одну и ту же очевидность (в частности, феноменальную очевидность – видимость) для своих мнений об окружающих их предметах и внешнем мире. Они также имеют одно и то же обоснование для своих мнений, одни и те же рациональные основания, так как обоснование сопровождается видимостью, супервентно (*supervenies*) на видимости. Но мнение одного истинно, а мнение другого ложно. Поскольку нет рациональных оснований, чтобы отдать предпочтение одному из этих двух случаев, знание невозможно. Принцип, который лежит в основе рассуждения, следующий: если невозможно различить два случая, то обоснование в этих случаях то

же самое. Терапевтический подход Притчарда и его анализ мы подробно рассмотрим в Главе 1 Части 3. (См. статьи А. Колива, в которых подход Притчарда критикуется [10]) Здесь же приведём аргумент Уильямсона против упомянутого принципа неразличимости, лежащего в основе второго варианта скептической проблемы.

Критика принципа неразличимости

Уильямсон пишет: «Против принципа имеется возражение, исходя из нетранзитивности неразличимости. Рассмотрим длинную соритную последовательность случаев $\alpha_0, \dots, \alpha_n$, где для субъекта α_i, α_{i+1} настолько схожи в своей видимости, что их невозможно дискриминировать ($i = 0, \dots, i = n - 1$), а α_0 и α_n настолько различаются в своей видимости, что их легко дискриминировать. Согласно принципу, обоснование одно и то же в случаях α_i и α_{i+1} ($i = 0, \dots, i = n - 1$). Следовательно, в соответствии с транзитивностью точной одинаковости в данном отношении, обоснование в точности то же самое для α_0 и α_n . Но это абсурдно, так как обоснование отличается между легко дискриминируемыми случаями для некоторого предложения. Чтобы избежать таких возражений, нужно придерживаться более слабого принципа, что, когда видимости в точности те же самые, то же самое и обоснование. Но для чего предсказывать такую тесную связь между обоснованием и видимостями, если она не опосредуется недискриминируемостью?» [18, р. 1–2].

9. Идея привилегированного эпистемического доступа

Согласно ложной феноменологической идее о существовании привилегированного эпистемического доступа к видимости, возможно непосредственное полное знакомство (acquaintance) с феноменологической видимостью (перцептивным или феноменальным опытом) как достоверным данным, которое может служить в качестве базиса для обоснования. Такое «достоверное данное» («точная видимость») рассматривается как базовое знание. Декарт, например, считал, что несмотря на наши сомнения, незнание и ошибки, то, что мы мыслим ясно и отчётливо, истинно (и, следовательно, мы это знаем). Логические эмпиристы принимали непосредственные данные органов чувств (sense-data) в качестве эпистемического фундамента. Феноменология утверждает существование автономных явлений/феноменов, которые показывают сами себя, а не нечто, что находится за их пределами. На самом деле, с точки зрения контекстуального реализма Ж. Бенуа перцептивный опыт как таковой (то есть не идентифицированный при помощи концептов) не есть данное. Он не дан, не содержит в себе концептуальное измерение, а просто есть часть реальности. Напротив, всякое явление имеет концептуальное и нормативное измерение, свою логику. Но явление не автономно (не абсолютно), а предполагает реальность, в которой оно укоренено, и которая в том или ином виде в явлении показывает себя, является. Таким образом, видимость как то, что видится, является в рамках явления, истинно или ложно – видимость/явление предполагает суждение – не автономна и не первична. О видимости можно говорить лишь в рамках явления и вторично – лишь отталкиваясь от парадигматических случаев реальности [19].

В свою очередь Т. Уильямсон указывает на то, что идея привилегированного доступа к видимости – это теоретический постулат. Интроспекция (видимости) – плохой метод. На самом деле мы познаём вещи, а не то, как они нам кажутся: «Можно надеяться начать с очевидных фактов о внешнем мире, но они не видимости: факт, что существуют другие люди, не факт, что кажется (есть видимость), что существуют другие люди» [20]. С другой стороны, как уже было сказано выше, согласно Уильямсону, перцептивный опыт нельзя игнорировать, так в противном случае остаётся лишь формальная структура мнения, для которого нормой обоснования является внутренняя самосогласованность (когерентность).

Итак, не существует области привилегированного эпистемического доступа. Тем не менее, мы знаем много разных вещей в самых разных областях. Что такое эпистемический доступ? Согласно ЭСЗ Уильямсона, это просто знание. Поэтому естественно начинать со знания. С точки зрения терапевтической, как показывает Бенуа, проблема «доступа к реальности» – псевдопроблема, поскольку мы сами часть реальности, и знание первично. Бенуа говорит: «Пытаются анализировать понятие знания, исходя из понятия, которое, по моему мнению, может быть адекватно охарактеризовано лишь (...) исходя из понятия знания. (...) Понятие мнения можно мыслить лишь как нечто незавершённое (фр. *privativement*) по отношению к понятию знания.» Попытки «определить понятие знания, исходя из других эпистемических установок, и, конечно, по отношению к привилегированной установке мнения, – ошибочный подход. Этот подход игнорирует центральность понятия знания и тот факт, что рассматриваемые эпистемические установки могут быть определены лишь по отношению к предварительному понятию, которое есть понятие знания» [11].

10. Норма для мнения и фундаментальная эпистемическая ценность

С точки зрения традиционной эпистемологии истина – норма для мнения (и утверждения) «Верь (утверждай), что p , тогда и только тогда, когда p истинно»⁶⁵. И именно истина, а не знание, в традиционной эпистемологии имеет фундаментальную (то есть финальную, а не инструментальную) эпистемическую ценность. Эта позиция подверглась критике. В настоящее время существует тенденция отказа от этого тезиса. Однако недавно Д. Притчард попытался по-новому сформулировать тезис о фундаментальной эпистемической ценности истины и защитить его с точки зрения эпистемологии добродетелей⁶⁶. Наш анализ понятия фундаментального эпистемического блага даётся в Главах 3 и 4 Части 5.

11. Эпистемические монизм и плюрализм

С точки зрения ЭСЗ имеется один-единственный концепт знания: Знание – наиболее общее фактивное ментальное статическое (пропозициональное) состояние (эта формулировка – теоретический анализ (теория) самого знания, а не анализ концепта знания.) Поскольку другие эпистемические понятия являются вторичными по отношению к знанию, они также оказываются однозначными. Таким образом, принимая ЭСЗ, мы отвергаем плюралистические позиции (относительно знания, обоснования, очевидности, стандартов и так далее), которые возникают в рамках стандартной эпистемологии. Плюралист может, например, утверждать, что интерналистское и экстерналистское (например, релейабилистское) понятия знания (или обоснования) – различные концепты знания (обоснования). Некоторые плюралисты считают, что различие, которое делает Э. Соса между животным, рефлексивным и полным знаниями – различие между разными концептами знания⁶⁷. Монист, напротив, может искать нечто общее у всех этих понятий или по крайней мере «семейное сходство» между ними и утверждать, что,

---

⁶⁵ Существуют другие эпистемические нормы, например, норма рационального доверия, норма разумного верования, норма обоснованного мнения, (субъективная) достоверность и так далее.

⁶⁶ С точки зрения более ранней позиции Притчарда понимание причин (знание-по-чему) и знание-как (но не знание-что) являются когнитивными достижениями, и поэтому именно они, а не знание, имеют особую (финальную, или фундаментальную) ценность [21]. Некоторые авторы считают, что понимание ценнее знания.

⁶⁷ Плюрализм относительно знания – метафизический тезис относительно отношения знания, то есть знания как отношения между субъектом S и предложением, p , которое он знает. К плюрализму знания может вести, например, плюрализм стандартов для обоснования, если знание рассматривается как трёхместное отношение вида $S(K, p, E)$ – субъект S знает (K), что p , относительно стандартов для обоснования E .

в сущности, концепт знания или обоснования один. Примером монизма в отношении обоснования является позиция П. П. Энжела [22].

Итак, подобно тому, как в области метафизики мы принимаем концепт реальности в качестве первичного концепта – реальность такова, какова она есть – в области эпистемологии мы принимаем концепт знания в качестве первичного концепта. Это означает, что наша позиция – монизм знания. Это не противоречит тому, что стандарты применения концепта знания (или обоснования) могут зависеть от контекста. На самом деле, контекстуальность является фундаментальной характеристикой, как эпистемологической, так и онтологической. Существуют разнообразные способы быть истинным (хотя понятие истины одно) и разнообразные способы приобретать знание, разнообразные виды, но не концепты, знания (и, соответственно, обоснования, очевидности и так далее), между которыми имеется семейное сходство, а не концептуальные разрывы. Математическое знание отличается от физического знания и оба отличаются от обыденного знания, знания социального или этического. Тем не менее, все эти виды знания объединяются в рамках единой концепции знания. Подход к проблеме плюрализма/ монизма знания, обоснования, очевидности и так далее с точки зрения контекстуального реализма дополняет монизм ЭСЗ. Контекстуальный плюрализм – обратная сторона концептуального монизма⁶⁸.

12. Знание и действие

Как правило, в рамках традиционной эпистемологии аналогия между знанием и действием не устанавливается. Исключение составляет эпистемология эпистемических способностей Э. Соса, которая напрямую апеллирует к этой аналогии, не разлагает знание на компоненты, хотя и не принимает знание в качестве первичного концепта. Для Соса знание – подходящее мнение, то есть успешное (истинное) мнение, успех которого обязан подходящему (компетентному) применению субъектом его когнитивной способности, что проявляется в его успехе. В этом смысле эпистемология Соса и другие эпистемологии когнитивных способностей/добродетелей отходят от традиционной парадигмы, но не радикально. В рамках эпистемологии Соса, например, компетентная стрельба из лука, в результате которой стрела попадает в цель, так что успех обязан компетенции, которая в нём проявляется, аналогична знанию как подходящему мнению. При этом, как уже было сказано в Главе 2 Части 1, Соса делает различие между животным и рефлексивным знанием, а также вводит понятие полного знания, которое является более надёжным, чем просто рефлексивное знание. Животное знание – просто подходящее мнение. Рефлексивное знание – животное знание, предполагающее рефлексию о подходящести мнения. Полное знание – рефлексивное знание, предполагающее подходящести мнения, то есть подходящести второго порядка, которая проявляется в истинности мнения. Другими словами, в результате употребления компетенции формируется подходящее мнение, в успехе которого компетенция проявляется и вдобавок сама эта компетенция употребляется подходящим образом, что и проявляется в подходящести мнения (подходящести первого порядка). Все эти разновидности и элементы знания находят у Соса свои аналоги в действии. ЭСЗ не делает различия между животным и рефлексивным знанием. Как следствие, в рамках ЭСЗ не возникает и такое понятие как полное знание. Подробно эпистемологию Соса мы рассматриваем в Главе 2 Части 4.

⁶⁸ По аналогии с эпистемологией в философии науки сейчас обсуждается тема плюрализма моделей. Нет одной совершенной модели. Всякий аспект реальности требует разработки и применения множества моделей. Такой плюрализм не недостаток, а достоинство. Такого рода плюрализм может иметь место и в эпистемологии.

Глава 2

Эпистемология сначала-знания

В этой главе мы резюмируем основные положения эпистемологии сначала-знания (ЭСЗ) Уильямсона, которая представляет собой альтернативу стандартной эпистемологии, а также сближаем её с контекстуальным реализмом (к-реализм) [9; 18–21; 23–36]. Как обычно, мы употребляем термины «мнение», «верование» и «убеждение» как синонимичные.

1. Первичность знания

В рамках ЭСЗ знание – первичный (фундаментальный) концепт. То есть первично различие между знанием и незнанием – между когнитивным успехом и провалом. Все другие эпистемологические концепты – «мнение», «обоснование», «очевидность» и так далее – объясняются в терминах знания (предполагают концепт знания) или в связи с ним. Например, мнение, если оно не знание, объясняется как отклонение от знания, нарушение когнитивного процесса: либо потому, что это ложное мнение, либо потому, что это истинное мнение, но не знание в связи с тем, что всё-таки имеется нарушение когнитивного процесса в его формировании. Другими словами, для Уильямсона мнение – «побочный продукт» знания, а знание – совершенное мнение, или мнение, которое успешно в двойном смысле: оно истинно, и когнитивный процесс, а результате которого формируется истинное мнение, не нарушен⁶⁹. С точки зрения ЭСЗ знание – самостоятельный эпистемический вид. Знание первично как концептуально, так и метафизически, по сравнению с другими эпистемическими видами [25]. Поскольку ЭСЗ объясняет мнение через знание, то она трактует мнение (верование, убеждение) следующим образом: «Верить, что р» – относиться к р так, как если бы знали, что р. Мнение (верование, убеждение), однако, может оказаться несовершенным, то есть не быть знанием [9].

2. Фактивность обоснования (инфаллибилизм)

Если знание – совершенное мнение, то знание – норма для мнения. Обоснованное мнение – мнение, удовлетворяющее своей норме, то есть знание. Таким образом, обоснованность мнения гарантирует знание и, в частности, истинность. Это означает, что в рамках ЭСЗ обоснование фактивно. В этом смысле можно говорить об инфаллибилизме подхода Уильямсона. Стандартное определение знания как истинного и обоснованного мнения сохраняет свою букву (но не дух). Можно даже просто сказать: знание – обоснованное мнение. С точки зрения ЭСЗ, утверждение о существовании случаев Гетье, то есть случаев истинных обоснованных мнений, которые не являются знанием, основывается на ложном предположении, что существуют обоснованные ложные мнения. В то же время для Уильямсона случаи Гетье не артефакты; они указывают на нечто существенное в эпистемологии. И они позволяют выявить структуру мысленных экспериментов.

Фактивное обоснование не может быть интерналистским. В рамках ЭСЗ очевидность тоже не интерналистская, так как утверждается эквивалентность очевидности и знания (см. ниже). Обоснование супервентно над (сопровождается) очевидностью. Поэтому оно и не является чисто интерналистским. Обоснование даже может быть чисто экстерналистским в смысле его недоступности рефлексии/интроспекции. На самом деле, это так уже для релайабилитета

---

⁶⁹ Для сравнения, например, у Соса знание – подходящее мнение, что подразумевает, что мнение является успешным, то есть истинным. Это не концептуальный анализ концепта знания. При этом, в отличие от ЭСЗ, для Соса концепт мнения первичен, а концепт знания вторичен. Для Соса когнитивный успех – истинное мнение, тогда как для Уильямсона – знание.

Голдмана (см. Часть I). Напомним, что это экстерналистская теория знания, утверждающая, что субъект знает, что p , если убеждение, что p , истинно и является результатом надёжного когнитивного процесса. При этом надёжность процесса, приводящего к убеждению, что p , может быть недоступна рефлексии/интроспекции в качестве обоснования убеждения p . Релей-абиллизм, однако, существенно отличается от ЭСЗ, так как надёжность когнитивного процесса не гарантирует его истинность и знание.

3. Очевидность = знание

Согласно Уильямсону, мы должны быть открыты к более простым и естественным нормам. Простой и естественной нормой для мнения, а также утверждения и действия является знание. В то же время у нас есть полный рефлексивный (интерналистский) доступ лишь к тривиальным нормам рациональности и обоснования. Это означает, что эпистемологические правила не являются операционными. Например, правило «степень уверенности должна соответствовать степени очевидности», не операционное правило, так как мы не всегда знаем, что относится к очевидности.

Для Уильямсона знание и очевидность пропозициональны. При этом имеет место следующая эквивалентность: в контексте (полная) очевидность E = (полное) знание K . Поскольку мы не всегда знаем, что мы знаем или что мы не знаем, очевидность не всегда доступна рефлексии/интроспекции. Мы не всегда можем при помощи рефлексии/интроспекции знать, насколько сильная у нас очевидность. ЭСЗ – эпистемология с точки зрения третьего лица, утверждающая, что очевидность и, соответственно, рациональность и обоснование в общем случае экстерналистские и неоперационные. Это значит, что наши наилучшие усилия, чтобы следовать нормам рациональности, не гарантируют формирование рациональных (обоснованных) убеждений.

Вопросы обоснования и рациональности вторичны по сравнению с вопросом о знании: «Вопросы обоснования и рациональности относятся к тому, как наилучшим образом поступать при наличии ограниченной очевидности; принимая формулу “очевидность = знание”, это означает, как наилучшим образом поступать при наличии ограниченного знания. Если это так, то они не предшествуют вопросам о знании. Рациональность или обоснованность Вашего мнения зависит от того, что Вы знаете. Таким образом, появление условия обоснования или рациональности в анализе знания рискует сделать его круговым» [24, р. 213].

4. Знание – ментальное состояние

Традиционная интерналистская эпистемология предполагала «чистоту» ментальных состояний. Соответственно, мнения рассматривались как ментальные состояния, но не знание. В рамках радикально экстерналистской ЭСЗ Уильямсона, как уже было отмечено выше, знание (knowing) – ментальное состояние⁷⁰; знание нередуцируемо интенционально. То есть знание не может быть разложено на чисто ментальную и внешнюю компоненты. При этом знание включает в себя осознание (awareness) окружающей среды, более полный контакт с ней, которого не хватает просто мнению. Вообще, для Уильямсона не только содержание ментальных состояний и, в частности знания, является экстерналистским, но и сами ментальные состояния (экстернализм ЭСЗ можно рассматривать как её вклад в философию сознания). Более того, лишь экстерналистский подход, как считает Уильямсон, позволяет понять ментальность,

---

⁷⁰ Ментальные состояния и, в частности, желание, убеждение и знание, объясняют наши действия, наше поведение как агентов.

сознание.⁷¹ Ментальные состояния – способы связи с окружающей средой. «Чистой» ментальности не существует. Отсутствие чистоты у ментальных состояний, зависимость от внешней среды, не недостаток, а сама суть ментального. Уильямсон пишет: «Фундаментальным для сознания является не пучок (bunch) монадических качественных свойств, составляющих внутренний мир, а сеть отношений между агентом и средой. (...) Суть сознания в том, чтобы включить мир. Знание и действие вовсе не затемняют природу сознания, внося в него примеси из внешней среды, а напротив, они наиболее полное выражение сознания» [30, p. 179–180].⁷² Например, мозг в баке, лишённый связей с реальностью, не может иметь сознания, ментальности, так как сознание не может существовать в отсутствие «внешней» реальности. У мозга-в-баке может быть очень обеднённое сознание или нечто наподобие сознания, вследствие наличия у него нейрологической реальности мозга, реальности бочки, в которой он находится, и реальности сумасшедшего нейрочёного, который им манипулирует.

5. Контекстуальный реализм

Как уже было многократно сказано выше, мы пытаемся сблизить ЭСЗ и витгенштейновский по духу контекстуальный реализм (к-реализм) Ж. Бенуа. Для Бенуа, как и для Уильямсона, знание первично и аналогично действию, а «внутреннее», сознание – «снаружи» [34; 35]. Подлинное сознание, мысль, смысл, интенциональность укоренены в реальности. К-реализм можно ещё назвать интенциональным или нормативным реализмом, так как идентификация в контексте того, что реально, подразумевает концептуальное, нормативное и интенциональное измерения. Между этими понятиями имеется тесная связь. В частности, интенциональность в феноменологии Гуссерля можно трактовать как нормативность, интенцию – как норму, а наполнение интенции – как корректное следование правилу (норме) [19, ch. 6]. Вкратце, к-реализм можно охарактеризовать следующим образом: 1) К-реализм – эпистемический реализм, утверждающий объективность истины. 2) К-реализм – онтологический реализм, утверждающий существование самих вещей и возможность их познания, первичность онтологии (в более глубоком смысле как исследования самой реальности, того, что существует, – того, что можно познавать), вторичность и зависимость от онтологии эпистемологии. 3) К-реализм утверждает чувствительность онтологии к контексту и, следовательно, онтологический плюрализм, а также плюрализм способов быть истинным. Это предполагает, что понятие реальности более фундаментально, чем онтология. 4) К-реализм отрицает метафизический редукционизм [34, ch. 1]. К этому можно добавить следующее: К-реализм отрицает как метафизический фундаментализм, так и антифундаментализм⁷³, релятивизм и скептицизм, а также другие позиции, содержащие абсолютизированные (деконтекстуализированные) элементы. В то же время приведенные положения не теоретические тезисы. К-реализм – не доктрина, а прежде всего терапевтическая позиция.

⁷¹ Бенуа говорит об условии укоренённости ментального в реальности [29] и о том, что «внутреннее – снаружи» (см. «The World as a Picture and as Reality» [29, p. 187]). Кит Файн употребляет понятие основания (grounding). Для Витгенштейна смысл есть употребление, то есть определяется («внешними») условиями. Эта формулировка может быть применена и к сознанию.

⁷² В терминологии Витгенштейна эта «сеть отношений» – языковая игра. В этом смысле мы трактовали сознание как «языковую игру» [31]. Языковые игры – употребления правил/норм в контексте для «измерения» реальности. Роль реальности может играть феноменальный опыт – непосредственное (первичное) сознание, а роль нормы – дух (нем. Geist) [32]. Отметим, что согласно Бенуа, поздний Витгенштейн скорее философ сознания, а не языка [33].

⁷³ Знание имеет основание. Но это не некий абсолютный фундамент. Бенуа пишет: «Нет знания, у которого нет своего безусловного достоверного базиса – базиса, который не основывает его как знание, а лишь делает возможным его осмысленное основание, представляет собой, так сказать, бэкграунд этого основания» [35, p. 283]. Вопрос о фундаменте разрешается в контексте. Он возникает, когда смешивают уровень постановки вопроса и уровень поиска ответа на него [36, p. 82] (см. также раздел 13).

6. Концепция семейного сходства

Во Введении мы уже говорили, что Уильямсон критикует антитеоретическую философию Витгенштейна и, в частности, концепцию семейного сходства Витгенштейна [27, р. 300–301]. Для Уильямсона всякое знание имеет следующие необходимые свойства: знание – мнение, истинное мнение, обоснованное мнение, безопасное мнение, предполагает отсутствие ложных посылок и так далее. Теоретическое представление о знании как наиболее общем фактивном ментальном состоянии (см. ниже) объясняет наличие этих свойств. С этой точки зрения может показаться, что витгенштейновское понятие семейного сходства между «играми», в частности, между «языковыми играми», неприменимо к понятию знания, так как оно предполагает отсутствие как достаточных, так и необходимых условий для своего применения⁷⁴. Уильямсон пишет: «Парадигматическое обсуждение Витгенштейном “игра” как термина, между инстанциациями которого имеется семейное сходство, не даёт совокупность необходимых условий для игры. Действительно, с точки зрения стандартной концепции терминов, между инстанциациями которых имеется семейное сходство, ожидают, что отсутствие любой из ассоциированных черт, может быть скомпенсировано достаточно заметным присутствием нескольких других» [27, р. 300]. Мы трактуем семейное сходство как наличие общего (в общем случае имплицитного) витгенштейновского правила/нормы. Таким образом, существование общего правила является необходимым и достаточным условием для семейного сходства. Следовательно, необходимые условия для существования правила – необходимые условия для семейного сходства. Достаточных условий для существования правила, кроме условия существования самого правила, не существует. Само правило имеет логическую достоверность. В известном смысле это логическое «знание» (см. Главу 1 Части 3). Как нам представляется, такой взгляд на семейное сходство не подвержен критике Уильямсона. Как уже было сказано, несмотря на эту критику, мы полагаем, что подходы Уильямсона, Ж. Бенуа и позднего Витгенштейна можно сблизить (см. также Главы 3 и 4).

7. Витгенштейн о знании. Связь между семантикой и эпистемологией

Для Витгенштейна знание фактивно: «“Я знаю” должно выражать отношение (...) между мной и фактом». И в знании «данный *факт* принят моим сознанием». Познание не проекция внешнего процесса «таким, как он есть, в глаз и в сознание путем зримого излучения» [10, § 90]. Эти слова можно интерпретировать в том смысле, что знание – фактивное ментальное состояние (хотя сам Витгенштейн не употребляет теоретическое понятие ментального состояния), а классический репрезентационализм и идея перцептивной вуали ложны. В парадигма-

⁷⁴ Вводя термин «языковая игра», Витгенштейн отталкивается от математических примеров [28, § 23]. Он пишет: «Но сколько существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос и приказ? – Нет, их бесчисленное множество: налицо бесконечное разнообразие способов употребления того, что мы называем “символами”, “словами”, “предложениями”. И эта множественность не является чем-то устойчивым, заданным раз и навсегда; новые типы языка, новые языковые игры, как мы можем сказать, возникают постоянно, а другие устаревают и забываются. (Приблизительную картину этих перемен показывают изменения в математике). Здесь термин “языковая игра”, призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, то есть форму жизни. Рассмотрим многообразие языковых игр на следующих и других примерах: Отдавать приказы и подчиняться. – Описывать внешний вид объекта или его размеры. – Создавать объект по его описанию (чертежу). – Сообщать о событии. – Обсуждать событие. – Выдвигать и проверять гипотезу. – Представлять результаты эксперимента в таблицах и схемах. – Сочинять истории и читать сочинённое. – Играть на сцене. – Петь хороводные песни. – Отгадывать загадки. – Придумывать шутки и делиться ими. – Решать арифметические задачи. – Переводить с одного языка на другой. – Спрашивать, благодарить, бранить, приветствовать, молить. Интересно сравнить многообразие инструментов языка и их способов применения, многообразие типов слов и предложений с тем, что говорят о структуре языка логики (включая автора “Логико-философского трактата”)» [28, с. 32, § 23].

тических случаях перцепции мы не сомневаемся в том, что мы воспринимаем: «После того как он то-то увидел и то-то услышал, он не в состоянии сомневаться, что...» [10, § 280]. Наиболее достоверное знание ассоциировано с визуальным опытом. «“Я знаю” по своему простейшему значению сходно и родственно с “я вижу” (“wissen”, “videre”)» [10, § 90]. В парадигматических случаях визуальной перцепции «“Я не только имею визуальное впечатление дерева, но и *знаю*, что это дерево”» [10, § 267]. То есть визуальный опыт сопровождается знанием, а следовательно, и применением концепта (или концептов). В парадигматических случаях применение концепта (к объекту и, соответственно, определение объекта) и знание сливаются в единое целое: «“Я знаю, что это рука”. – А что такое рука? – “Ну вот *это*, например”» [10, § 268]. Так я знаю, что это рука, или же я знаю, что это «рука», то есть, что этот объект называется рукой (или слово «рука» обозначает этот объект, применимо к нему)? И то, и другое одновременно. Семантический/логический аспект неотделим от эпистемологического. «Всякая языковая игра основывается на узнавании слов и предметов. Мы усваиваем с равной неумолимостью и то, что это стул, и то, что $2 \times 2 = 4$ » [10, § 455]. «Рискни я усомниться, что это моя рука, – как бы я умудрился побороть сомнение в том, что слово “рука” вообще имеет какое-то значение? Так что это я, видимо, все-таки *знаю*» [10, § 369]. Скептицизм бессмыслен. (О контекстуализме и эпистемологии Витгенштейна см. также статьи А. Колива [10].)

Примеры из истории науки

Связь между семантикой и эпистемологией хорошо иллюстрируется на множестве примеров из области науки и истории науки. Например, до Б. Франклина электричество считалось потоком некоторой субстанции. Было бы, однако, неточно сказать, что Франклин просто «открыл», что электричество не поток субстанции, поскольку после его открытия изменился сам смысл слова «электричество». Новое знание оказалось положительным знанием об электричестве в новом смысле, а не отрицательным знанием об электричестве в старом смысле – знанием, что старый термин не отсылает к потоку субстанции. Поэтому, строго говоря, нельзя даже сказать, что было установлено, что поток электрической субстанции не существует, поскольку это бы означало продолжать рассуждать в рамках старого языка (старой теории). Он не существует в том смысле, что он не существует в рамках новой теории, с точки зрения нового понятия. Таким образом, эволюцию знания об электричестве нельзя отделить от семантических изменений. Аналогичным образом переход от теории теплорода к молекулярно-кинетической теории, от теории эфира к специальной теории относительности, от классической механики к квантовой и так далее сопровождался не просто узнаванием чего-то нового, но и изменением самих понятий, в терминах которых осуществляется познание, и теоретических представлений. В термодинамике теплота перестала обозначать тепловую жидкость, а стала обозначать меру средней кинетической энергии движения молекул, в электродинамике исчезло понятие эфира⁷⁵, в квантовой механике микрочастицы не имеют траекторий и так далее. Как писал американский прагматист С. И. Льюис, «то, что ранее рассматривалось как реальное, например, сущности (entities) болезни, может начать рассматриваться как нереальное, а то, что ранее рассматривалось как нереальное, например, искривленное пространство, – может быть принято в качестве реального. *Но когда это случается, истина остаётся*

⁷⁵ При этом некоторые авторы утверждают, что термодинамика содержит аналог понятия теплорода. Подобным же образом некоторые утверждают, что теории эфира можно придать современный смысл. Хотя в специальной теории относительности Эйнштейна понятие эфира элиминируется, например, физический вакуум в квантовой теории поля можно интерпретировать как эфир. Как эфир можно интерпретировать пространство-время или метрику в общей теории относительности. Таким образом, познание идёт рука об руку с изменением понятий, языка. В то же время старые понятия, язык имеют свою ограниченную область применимости и зачастую оказываются полезными. С точки зрения к-реализма можно сделать даже более сильное утверждение: онтология контекстуальна.

неизменной. Новая и старая истины не противоречат друг другу. Категории и концепты не меняются в буквальном смысле. Их просто покидают и заменяют другими» [37, р. 268].

8. Дефляционистская интерпретация истины как соответствия

Выше мы уже отмечали, что с точки зрения к-реализма истина не есть соответствие предопределённым фактам и, в частности, фактам внешнего мира (см. раздел 1.3 Главы 1 Части 1 и раздел 4 Главы 1 Части 2). На самом деле, уже Аристотель заметил, что познаваемое, мыслимое и измеряемое находится *в отношении* в том смысле, что ему соответствует познание, мысль и измерение, а не наоборот. То есть это отношение не симметрично; оно может быть обращено лишь искусственно. Обращение имеет следующий вид: познанию, мысли, ощущению соответствует то, что познаётся, мыслится, измеряется. Для Аристотеля такое обращение есть повторение; оно тавтологично. И его можно обобщить на случай визуального опыта. Сказать, что последнему соответствует объект – сказать одно и то же два раза. Наконец, Ж. Бенуа обобщает сказанное на любое чувственное (фр. *le sensible*). (Именно логическое обращение несимметричного отношения между чувственным и мыслью создаёт эпистемологическую проблему доступа субъекта к реальности посредством перцептивного опыта.) Это же можно сказать и об истине. Для Аристотеля, сказать о том, чего нет, что оно есть или о том, что есть, что его нет – ложно, сказать о том, чего нет, что его нет или о том, что есть, что оно есть, истина. Аристотель пишет: «Не потому, что мы думаем, что ты белый, ты и на самом деле белый, а потому, что ты на самом деле белый, когда мы говорим, что ты белый, мы говорим истинно» [38, Θ, 10, 1051b6-9]. Это реалистическая позиция: Реальность первична. Мысли, высказывания, знание вторичны. Они формируются, исходя из реальности, выражают реальные состояния дел. Теория истины как соответствия, если её не понимать в минимальном смысле, – метафизическая интерпретация Аристотеля. С контекстуальным реализмом согласуется дефляционистская (и реалистическая) интерпретация, согласно которой Аристотель предлагает концептуальный анализ понятия истины. По определению истина – соответствие действительности (фактам, состоянию дел); истина объективна. Только «факты» и «состояния дел» в этом определении не метафизические; они не относятся к «внешнему миру». Вопрос об объективности не может быть поставлен в отрыве от вопроса о концепции реальности. То есть теория истины как соответствия не может быть только теорией объективной истины. Бенуа говорит: «(...) Вопрос относительно объективности, не может быть поставлен так легко. В действительности, чтобы корректно поставить этот вопрос, мы обязаны сделать разного рода предположения о реальности. И мы обязаны сказать нечто о реальности, в том числе и о том, что в реальности не относится единственно к сфере истины и объективности» [36, р. 96]. Таким образом, мы понимаем истину как соответствие в контексте, укоренённое в реальности и вырабатываемое в ней, а не как соответствие «внешним» фактам.

9. Неанализируемость концепта знания

Итак, поскольку с точки зрения ЭСЗ концепт знания (*knowing*) – первичный концепт, он не разлагается на мнение, истинность и другие компоненты, хотя наличие знания с необходимостью влечёт наличие мнения и его истинность: если S знает, что p, то он верит, что p, и p истинно. Подобным же образом, например, красный (зелёный или какой-то другой) объект с необходимостью цветной, но это не означает, что концепт «красный» («зелёный» и так далее) или природа красного могут быть проанализированы как «цвет плюс нечто». Возможен, конечно, круговой анализ: красный = цветной + нечто + красный. «Провал» между «красный» и «цветной + нечто» закрывается в этом случае при помощи употребления концепта «крас-

ный»⁷⁶. Аналогичным (круговым) образом может быть проанализирован и концепт знания. Одним из аргументов Уильямсона против возможности редуктивного анализа концепта знания является индуктивный аргумент, что все попытки редуктивного анализа концепта знания потерпели неудачу (см. раздел 2 Главы 1). Это утверждение можно оспаривать (см., например, теории знания в Части 1).

10. Знание как наиболее общее фактивное ментальное состояние

Уильямсон предлагает следующий нередуктивный и круговой (но не порочный) теоретический в широком смысле (однозначный с точностью до логической эквивалентности) анализ природы знания, а не концепта знания, который, в конечно итоге, апеллирует к концепту знания, как первичному концепту: знание – наиболее общее фактивное ментальное состояние (или: наиболее общая фактивная статическая (пропозициональная) установка (attitude))⁷⁷. [9] Это не концептуальный анализ, а рефлексивный метаанализ в виде необходимых и достаточных условий, подобно тому, как с точностью до логической эквивалентности существует однозначный метаанализ для тождества в виде условия рефлексивности и закона Лейбница⁷⁸. Здесь употребляется следующая терминология. Состояние называется фактивным (factive), если оно с необходимостью влечёт наличие соответствующего факта. Фактивное состояние как бы включает в себя соответствующий факт, находится с ним в причинной связи. Видеть (что p), вспоминать (что p), бояться, знать, осознавать (being aware), вспоминать, быть счастливым, что, сожалеть о чём-то – примеры фактивных ментальных состояний. Все фактивные ментальные состояния – специфические способы знания. Например, видеть, что p, – знать, что p посредством видения. Эти ментальные состояния включают в себя причинную связь с соответствующим фактом (состоянием дел). Это та привязанность знания к факту, о которой говорит Сократ, сравнивая знание с привязанными дедаловыми статуями⁷⁹. Фактивное (статическое) ментальное состояние выражается в естественном языке при помощи фактивного ментального статического оператора (ФМСО). Поэтому, согласно Уильямсону, «знаю» – наиболее общее ФМСО. К нефактивным ментальным состояниям относятся, например, следующие состояния: желать, надеяться, видеть, верить, думать, и так далее.

Предлагаемый Уильямсоном анализ не является семантическим, аналитическим или концептуальным анализом (в том числе и нередуктивным концептуальным анализом). И это не редуктивный анализ. В рамках теории знания, предложенной Уильямсоном, концепты «обоснованное», «безопасное», «надёжное», «причинно обусловленное», употребляемые в рамках стандартной эпистемологии для характеристики мнения в определении знания, вторичны по отношению к концепту знания. В определении знания они не употребляются. Тем не менее, эти концепты позволяют сформулировать необходимые условия на знание и в рамках ЭСЗ. С точки зрения ЭСЗ всякое знание – обоснованное, безопасное (safe) мнение⁸⁰. Другие усло-

⁷⁶ Аналогичным образом в философии сознания провал между феноменальным опытом и его теоретическим, например, физикалистским (например, в нейрофизиологических терминах) описанием или между феноменальным концептом и физикалистским концептом закрывается при помощи реального употребления феноменального концепта. Феноменальные концепты – парадигматические концепты, употребление которых сопровождается соответствующим феноменальным опытом. То есть феноменальное качество первично; оно не может быть анализировано некруговым образом в виде нейрофизиологического механизма плюс нечто. Так устраняется трубная проблема философии сознания (см., например, [26].)

⁷⁷ Например, забывание не статическая установка, а процесс.

⁷⁸ Рефлексивность: $A=A$. Закон Лейбница гласит, что если $A=B$, то A и B имеют одинаковые свойства [9, p. 40].

⁷⁹ Хотя Уильямсон, как уже было сказано выше, критикует Витгенштейна, на наш взгляд, связь с фактом можно понять в терминах витгенштейновской языковой игры, укоренённой в реальности. Корректные языковые игры фактивны.

⁸⁰ Для Уильямсона знание в данном конкретном случае предполагает, что в подобных случаях ошибка отсутствует. Это условие безопасности. Невозможно, однако, некруговым образом, то есть не прибегая к концепту знания, определить, какие

вия, которые возникают в рамках стандартной эпистемологии при анализе случаев Гетье, как, например, отсутствие вывода из ложных посылок (см. Часть 1), также оказываются необходимыми (но не достаточными) условиями для знания и в рамках ЭСЗ.

11. Критика эпистемологии сначала-опыта

Согласно эпистемологии сначала-опыта, отстаиваемой, например, Т. Доугхерты и П. Рысеивым, «опыт – это то, что в конечном итоге обосновывает мнение. Именно опыту в конечном итоге наши мнения должны отдавать отчёт. Сама его окончательность иногда скрывает этот факт, так как нам редко нужно копать так глубоко». Они отвергают тезис Уильямсона, что «всё знание – очевидность, и что только знание очевидность» [39]. Если «опыт» понимать в смысле видимости, то такая эпистемология подвержена той же критике, что и феноменология, принимающая видимость за автономное данное. (См. Главу 1 Части 7.) Со своей стороны, Уильямсон отвергает феноменальную концепцию очевидности как видимости. Опыты в смысле видимости не относятся к очевидности. Очевидность всегда пропозициональна, то есть выражается в виде пропозиционального знания. Уильямсон пишет: «Идея, что обоснование заканчивается видимостью – ни данное, ни открытие, а принятие желаемого за действительное в интересах устаревшей эпистемологической теории» [20, р. 23].

12. Скептическая проблема о существовании внешнего мира

Представление об очевидности как видимости приводит к скептической проблеме, так как видимость у мозга-в-баке и в нормальном сценарии по определению может быть одна и та же. В рамках ЭСЗ скептическая проблема решается теоретически: в каждодневном сценарии я знаю, что у меня две руки.⁸¹ В скептическом сценарии мозг-в-баке не знает, что у него две руки. Следовательно, у меня есть очевидность (то есть знание), которой нет у мозга-в-баке. Поскольку обоснование супервертно на очевидности, моё мнение, но не мнение мозга в баке, обосновано. Мнение мозга-в-баке либо ложно, либо просто не обосновано. На самом деле, очевидность, которой располагает мозг-в-баке, очень обеднённая по сравнению с очевидностью в нормальном сценарии. Но мозг-в-баке об этом не знает. У него нет доступа к очевидности, которой он располагает. Он не знает, что он не знает, что p , где p – утверждение о состоянии дел во внешнем мире. Поэтому с эпистемической точки зрения мы находимся в разных ситуациях. У нас разные очевидности, обоснования, (концептуализированные) опыты. В то же время, согласно Уильямсону, убеждённость мозга в баке имеет хорошее оправдание. Д. Притчард считает, что у мозга в баке есть иммунитет против рациональной критики [40]. Мы анализируем скептическую проблему о внешнем мире в Главе 1 Части 3.

13. Скептицизм и релятивизм как обратная сторона догматизма (абсолютизма)

Всякий скептицизм апеллирует к очевидности. Он задаётся вопросами: «Есть очевидность для того, чтобы что-то утверждать, или же её нет?», «Достаточна имеющаяся очевидность, или же недостаточна?» Скептик либо вообще отрицает существование очевидности,

---

случаи считать подобными или какой вес (подобия) им приписать. (См. раздел 2.9. Главы 2 Части 1.) Условие безопасности также играет существенную роль в аргументе несветимости (anti-luminosity argument) и в анализе (критике) КК-принципа, согласно которому наличие знания с необходимостью влечёт за собой знание, что знаешь.

⁸¹ Для Витгенштейна «Это рука» – петлевое предложение, имеющее логическую достоверность, а скептическая проблема о существовании внешнего мира – псевдопроблема. Это не теоретическое решение, а терапевтическое устранение проблемы. (См. также разделы 13 и 22.)

либо утверждает, что она существует, но недостаточна. Таким образом, очевидность сама по себе под сомнение не ставится, а, как раз наоборот – выводится за рамки критического анализа, абсолютизируется. Поэтому, как отмечает Уильямсон, существуют виды скептицизма, в зависимости от вида принимаемой очевидности: «Различные виды скептицизма отличаются друг от друга тем, что они ставят под сомнение некоторые вещи, тогда как другие вещи под сомнение не ставятся. Скептик относительно индукции соглашается с тем, что все наблюдаемые до сих пор изумруды были зелёные, чтобы поставить под вопрос отличительно (*distinctively*) индуктивный шаг, приводящий к заключению, что все изумруды всегда будут зелёные. Скептик относительно дедукции принимает предпосылки инференции через *modus ponens*, что если *P*, то *Q*, и что *P*, чтобы поставить под вопрос конкретно дедуктивный шаг к заключению, что *Q*. Скептик относительно свидетельства принимает, что некто сказал, что шёл дождь, но ставит под сомнение, сказал ли он правду. Скептик относительно памяти принимает, что мой опыт таков, как если бы я вспоминал, что шёл дождь, но сомневается в том, действительно ли я вспоминаю, что шёл дождь. Скептик относительно перцепции принимает, что мой опыт таков, как если бы я видел, что идёт дождь, так что визуально мне кажется, что идёт дождь, но сомневается в том, что мой опыт веридический. В каждом случае скептик допускает существование некоторого очевидностного базиса, чтобы обвинить нас в том, что мы незаконно идём за его пределы» [23, р. 225]. Таким образом, абсолютизм – обратная сторона и, по сути, причина скептицизма. (Аналогичным образом, абсолютизм – обратная сторона и причина релятивизма. См. критику скептицизма и релятивизма в Части 3).

На самом деле, чтобы сомнение вообще имело смысл, действительно необходимо, чтобы в чём-то не сомневались. На это указывает Витгенштейн. У Витгенштейна, однако, речь не идёт о догматической уверенности в существовании той или иной очевидности, а о существовании так называемых «петлевых предложений». Это не картезианский эпистемологический фундаментализм. Достоверность ПП прежде всего логическая; мы трактуем ПП как витгенштейновские правила. На первый взгляд, логический характер ПП противоречит ЭСЗ Уильямсона. Для Уильямсона то, что называют ПП, выражение знания и, следовательно, очевидности. Это первое впечатление обманчиво, так как ПП как в-правила укоренены в контекстах своих употреблений, форме жизни, реальности. Они также могут менять свой статус и даже превращаться в ложные эмпирические предложения. И ЭСЗ Уильямсона, и витгенштейновский к-реализм выходят за пределы трансцендентальной парадигмы.

Таким образом, догматическая фиксация скептиком той или иной очевидности фактически означает согласие с тем, что существует абсолютная достоверность. Скептицизм оказывается внутренне противоречивым. Радикальное сомнение скептика в одной области опирается на предполагаемую радикальную достоверность в другой и как бы компенсируется ею. Скептик, по сути, нарушает правила употребления понятий, так как всякая абсолютизация – пренебрежение контекстом, догматическая фиксация правил языковой игры и, соответственно, их неверное или бессмысленное употребление за пределами области своей применимости. Как следствие, в области, в которой эти правила не применимы, возникает радикальное сомнение, которое при ближайшем рассмотрении не имеет смысла, так как смысл теряет сама языковая игра, само употребление понятий. Таким образом, сомнение скептика оказывается бессмысленным, а, следовательно, иллюзорным.

Как уже было сказано выше, ПП играют роль условного «фундамента». На самом деле, как отмечает, например, Ж. Бенуа, Витгенштейн не фундаменталист, но он и не антифундаменталист (Витгенштейн не теоретизирует). Он избавляется от скептицизма менее драматическим способом, чем это делают антифундаменталисты. Дело в том, что мы иногда смешиваем два уровня анализа вопроса: уровень самой постановки вопроса и уровень обоснования ответа на него. Если вопрос действительно имеет смысл, ответ может быть найден в контексте его постановки и проблема фундамента просто не возникает. Она возникает, если мы одно-

временно находимся на двух уровнях рассмотрения. С одной стороны, мы хотим обосновать ответ на вопрос, тогда как, с другой стороны, мы не уверены в самом вопросе, что приводит к поиску абсолютно достоверного фундамента для обоснования [36, р. 82]. Невозможно одновременно искать правильный вопрос, то есть сомневаться в важности поставленного вопроса, и искать обоснование ответа на этот вопрос, то есть сомневаться в обоснованности некоторого ответа. Но как раз это пытается делать эпистемологический фундаменталист. Его неудача приводит к противоположной (теоретической) крайности – антифундаментализму, утверждающему, что не существует никакого фундамента (некоторые антифундаменталисты, полагая что они верно интерпретируют Витгенштейна, говорят следующее: «Нет никакого фундамента. Есть лишь формы жизни»). (Ведь сам Витгенштейн говорит, что если Вы ищете Данное, то даны формы жизни.) Но это минимальный фундаментализм. Витгенштейн предлагает «ортогональное» решение проблемы – терапевтическое. Витгенштейновский терапевтический контекстуализм делает обе доктрины ненужными [36, р. 82].

Аналогичным образом можно утверждать, что скептицизм – результат смешения двух указанных уровней рассмотрения. В частности, скептик может принимать за нечто достоверное видимость, отвергая, что мы знаем, что стоит за этой видимостью, соответствует ли эта видимость реальности. На самом деле, понятие видимости вторично; видимость предполагает реальность. Видимость может основываться только на реальности и имеет свои правила игры. Аналогичная проблема возникает в феноменологии, абсолютизирующей понятие видимости. Таким образом, по самой своей природе исходный абсолютистский (догматический) пункт скептика приводит к своей противоположности – радикальному скептицизму – и содержит в себе потенциал своего собственного опровержения. Это две стороны одной и той же медали. Вообще любой абсолютизм приводит к своей противоположности; он – обратная сторона своей противоположности. Абсолютная «достоверность» приводит к скептицизму. Такая «достоверность» вовсе не достоверность. Сомнение и достоверность имеют условия своей осмысленности.

Имеется также аналогия между скептиком и релятивистом. Принятие абсолютной в смысле не зависящей от контекста, «объективности» приводит к релятивизму. Такая «объективность» вовсе не объективность. Объективность и истина абсолютны лишь при фиксированном контексте. Парадоксальным образом релятивизм оказывается обратной стороной абсолютизма – на самом деле, релятивист, в отличие от контекстуалиста, является слишком абсолютистом (см. следующий раздел); он абсолютизирует содержание (недостаточно внимателен к его зависимости от контекста) и, как следствие, релятивизирует истину, – а скептицизм в известном смысле оказывается недостаточно скептицизмом, так как радикализируя сомнения в некоторой области исследования, в другой области он принимает вещи за абсолютно достоверные. И релятивист, и скептик нарушают правила языковых игр. Такого рода перекосы устраняются в рамках контекстуального реализма. С одной стороны, само понятие контекста предполагает, что истина (при внимательном анализе контекста) «абсолютна», то есть не относительна, объективна (собственно говоря, по самому своему определению истина объективна); варьируется не истина при фиксированном содержании, а содержание в зависимости от контекста. (См. также наш анализ скептической проблемы о внешнем мире и критику эпистемического релятивизма в Главах 1 и 2 Части 3).

14. Контекстуализм vs релятивизм

Чтобы охарактеризовать свой подход, Витгенштейн употребил выражение «лингвистическая относительность» по аналогии с теорией относительности Эйнштейна. Поэтому некоторые считали Витгенштейна лингвистическим идеалистом или релятивистом. Но позиция Витгенштейна не лингвистический релятивизм, утверждающий зависимость того, что существует

(онтологии), от выбора языка, а неметафизический, то есть контекстуальный реализм. (См. Главу 1 Части 8.) Именно этот реализм позволяет показать несостоятельность эпистемического релятивизма, сохраняя при этом его антидогматическую направленность (см. Главу 2 Части 3). Но иногда говорят, что к-реализма – релятивизм. Релятивист по отношению к истине утверждает относительность истины, её зависимость от точки зрения, в частности, от субъективной точки зрения. Предполагается, что истинность предложения может варьироваться, то есть предложение не имеет внутреннего истинностного значения. Прочитируем отрывок из нашего интервью с Ж. Бенуа: «Вариабельность значения, очевидно, имеет смысл лишь тогда, когда есть нечто фиксированное. Таким образом, постулируется идентичность этого предложения. В результате одно и то же предложение, в зависимости от случая, оказывается либо истинным, либо ложным. Нужно отметить, что авторы, называемые контекстуалистами, всегда противостояли этой идее. Контекстуалисты, во-первых, принимают, что истинностное значение не вариабельно. В противном случае сама идея контекстуализма теряет смысл, потому что контекстуализм – способ фиксировать истинностное значение. Это способ определить, сказать, что некоторое употребление при некоторых условиях делает некоторую вещь истинной или ложной, что предполагает независимость от произвола субъекта. Если моё высказывание, употреблённое определённым образом в данном контексте, истинно, обычно оно будет истинным и в том случае, если Вы займёте моё место и употребите его тем же самым образом в том же самом контексте. Цель контекстуализма в том, чтобы фиксировать значение истинности. Впрочем, он фиксирует и другие значения, если не ограничиваться лишь случаем нормы истины. С другой стороны, контекстуализм имеет следующий принципиальный момент. Он в том, что очень часто в ситуации, когда есть видимость релятивизма, то есть когда есть странное впечатление, что некоторое содержание в одном случае истинно, а в другом нет, на самом деле случается то, что мы недостаточно внимательно отнеслись к контексту. Мы не посмотрели достаточно близко. Если есть такая кажущаяся вариация и эта вариация не выглядит как зависящая от простого произвола когнитивных агентов, а выглядит как нечто внутреннее, это означает, что, на самом деле, мы не имеем дело с тем же самым содержанием. И если содержание не то же самое, возникает вопрос, почему мы этого не видели, почему не видели, что содержание не то же самое. Мы этого не видели, потому что мы остались на поверхности высказывания, не задались вопросом, каким образом высказывание было употреблено. Может оказаться, что то же самое высказывание не имеет те же самые истинностные значения в различных случаях просто потому, что то же самое высказывание в действительности не хочет сказать, не выражает то же самое и не конструирует тот же самый тип отношения с контекстом. Таким образом, контекстуализм нас предостерегает от того, чтобы не спешить идентифицировать содержание, не приняв во внимание то, что его специфицирует в действительности, – контекст. В этом смысле контекстуализм – терапевтическая стратегия, которая должна нам помешать впасть в релятивизм. Тому, кто нам говорит: "Посмотри! Нет ничего стабильного! Истина не стабильна, потому что высказывание истинно в одном случае, но не истинно в другом", контекстуалист ответит так: "Нет. Ты плохо посмотрел. На самом деле, это не то же самое. Посмотри лучше! Поразмышляй о том, что истинно в первом случае. Если ты достаточно поразмышляешь о том, что истинно в первом случае, если ты примешь во внимание специфичность того, что там говорится, тогда ты придёшь к истине, которая истина для всех. Потому что всякий, кто посмотрит внимательно, о чём идёт речь, придёт к тому же самому результату".

В этом смысле контекстуализм – антирелятивистская стратегия, идущая до конца, поскольку, по сути, она подрывает сами основы релятивизма. Она атакует основание релятивизма. Парадокс релятивизма достаточно тривиален. В истории релятивизма всегда так. Для того, чтобы релятивизм функционировал, чтобы его можно было анонсировать, предполагается некоторый тип субстанциальной идентичности. Есть нечто фиксированное, сделанное неподвижным, и относительность вводится по контрасту к нему. Контекстуализм выбивает

у релятивизма почву из-под ног. Он говорит: "Вы нечто фиксировали. Вы, релятивисты, вы слишком абсолютисты. Если бы вы были меньше абсолютистами, если бы вы задались вопросом о содержании, если бы вы в полной мере приняли во внимание действительную вариативность содержания, вы бы поняли, что то, что вы полагаете полностью относительным, а именно истина, не так уж относительно, как вы думаете."

То, что я говорю, абстрактно, но этому можно придать очень конкретный смысл. Зачастую, когда кто-то говорит нечто в особенной ситуации, – нечто, что вначале нас немного удивляет, шокирует, – мы сразу же, во имя общего принципа, желаем сказать: "Нет. То, что ты говоришь, неверно!" Но очень часто, если присмотреться, то мы увидим, что в конкретной ситуации то, что говорится, в конечном итоге может быть истинным просто потому, что то, что говорится, приобретает очень специфический смысл, конструирует очень специфическое отношение с реальностью в её конкретной структуре (фр. *finesse de son grain*). В этом смысле контекстуализм – философская стратегия, которая даёт нам способ преодолеть релятивизм, – немножко автоматический, если хотите, минимальный, релятивизм эпохи модерна. Для меня релятивизм – обратная сторона абсолютизма. Именно потому, что относительно содержания, определения содержания – носителя истинностного значения – релятивисты слишком абсолютисты, в конечном итоге приходят к релятивизму относительно истинностного значения. Нужно поступать в точности наоборот. Нужно тем больше принимать во внимание меру относительности конкретного содержания, чем более непоколебимыми мы хотим быть относительно стабильности истинностного значения, относительно факта, что там, где есть истинное или ложное, это истинное или ложное для всех» [36, р. 93–95].

Витгенштейн также не эпистемический релятивист, утверждающий зависимость знания (обоснования, истины) от выбора стандартов оценки высказывания «Субъект S знает, что р», которые равноправны. Релятивист, например, может утверждать, что с одной точки зрения прав Галилей (высказывание «Земля вращается вокруг Солнца» истинно), а с другой – кардинал Белармин (то же самое высказывание ложно). Релятивист решает проблему эпистемического несогласия между экспертами, просто постулируя, что все точки зрения истинны. Мы формулируем эту проблему в витгенштейновских терминах различных форм жизни, к которым относятся эксперты, либо (эквивалентным образом) в терминах «нормативного головокругения», когда различные нормы вступают в конфликт и в зависимости от выбора нормативной системы следует признать существование либо того, либо другого (то, что существует с точки зрения одних норм, не существует с точки зрения других норм. Поэтому спор о том, что существует, оказывается неразрешимым, если не обратиться к вопросу о конкурирующих нормах (см. Главу 3 Части 3). С точки зрения контекстуального реализма витгенштейновской относительности, то, что существует, онтология, определённая реальность (а не реальность как таковая) может быть схвачена, описана, объяснена лишь при помощи языка (того или иного вида) и в рамках той или иной перспективы, в контексте (язык и его нормы употребляются в контексте).⁸² Не реальность подстраивается под язык, а наоборот, язык подстраивается под реальность. Не все философы считают, что реализм и контекстуализм (или лингвистический перспективизм) совместимы. Уильямсон, например, считает, что Витгенштейн никогда не достиг «равновесия» в своём теоретизировании. По многим темам он разрывался между реализмом обыденного смысла и чем-то вроде инстинкта лингвистического конструктивизма. Он пытался соединить эти две позиции, но никогда не был полностью удовлетворён [*частное сообщение* Т. Уильямсона]. К-реализм пытается это сделать.

⁸² Но к-реализм также и не перспективный реализм (*perspectival realism*), основной порок которого в том, что он прибегает к перцептивной метафоре «перспективы».

15. Неоперационность эпистемологии сначала-знания

Выше уже было сказано, что обоснование и очевидность в общем случае не доступны рефлексии/интроспекции. Мнение может быть обоснованным, то есть быть знанием, но мы можем не быть в состоянии это знать. И наоборот, мы можем быть уверенными, что мнение обосновано, то есть мы имеем знание и, соответственно, очевидность, но это может быть иллюзия. Знание, очевидность, обоснование не транспарентны. В этом смысле ЭСЗ принимает фаллибилизм, состоящий в том, что мы можем ошибаться относительно нашей очевидности, обоснованности наших мнений, нашего знания. (В то же время вместе с К. Литлджоном можно говорить об «инфаллибилизме» ЭСЗ в том смысле, что обоснованное убеждение всегда истинно (и даже является знанием). (См. Главу 7 Части 5.)) И это относится к большинству ментальных состояний (см. ниже принцип несветимости). Состояния, которые полностью доступны интроспекции и полностью операционны, иллюзия. В частности, оказывается неверным известный принцип «Если Кр (знает), то ККр (знает, что знает)».

ЭСЗ Уильямсона – неоперационная эпистемология, то есть эпистемология с точки зрения третьего лица (объективная эпистемология). Эпистемический статус агента оценивается со стороны, внешним наблюдателем, а не интроспективно, рефлексивно. Не только вопрос знания, но и вопросы обоснования, рациональности, очевидности, относятся к неоперационной эпистемологии. Одним из аргументов в пользу неоперационной эпистемологии является аргумент о несветимости ментальных состояний (*anti-luminosity argument*).

16. Аргумент несветимости ментальных состояний

Согласно Уильямсону, у нас не всегда есть доступ к нашим ментальным состояниям. В частности, вообще говоря, из Кр (знание, что р) не следует $K \neg Kp$ (а из $\neg Kp$ (отрицание знания, что р) не следует $K \neg Kp$). Например, мозг-вбаке не знает, что он ничего не знает о внешнем мире), хотя довольно часто без наблюдения (исследования) со стороны мы находимся в положении, в котором мы имеем доступ к нашим ментальным состояниям: мы знаем, во что мы верим, что мы желаем, чувствуем и знаем, что мы знаем [9]. Аргумент неосвещённости Уильямсона имеет следующий вид: «Ответ от имени эпистемологии сначала-знания состоит в том, что состояния полностью открыты интроспекции и полностью операционным правилам, иллюзия. Всякое нетривиальное состояние таково, что можно в нём находиться, не будучи в положении знать, что в нём находишься. Аргумент в пользу этого заключения имеет следующий вид. Назовём состояние светящимся (*luminous*), если, когда бы мы в нём ни находились, мы всегда в положении знать, что мы находимся в этом состоянии. Для каждого нетривиального состояния можно перейти из этого состояния в другое состояние посредством очень постепенного процесса. Поскольку наши дискриминационные способности ограничены, в последние моменты этого процесса, в которые мы все ещё находимся в исходном состоянии, мы не можем сделать различие между тем, каким образом мы есть (в релевантных отношениях) и тем, каким образом мы есть в самые первые моменты, в которые мы уже не в этом состоянии. Как следствие, состояние есть не светящееся (*luminous*) (...). Таким образом, каждое светящееся состояние – тривиальное. В частности, состояния верования, желания и ощущения (*feeling sensations*) не являются светящимися, потому что они не тривиальны. Можно ощущать боль, не будучи в положении знать, что ощущаешь боль. Можно во что-то верить, не находясь в положении знать, что в это веришь. Равным образом, поскольку знание (*knowing*) – нетривиальное состояние, можно знать что-либо, не будучи в положении знать, что это знаешь» [24, р. 212]. Таким образом, можно не знать, веришь ли, что что-то имеет место быть, знаешь ли что-то, испытываешь ли некоторое ощущение и так далее. Более того, как показал Уильямсон, можно знать что-то, и

при этом очевидность в пользу того, что знаешь это, может быть сколько угодно незначительной. Обоснование этого утверждения требует введения понятия очевидностной вероятности.

17. Очевидностная вероятность

В рамках своей неоперационной эпистемологии Уильямсон вводит новое понятие очевидностной вероятности. Это вероятность, условная на очевидности, понятой как знание. Для самого знания она равна единице, поскольку она условна на самой себе. Чем выше очевидностная вероятность, что p , тем более полным является обоснование мнения, что p . Таким образом, существуют степени обоснованности мнения [9, ch. 10]. Имеет также смысл также говорить об очевидности очевидности. Следствием условия несветимости является то, что можно знать, что p , даже если очевидностная вероятность, что знаешь, что p , сколь угодно близка к нулю. То есть истинное мнение, что мы знаем что-то, может иметь сколь угодно низкую степень обоснованности [41] Уильямсон пишет: «В том смысле, в котором только знание даёт полное обоснование, можно также определить градуированный смысл обоснования, употребляя формулу $E = K$. Вероятность истинности предложения при данной очевидности становится условной вероятностью на полном содержании знания. Вероятность может быть интерпретирована как степень обоснования веры в это предложение. Структура таких очевидностных вероятностей может быть исследована посредством математических моделей эпистемической логики, иногда с неожиданными результатами. Например, можно что-то знать, даже если на имеющейся очевидности вероятность, что знаешь, близка к нулю» [24, p. 215]. Таким образом, можно знать что-то, не имея почти никакой очевидности (никакого обоснования), что знаешь это.

Выше мы уже говорили, что следует различать концепты вероятности и модальности (см., например, раздел 2.4 Главы 2 Части 1). Пример с лотереей показывает, что вероятностная близость и модальная близость к актуальному миру не одно и то же. Случай 1. Моё истинное и обоснованное мнение, что я не выиграл в лотерею, – не знание, хотя объективная вероятность, что я не выиграл очень высока. Очевидностная вероятность в смысле Уильямсона, то есть условная на очевидности/знании вероятность, тоже высока, но меньше 1. Случай 2. Моё истинное и обоснованное мнение, что напечатанный в газете результат розыгрыша лотереи правилен, то есть не допущена ошибка или опечатка, есть знание, хотя объективная вероятность, что ошибка и опечатка отсутствуют, меньше, чем в предыдущем случае.

Асимметрия между двумя случаями объясняется тем, что очевидностная вероятность во втором случае равна 1 (моё знание есть очевидность. Вероятность, условная на этой очевидности, равна 1). В терминах возможных миров наличие знания в втором случае объясняется тем, что возможные миры, в которых допущена ошибка, не имеют достаточного сходства с актуальным миром, то есть они не являются близкими (релевантными) мирами. Другими словами, модальная близость отличается от вероятностной близости, если принять концепцию объективной вероятности. Напротив, концепты модальности и очевидностной вероятности не расходятся⁸³.

18. Знание – норма для мнения и утверждения

Согласно нормативной концепции обоснования, обоснованное мнение удовлетворяет некоторому «должно» («ought» или «should»). Как уже было сказано выше, а рамках теории Уильямсона, обоснованное мнение должно быть знанием⁸⁴. В частности, обоснованное мнение

⁸³ Предположение, что очевидностная вероятность удовлетворяет стандартным аксиомам теории вероятности не очевидно, хотя и правдоподобно. (См. ответ Уильямсона в [42, p.333].) Уильямсон принимает абдуктивную методологию, согласно которой о теории судят по её плодам.

⁸⁴ С точки зрения ЭСЗ, концепция нормативности обоснования противостоит традиционному взгляду, согласно которому

не может быть ложным. Необоснованное мнение, однако, может удовлетворять более слабой норме, чем норма знания. Оно может иметь хорошее оправдание. Например, в случаях Гетье истинное мнение не является знанием. Поэтому оно не является обоснованным. В то же время оно является оправданным. Так же и ложное мнение мозга-в-баке не является обоснованным, но имеет хорошее оправдание.

Знание – конститутивная (подобно правилам игры), а не телеологическая, норма для мнения (убеждения) и утверждения, выявляющая реальную сущность (природу) мнения и утверждения⁸⁵: «Верь (утверждай), что *p*, тогда и только тогда, когда знаешь, что *p*». Это не операционное правило, так как мы не всегда знаем, что мы знаем. Аргумент Уильямсона в пользу того, что знание есть норма для мнения, имеет следующий вид: «Если никогда не желали рассматривать “*P*” как рациональное основание, чтобы что-то делать, даже когда верили “Если *P*, то в доме пожар”, то принятие (commitment) “*P*” будет слишком слабым, чтобы его считать убеждением (belief). Принимая во внимание связь между знанием и основаниями для действия, отсюда следует, что если верите, что *P*, желаете принять решения недефектным образом только в том случае, если знаете, что *P*. Это подсказывает простую когнитивную норму: верьте, что *P*, только если знаете, что *P*. Назовём это *правилом знания для убеждения (KRB)*» [24, p. 214]. Другими словами, можно говорить об убеждении, если есть готовность принять решение, действовать, исходя из этой посылки. В противном случае это не настоящее убеждение. Но безусловно действовать можно только на основании знания. Следовательно, знание должно быть нормой для убеждения.

Утверждение (assertion) – аналог мнения/убеждения. Если знание – норма для мнения/убеждения, то знание должно быть и нормой для утверждения. Уильямсон пишет: «Утверждение – аналог убеждения в языке. Оно имеет аналог KRB – правило знания для утверждения (KRA): утверждай, что *P*, если и только если знаешь, что *P*. В точности так же, как парадоксальные верования Мура дают очевидность для KRB, парадоксальные утверждения Мура дают очевидность для KRA. Более того, KRA может быть подтверждено широким набором лингвистических данных. Так же, как и с KRB, оппоненты KRA имеют тенденцию возражать, что это задаёт нереалистически высокий стандарт. Для сторонников KRA такие возражения принимают оправдания за обоснования. Если “аргумент против светимости” корректен, можно нарушить любую нетривиальную норму для утверждения или мнения, не будучи в состоянии знать, что её нарушаешь [Согласно Витгенштейну, в конечном итоге мы следуем правилу (норме) слепо. – Примечание наше]. Оба правила, KRA и KRB, – естественные развития ЭСЗ, так как они подразумевают, что даже не влекущие с необходимостью истину центральные когнитивные установки, такие как утверждение и мнение, нормативно зависят от знания» [24, p. 215].

Подход Уильямсона позволяет объяснить следующий парадокс Мура. Предположим, Мур формирует следующее убеждение или делает следующее утверждение: «Идёт дождь, и (но) я не знаю (или не верю), что идёт дождь.» Интуитивно это убеждение или утверждение плохо сформировано. Это можно объяснить тем, что оно не удовлетворяет норме знания. В самом деле, если знание – норма для мнения и утверждения, то мнение или утверждение Мура удовлетворяет этой норме только тогда, когда Мур знает, что оно истинно, то есть он знает, что идёт дождь, и знает, что он не знает (или не верит, и, следовательно, не знает), что идёт дождь. Но это противоречие.

обоснованное мнение не является обязательным, а необоснованное мнение не запрещено.

⁸⁵ Знание также норма для практического рассуждения (см. ниже).

19. Аналогия между знанием и действием

Существует интимная связь между действием и языком. Витгенштейн цитирует «Фауста» Гёте: «Am Anfang war die Tat» (В начале было действие). Ж. Бенуа показывает, что с точки зрения философии позднего Витгенштейна сказать, что в начале было действие, и сказать, что в начале было слово – одно и то же: «Заменяя Слово на Действие (Deed), немецкий поэт, возможно, предполагает, наоборот, некую более глубокую идентичность. В начале было Действие, потому что в начале было Слово, но это Слово было просто Действием – как, возможно, в какой-то степени всегда и есть слово. Тогда вернуться от слов к действию означает, по сути, принять другой взгляд на слова: увидеть их как действия» [43, р. 161]. В самом деле, примитивные языковые игры Витгенштейна – нормативные (интенциональные) действия, то есть употребления правил (норм) – языка в широком смысле. Эти правила можно трактовать как петлевые предложения (ПП), – «знание», или знание-как (согласно интеллектуалистской позиции Стэнли и Уильямсона, которую мы во многом разделяем, знание-как – (практическая) разновидность знания-что. См. Главы 2–3 Части 5). Таким образом, можно также эквивалентным образом сказать, что в начале было знание.

Это подтверждается аналогией между знанием и действием, которую устанавливает Уильямсон [9; 30]⁸⁶: знанию соответствует действие, мнению – интенция, истинности – успех, ложности – неудача⁸⁷. Знание – это приспособливание сознания к миру, тогда как действие – приспособливание мира к сознанию, знание и мнение – на входе практического рассуждения, тогда как действие и намерение – на выходе из него. Уильямсон также устанавливает аналогию между попыткой проанализировать знание в виде «знание = мнение + истина + X» и попыткой проанализировать действие в виде «действие = интенция + успех + Y»⁸⁸. Эта аналогия в дальнейшем им развивается. Уильямсон вводит понятия «блэнкин» (blinking), а «желание-как-мнение»⁸⁹. *Блэнкин* занимает промежуточное место между мнением и знанием и является чем-то вроде «рационального мнения». *Блэнкин* соответствует попытке действия. Наличие знания, что *p*, с необходимостью влечёт наличие *блэнкин*, что *p*, которое в свою очередь с необходимостью влечёт наличие мнения, что *p*. Но не наоборот. Например, иррациональное мнение не является *блэнкин*; оно соответствует лишь интенции. Наличие интенции действовать не всегда означает наличие попытки действовать [30].

Напомним, что для Уильямсона знание – норма для мнения: «Верь, что *p*, тогда и только тогда, когда знаешь, что *p*». Знание для него также норма для практического рассуждения и действия. Она имеет следующий вид: «Действуй только исходя из того, что знаешь». В практическом рассуждении мнения играют ту же самую локальную роль, что и знание, а интенции – ту же самую локальную роль, что и действие. Но с глобальной точки зрения, когда с практическим рассуждением всё в порядке, действуют, исходя из того, что знают, а не просто верят. Уильямсон пишет: «Маргинализация знания в подходе к познаваемым вещам (...) так же порочна, как и маргинализация действия в подходе к практическим вещам» [30, р. 164]. Практическое рассуждение, которое употребляет ложные посылки, плохо функционирует.

⁸⁶ Уильямсон признаёт, что эта аналогия не совершенна и продолжает её развивать.

⁸⁷ Перцепция, что *p*, даже ближе (в плане аналогии) к действию, чем знание, что *p*. Она включает input из среды агента, подобно тому, как действие включает в себя output от агента в среду. В обоих случаях имеется причинная связь.

⁸⁸ Парадигмой этого анализа служит следующий анализ цвета: красный = цветной + Z.

⁸⁹ Поскольку желание, наряду со знанием (или мнением), относится к входным данным для практического рассуждения, его можно трактовать как желание-как-мнение (см. ниже). Здесь Уильямсон ссылается на [44]. Желание – разновидность мнения. Желать что-то – верить, что это хорошо. Это объясняет, почему буриданов осёл не умрёт от голода. Хотя тюк сена слева он желает так же сильно, как и тюк сена справа, он в то же время может иметь намерение съесть тюк слева (или справа). Желание, как и знание или мнение, относится к входным данным (input) практического рассуждения, а интенция – к выходным данным (output).

Знание генерирует действие. Уильямсон пишет: «Функция умного действия включает применение знания для реализации целей агента» [23, р. 269]. И наоборот: действие (например, смотреть, слушать, исследовать и т. д.) генерирует знание.

Знание играет центральную роль в объяснении действия. Предположение, что успешно действуют именно исходя из знания (знание – норма для действия), лучше объясняет действия, чем предположение, что успешно действуют, исходя из истинного мнения. Вот один из примеров Уильямсона. Вор-взломщик проникает в дом и очень долго и настойчиво ищет спрятанный брильянт. В конце концов он его находит. Это можно объяснить лишь тем, что он знает, что в доме спрятан брильянт. Если бы у него было просто истинное мнение или даже истинное обоснованное мнение, но не знание, он бы так долго и настойчиво его не искал. Удовлетворение его желания объясняется знанием. (См. также [45; 46]). Согласно традиционной точке зрения обывденной психологии, причинами наших действий являются наши мнения (верования, убеждения) и желания. Последние объясняют действия функционально. Удовлетворение желания объясняется истинным мнением. Такая теория хуже объясняет пример с вором-взломщиком.

20. Контекстуализм и практическое рассуждение

В самых общих чертах эпистемический контекстуализм утверждает зависимость эпистемических стандартов от контекста, в том числе и от практического контекста (в разных практических контекстах «ставки» могут быть более или менее высокими)⁹⁰. Например, зависимость от контекста стандартов применения концепта знания позволяет отвергнуть скептицизм. Последний объясняется игнорированием этой зависимости и, соответственно, выбором слишком сильных стандартов, относительно которых знание невозможно. Контекстуалист утверждает, что в обывденном контексте мы знаем о вещах окружающего нас мира. Лишь в специфическом скептическом контексте мы не имеем этого знания. На самом деле, против такой разновидности контекстуализма существуют убедительные возражения. В частности, можно утверждать, что в этом случае сам концепт знания оказывается неоднозначным, зависящим от контекста.

Эпистемический контекстуализм несколько отличается от другой контекстуалистской позиции – так называемого «субъект-чувствительного (или просто чувствительного) инвариантизма» (subject-sensitive invariantism), принимающего во внимание лишь контекст субъекта, тогда как зависимость эпистемического статуса субъекта от контекста атрибутора отрицается [48]. Но и эта разновидность контекстуализма в эпистемологии не безупречна. Уильямсон, например, показывает, что антискептический субъект-нечувствительный инвариантизм, согласно которому стандарты для корректного применения эпистемических терминов, например, знания, не варьируются, объясняет эпистемические явления не хуже, чем контекстуалистские теории. Это ослабляет позиции контекстуализма и чувствительного инвариантизма.

Некоторые аргументы в пользу контекстуализма апеллируют к связи между знанием и практическим рассуждением. Согласно Уильямсону, «KPR: Приписывание предложению в первом лице настоящего времени “знаю” истинно в контексте, если и только если это предложение – подходящая предпосылка для практического рассуждения в этом контексте» [48, р. 227]. Например, «(...) “Я знаю, что моя дверь закрыта” истинно в моём контексте тогда и только тогда, когда то, что моя дверь закрыта, является *подходящей предпосылкой* для моего практического рассуждения» [48, р. 227]. Результатом такого практического рассуждения может быть, например, то, что я выхожу из дому, не проверив, закрыта ли дверь. На самом деле, как

⁹⁰ Строго говоря, следует различать собственно эпистемический контекстуализм, когда стандарты оценки высказывания «S знает, что p» относятся к исходному контексту, в котором располагается сам субъект S, и семантический контекстуализм, когда стандарты оценки относятся к контексту, вообще говоря, внешнего наблюдателя – атрибутора высказывания «S знает, что p» (см., например, [47]).

утверждает Уильямсон, «знание-практическое-рассуждение (KPR) принцип» необязательно возрождает контекстуализм. Он предлагает следующий модифицированный принцип KPR': «Знают, что q , если и только если q – подходящая предпосылка для практического рассуждения» [48, р. 231]. Здесь нет эксплицитного апеллирования к контексту. При этом если q – подходящая предпосылка, но субъект не находится в положении знать, что она подходящая, он знает, что q , не будучи в положении знать, что он знает, что q (здесь применяется «аргумент против светимости»).

Рассмотрим следующий пример. Иван и Марья в зоопарке. (1) Иван: «Я знаю, что это зебра». (2) Марья: «Каким образом ты знаешь, что это не подделанный под зебру мул?» (3) Иван: «Да, исходя из того, что я знаю, я не могу сказать, что я знаю, что это не подделанный под зебру мул. Следовательно, я не знаю, что это мул.» Чувствительный инвариантист скажет, что в контексте (1) Иван знает, что это зебра, тогда как в контексте (2)/(3) он этого не знает. Во втором контексте стандарты более высокие. Переходя из одного контекста в другой, Иван потерял знание. Ответ нечувствительного инвариантиста будет такой: я знаю, что это не подделанный под зебру мул, так как я знаю, что это мул. Стандарты в обоих случаях одни и те же.

На первый взгляд, отличие между Уильямсоном и Витгенштейном в том, что для первого то, что Витгенштейн называет петлевым предложением (ПП), – знание, тогда как для второго они имеют логическую (в широком смысле) природу. Языковые игры (ЯИ) Витгенштейна – переплетение языка и вещей, нормативные практики, интенциональные (нормативные, концептуализированные) действия. «Подходящую предпосылку» в смысле Уильямсона, которую он трактует как знание, можно трактовать как ПП в смысле Витгенштейна, то есть как правило для ЯИ. (Оператор знания – самое общее правило ЯИ. Поскольку есть аналогия между знанием и действием, можно говорить как о практических, так и чисто эпистемических ЯИ.) Уильямсон, так же, как и Витгенштейн, не трансценденталист (и не антитрансценденталист – оба выходят за пределы трансцендентальной философии, а не пытаются её опровергнуть или преодолеть). Витгенштейновские ПП не трансцендентальные условия возможности. Хотя они относятся к «грамматике» формы жизни, они укоренены в реальности и могут менять свой статус (см. [40] о трёхаспектной природе ПП). Для к-реалиста зависимость от контекста – это то, без чего реализм и познание вообще не имеют смысла, а не дополнительное условие.

21. Принцип доверия с точки зрения ЭСЗ

ЭСЗ вносит существенные поправки в понимание принципа доверия (principle of charity) Дэвидсона. Одна из его формулировок гласит: «Доверие нас обязывает (charity is forced on us); нравится нам это или нет; если мы хотим понимать других людей, мы должны считать, что они правы по большинству вопросов» [49, р. 197]. Метафизическая версия принципа утверждает, что большинство мнений агента истинно. Поэтому интерпретатор должен максимизировать пропорцию приписываемых агенту истинных мнений. Другие версии принципа требуют максимизации рациональности или непротиворечивости (coherence) мнений субъекта. (Схожие принципы предложили Дэниел Деннет и Ричард Грэнди.)

Уильямсон считает принцип доверия Дэвидсона «очень спорным принципом» [23, р. 261]. Его версия принципа утверждает максимизацию знания (но не минимизацию незнания, которое бесконечно) [23, р. 265]: «Предложение в том, чтобы в принципе доверия заменить истинное мнение знанием, относящимся к содержанию» [23, р. 264]. «Подходящий принцип доверия высоко оценит те интерпретации, согласно которым спикеры склонны утверждать то, что они знают, а не интерпретации, согласно которым они склонны утверждать то, что истинно, или даже то, во что для них разумно верить (в связи с утверждением!)» [9, р. 267].

Применимость принципа максимизации знания подтверждается на примерах. Рассмотрим, вкратце, один из примеров Уильямсона – «Emanuel, Celia, Elsie» [23, р. 262–263]. Пред-

положим, что Е (Emanuel) смотрит на С (Celia) и убеждён, что «она стоит перед ним», «имеет черту характера «а»», «имеет черту характера «b», ... «с ней произошло то-то и то-то», «в её жизни была такая-то история» и т. д... Предположим, что все эти убеждения Е ложны, за исключением первого, что она стоит перед ним. Предположим, однако, что все они, за исключением первого, истинны в отношении Е1 (Elsie), которую Е не видит и даже никогда не видел. С точки зрения принципа доверия Дэвидсона личное местоимение «она» указывает на Е1, а не на С, так как именно при этом предположении имеет место максимизация истинных убеждений. На самом деле, конечно же, местоимение «она» отсылает к С. И это объясняется принципом максимизации знания. Е знает, что С стоит перед ним, хотя больше ничего о ней не знает. Напротив, Е ничего не знает о Е1.

Как отмечает Уильямсон, кластерные дескриптивные теории референта, которые были опровергнуты Х. Патнэмом и С. Крипке, – частный случай принципа доверия Дэвидсона, призывающего к максимизации истинных мнений [23, р. 264]. Они не могут объяснить тот факт, что Е думает о С. Чисто причинная теория референта тоже не может это объяснить. В самом деле, предположим, что Е1 находится в причинной связи с С. Поскольку С находится в причинной связи с Е, Е1 находится в причинной связи с Е. Причинная теория не может ответить на вопрос о том, в силу чего тогда Е думает о С, а не о Е1.

22. ЭСЗ и петлевая эпистемология Витгенштейна

Выше мы уже затрагивали вопрос о связи между ЭСЗ и эпистемологией Витгенштейна (см. разделы 12 и 20). Напомним, что Уильямсон считает, что он *знает*, что у него две руки. Это просто знание-что о мире. В скептическом сценарии мозг-в-баке не знает, что у него две руки, несмотря на достаточно убедительный субъективный опыт, что у него две руки, поскольку, на самом деле, у него их нет. Поскольку знание – очевидность, убеждение Уильямсона, что у него две руки основано на очевидности, является обоснованным, тогда как убеждение мозга-в-баке, что у него две руки, не основано на очевидности, не является обоснованным.

Для Витгенштейна «понятие знания сопряжено с понятием языковой игры», то есть, как и у Уильямсона, с действием [10, § 560]. Языковые игры подразумевают петлевые предложения (ПП), которые суть логические («грамматические») истины, или достоверности. «У меня две руки» – ПП, а не знание в собственном смысле. В то же время ПП могут менять свой статус, превращаться в истинные или ложные эмпирические предложения. Благодаря этому и кроме того, согласно нашей интерпретации ПП, их природа трёхаспектна: помимо логического аспекта, у них есть эпистемический и натуралистический (парадигматический) аспекты [50]⁹¹. Это значит, что грамматические предложения Витгенштейна и, в частности, ПП, не аналитические предложения в более или менее традиционном смысле этого понятия (Уильямсон вообще отрицает существование аналитических истин). В частности, предложение «У меня две руки» при определённых обстоятельствах может оказаться ложным. С несколько более общей точки зрения витгенштейновского к-реализма, концепты укоренены в реальности, а концептуальное/нормативное может превращаться в фактическое/реальное и наоборот. Это позволяет установить более тесную связь с ЭСЗ Уильямсона и дать ответ на следующий аргумент Уильямсона против Витгенштейна: «У меня две руки» не концептуальная истина, так как концептуальная истина не может оказаться ложной, а предложение «У меня две руки» при

⁹¹ Существуют различные интерпретации ПП Витгенштейна. Например, для Д. Прит-чарда ПП «У меня две руки» – проявление так называемого «суперпетлевого предложения» (нем. über-hinge; можно также перевести как «сверхпетлевого»), что наши мнения не могут быть радикально и фундаментально ошибочными. Сам Витгенштейн, как кажется, не вводит понятие суперпетлевого предложения. С точки зрения его философии это было бы некоторым отходом от терапевтического метода. Также в интерпретации Притчарда ПП ни рациональны ни иррациональны, а а-рациональны. Наша позиция ближе к позиции А. Колива, согласно которой петлевые предложения рациональны в широком смысле. Если это правила, то правила рациональны по определению. Трактовку ПП как правил также предлагает Мион (см. раздел 5 Главы 1 Части 8).

определённых обстоятельствах может оказаться ложным. Вообще, как уже было сказано ранее, и Витгенштейн, и Уильямсон выходят из трансцендентальной парадигмы⁹².

Понимание концептуального анализа как изучение концептов, лишь как анализа средств доступа к реальности в отрыве от самой реальности приводит Уильямсона к тому, что он выступает против точки зрения математика Алена Конна, согласно которому математика – концептуальный анализ, и точки зрения Ж. Бенуа, согласно которой философия, в отличие от науки, – концептуальный анализ. Для Уильямсона и математика, и философия – поиск истины. Однако, поскольку с точки зрения к-реализма Ж. Бенуа подлинные концепты укоренены в реальности, концептуальный анализ – это также и в основном познание реальности, самих вещей. (См. также [36, р. 96–97].) Концептуальный анализ невозможен без поиска истины и наоборот. На различное понимание концептуальности у Уильямсона и Витгенштейна указывает, например, в своей статье Маркони [52].

23. ЭСЗ и эпистемологический дизъюнктивизм

ЭСЗ имеет некоторые сходства с так называемым «дизъюнктивизмом» [24]. Об этом пишут и Уильямсон, и Притчард. В то же время, как это уже было отмечено в Части 1, Уильямсон относится скептически к эпистемологическому дизъюнктивизму (далее: ЭД) Притчарда. Отметим некоторые существенные различия между ЭСЗ и ЭД. Притчард характеризует ЭД как нетрадиционный интернализм, тогда как ЭСЗ – радикальный экстернализм. С точки зрения ЭД в версии Притчарда первичным является концепт мнения, а не знания. Ещё одно отличие между двумя позициями, которое можно рассматривать как следствие первичности мнения, состоит в том, что для Притчарда, но не для Уильямсона, «видеть, что р» может не быть знанием, что р, так как в рамках ЭД фактивное рациональное основание «я вижу, что р» может быть недоступно рефлексии (например, в том случае, если есть дефитор). Предположим, например, что в зоопарке я вижу зебру, вижу, что это зебра, и знаю, что я вижу зебру, так как у меня есть доступное рефлексии фактивное основание «Я вижу, что это зебра» (если рассуждать в рамках ЭД). В случае наличия дефитора – например, надёжный источник утверждает, что на самом деле я смотрю на подделанного под зебру мула – я продолжаю, согласно Притчарду, видеть, что это зебра, но теряю рефлексивный доступ к фактивному рациональному основанию «Я вижу, что это зебра». Соответственно, я теряю знание, что это зебра. Наша позиция по данному вопросу согласуется с ЭСЗ и состоит в том, что я вижу зебру, но не вижу, что это зебра. То есть я теряю прежде всего знание, а, следовательно, и фактивное основание «Я вижу зебру». Знание первично. Итак, для Уильямсона «сначала знание»! В рамках ЭД Притчарда знание – результат употребления фактивного рационального обоснования (исходный опыт, что р, не есть знание). Если таковое отсутствует, отсутствует и знание. Как мы уже сказали, Уильямсон – радикальный экстерналист. Притчард считает себя умеренным экстерналистом. Он признаёт, что возможно чисто экстерналистское знание, но считает, что такой вид знания является периферийным. На наш взгляд, ЭД требует переинтерпретации, при которой ЭД превращается в ЭСЗ для парадигматических случаев визуальной перцепции. То есть, по сути, ЭД в том виде, в котором его разрабатывает Притчард, не нужен, в том числе и для решения проблемы скептицизма (см. подробный анализ ЭД в Главах 3–5 Части 4).

⁹² Вопрос о связи между Кантом и поздним Витгенштейном и, в частности, о том, являются ли ПП в том или ином смысле трансцендентальными условиями, рассматривается в книге Б. Ритера [51].

24. ЭСЗ применительно к самой философии

Согласно ЭСЗ, обоснование и рациональность вторичны по сравнению со знанием. Поэтому невозможен анализ знания в терминах обоснования и рациональности. Как раз наоборот, последние два понятия анализируются в терминах знания. Поскольку для Уильямсона знание = очевидность и у каждого своё знание, у каждого своя очевидность. Таким образом, не существует универсальной очевидности. Если философия – познание, то и в философии не существует универсальной очевидности. Это означает, что дискуссии неизбежны. Более того, поскольку знание (очевидность), вообще говоря, не транспарентно, каждый принимает за очевидность то, что он считает очевидностью. При этом некоторая очевидность может быть не принята во внимание, а то, что считается очевидностью может таковой не оказаться. Это сказывается на том, что считать обоснованным и/или рациональным.

Уильямсон пишет: «Вопросы обоснования и рациональности имеют отношение к тому, как поступать наилучшим образом, исходя из ограниченной очевидности, которую мы имеем. Принимая во внимание, что $E = K$, это означает – поступать наилучшим образом, исходя из имеющегося у нас знания. Если это так, то они не предшествуют вопросам о знании. Обоснованность или рациональность Вашего мнения зависит от того, что Вы знаете. Таким образом, появление условия обоснования или рациональности в анализе знания содержит в себе риск циркулярности.

Такой экстернализм относительно очевидности также имеет последствия для самой философии. Философы имплицитно стремились рассуждать так, как если бы их очевидность была ограничена данными, относительно которых все соперничающие теории согласны. Например, если В отрицает, что существуют макроскопические физические объекты, то А может привести в качестве очевидности не непсихологический факт, «предвосхищающий основания» (question-begging), что существуют камни, а лишь психологический факт, что у нас есть «интуиция», что существуют камни. Конечно, если А попытается изменить мнение В, как правило, для А будет бесполезно приводить в качестве очевидности факты, которые В отрицает. Однако, если цель А в том, чтобы найти истину по какому-то вопросу для себя, а не убедить в этом В, тогда почему она не должна употреблять своё знание, что существуют камни, а не просто знание, что у неё есть интуиция, что существуют камни. Для её вопроса непсихологический факт может быть гораздо более релевантным, чем психологический. Это может выглядеть как догматическое отрицание точки зрения В. Однако, альтернативная стратегия использования только универсально принятой очевидности безнадёжна, так как такой очевидности практически не существует. Некоторые философы будут отрицать, что имеет место интуиция, что существуют камни, быть может потому, что они элиминативисты относительно таких ментальных состояний, в то же время принимая, что существуют камни. Заниматься философией – значит вступать в споры. Это, конечно, не означает, что нет ограничений. $E = K$ говорит, что ваша очевидность включает то, что вы знаете, а не то, что Вы думаете, что знаете. Тот факт, что это различие зачастую трудно распознать на практике, может быть непреодолимым аспектом нашего когнитивного затруднения (predicament): даже эпистемология философии должна быть неоперационной» [24, p. 213].

В эпистемологии существует дискуссия о том, как разрешить или объяснить существование на первый взгляд непреодолимых разногласий. На наш взгляд, ЭСЗ как раз и даёт такое объяснение. Аналогичным образом проблема неразрешимых разногласий может быть рассмотрена в рамках витгенштейновской эпистемологии петлевых предложений, а также в рамках к-реализма. С точки зрения ЭСЗ мы знаем, что петлевые предложения истинны (мы полагаем, что они имеют прежде всего логический характер). С точки зрения к-реализма можно говорить о двух видах разногласий: разногласия, возникающие в рамках одной и той же формы жизни, то

есть предполагающие одну и ту же нормативную эпистемическую систему, легко разрешимы; разногласия, возникающие между разными формами жизни, то есть разными нормативными системами и, следовательно, тем, что дано, существует, трудно разрешимо. (Подробнее о проблеме разногласий см. Главу 3 Части 3.)

25. Ценность знания

Существуют различные взгляды на ценность знания. Для платоновского Сократа («Менон») знание имеет практическую ценность. С точки зрения эпистемологии добродетелей Э. Соса знание имеет финальную ценность, поскольку является когнитивным достижением. В одной из своих работ Д. Притчард утверждает, что особую ценность имеет понимание, а не знание. Также, согласно Д. Притчарду, истина, а не знание, является фундаментальной эпистемической ценностью. Дж. А. Картер и Э. К. Гордон утверждали, что финальную ценность имеет не знание (знание-что или знание-как) и не пропозициональное понимание («Я понимаю, что Х»), а объектное понимание («Я понимаю Х»). Но, например, для Аристотеля понимание просто означает больше знания. А. Картер пишет: «Аристотель полагал, что при переходе от знания к пониманию мы приобретаем “когнитивный выигрыш”, который состоит в том, что понимание – это “больше того же самого”, то есть просто больше знания, хотя это знание о причинах. У современных эпистемологов и философов науки есть глубокие расхождения насчёт того, был ли он прав. В то же время почти все согласны, что переход от знания к пониманию представляет собой важный вид интеллектуального *улучшения*» [53]. Для оксфордского реалиста начала 20 века Кука Вилсона о мышлении как таковом можно говорить лишь в том случае, если есть подходящая связь со знанием. Поскольку понимание относится к мышлению, оно предполагает знание.

Для Уильямсона понимание – знание причин, знание многих фактов. Оно предполагает знание, объясняется в терминах знания: «Если Вы не знаете, как работает реактивный двигатель, Вы не понимаете, как он работает» [20, р. 24]. Именно знание имеет особую, «центральную эпистемическую» ценность, а не понимание. Знание – фундаментальное эпистемическое благо. Понимание вторично или даже редуцируемо к знанию. Знание, однако, может быть более и менее ценным. Знание-как или знание-почему (что-то случилось) может оказаться важнее знания-что (оно случилось). В то же время все эти виды знания – разновидности пропозиционального знания. В частности, знание-как – пропозициональное знание в практическом модусе. Т. Уильямсон согласен с Платоном, что ценность знания в том, что оно является более стабильным, чем просто истинное мнение (это следствие фактивности знания). Тем самым оно имеет большую практическую ценность для осуществления наших планов и действий, имеющих протяжённость во времени. К этому Уильямсон добавляет ценность рационального элемента знания: «При прочих равных условиях, принимая во внимание рациональную восприимчивость к новой очевидности, настоящее знание делает будущее истинное мнение более вероятным, чем это делает настоящее просто истинное мнение» [9, р. 101]. Это означает, что новое знание – новая очевидность (напомним, что «знание=очевидность»), которую рациональность должна принять во внимание; просто новое истинное мнение не будет новой очевидностью. Тем самым вероятность, что будущее мнение будет истинным, повышается. Согласно Д. Притчарду и Дж. Тури, вводя рациональную восприимчивость к новой очевидности, Уильямсон делает шаг вперёд по сравнению с Платоном [54]. Подробнее вопрос о ценности знания рассматривается в Главах 4 и 5 Части 5.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Williamson, T.* Abductive philosophy / T. Williamson // *Philosophical Forum*. – 2016. – 47. – (3–4). – P. 263–280.
2. *Pritchard, D.* Epistemological disjunctivism and anti-luck virtue epistemology / D. Pritchard // *New Issues in epistemological disjunctivism* / eds.: C. Doyle, J. Milburn, D. Pritchard. – Routledge, 2019. – P. 41–58.
3. *Pritchard, D.* Knowledge / D. Pritchard. – Palgrave Macmillan, 2009; Pritchard, D. Epistemology / D. Pritchard. – Palgrave, 2016. (См. также: Carter A. Varieties of externalism / A. Carter // *Philosophical Issues (A suppl. to Nous)*. – 2014. – 24(1). – P. 63–109; Egeland, J. Scientific Evidence and the Internalism – Externalism Distinction / J. Egeland // *Acta Analytica*. – 2021. – Forthcoming. – Mode of access: <https://philpapers.org/rec/EGESEEA>. – Date of access: 29.08.21.)
4. *Zagzebski, L.* The Inescapability of the Gettier Problem / L. Zagzebski // *The Philosophical Quarterly*. – 1994. – Vol. 44. – № 174. – P. 65–73.
5. *Kelp, C.* How to be a reliabilist / C. Kelp // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 2019. – 98(2). – P. 346–374; Kelp, C. Knowledge first virtue epistemology / C. Kelp // *Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind* / eds.: A. Carter, E. Gordon, B. Jarvis. – Oxford University Press, Oxford, 2017.
6. *Kelp, C.* Good thinking. A Knowledge-first Virtue Epistemology / C. Kelp. – Routledge, 2019. – 126 p.
7. *Putnam, H.* Meaning of meaning / H. Putnam // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. – 1975. – 7. – P. 131–193; Burge, T. Individualism and the mental / T. Burge // *Midwest Studies in Philosophy*. – 1979. – 4(1). – P. 73–122.
8. *Putnam, H.* Meaning and reference / H. Putnam // *Journal of Philosophy*. – 1973. – 70(19). – P. 699–711.
9. *Williamson, T.* Knowledge and Its Limits / T. Williamson. – Oxford UP, 2000.
10. *Витгенштейн, Л.* О достоверности / Л. Витгенштейн // *Вопросы философии*. – 1991. – № 2. – С. 67–120. (См. также: Coliva, A. “I Know”, “I know”, “I know”. Hinge epistemology, invariantism and scepticism / A. Coliva // *Skeptical invariantism reconsidered* / eds.: C. Kyriacou, K. Wallbridge. – Routledge, 2021. – P. 213–234; Coliva, A. In Quest of a Wittgensteinian hinge epistemology / A. Coliva // *Wittgensteinian: Looking at the World From the Viewpoint of Wittgenstein’s Philosophy* / eds.: S. Wuppuluri, N. da Costa. – Springer Verlag, 2020. – P. 107–121; Coliva, A. Skepticism Unhinged / A. Coliva // *Belgrade Philosophical Annual*. – 2020. – 33. – P. 7–23.)
11. *Прись, И. Е.* Контекстуальный реализм. Интервью с Жосленом Бенуа / И. Е. Прись // *Сибирский философский журнал*. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 63–117; *Austin, J. L.* Truth // *Aristotelian Society Supp.* – 1950. – 24 (1). – P. 111–129.
12. *Greco, J.* Agent reliabilism / J. Greco // *Noûs*. – 1999. – 33 (s13). – P. 273–296.
13. *Bonjour, L.* Toward a Defense of Empirical Foundationalism // *Resurrecting OldFashioned Foundationalism* / ed.: M. R. DePaul. – Lanham, MD: Rowman & Littlefie, 2001. – P. 21–38.
14. *Carter, A.* This is Epistemology: An Introduction / A. Carter. J. Littlejohn. – WileyBlackwell, 2021.
15. *Bonjour, L.* The Structure of Empirical Knowledge / L. Bonjour. – Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1985.
16. *Lehrer, K.* Exemplars of Truth / K. Lehrer. – Oxford: Oxford UP, 2019.
17. *Lehrer, K.* Knowledge / K. Lehrer. – Oxford: Clarendon Press, 1974.
18. *Williamson, T.* Knowledge First / T. Williamson // *Contemporary Debates in Epistemology* / eds.: M. Steup, J. Turri. – Blackwell, 2013. – P. 1–10.

19. *Benoist, J.* Logique du phénomène / J. Benoist. – Paris, Hermann, 2016.
20. *Williamson, T.* Knowledge Still First / T. Williamson // Contemporary Debates in Epistemology / eds.: M. Steup, J. Turri. – Blackwell, 2013. – P. 22–25.
21. *Carter, J. A.* Knowledge-How and Cognitive Achievement / A. Carter, D. Pritchard // Philosophy and Phenomenological Research. – 2015. – 91 (1). – P. 181–199; *Carter, J.A.* Knowledge-how and epistemic value / J. A. Carter, D. Pritchard // Australasian Journal of Philosophy. – 2015. – 93(4). – P. 799–816.
22. *Engel, P.* A plea for epistemic monism / P. Engel // Epistemic pluralism / eds.: A. Coliva, N. Jang Lee Linding Pedersen. – Palgrave Innovations in Philosophy. – Palgrave Macmillan, 2017. – P. 93–125.
23. *Williamson, T.* The Philosophy of Philosophy / T. Williamson. – Oxford: Blackwell, 2007.
24. *Williamson, T.* Knowledge First Epistemology / T. Williamson // Routledge Companion to Epistemology / eds.: S. Bernecker, D. Pritchard. – Routledge, 2011. – P. 208–218.
25. *Carter, A.* Introduction: 'Knowledge, First: An Introduction' / A. Carter. E. Gordon, B. Jarvis // Knowledge first: Approaches in Epistemology and Philosophy of Mind / ed.: J. Adam Carter, Emma C. Gordon & Benjamin W. Jarvis. – Oxford, 2017. – P.
26. *Прись, И. Е.* Контекстуальность онтологии и современная физика / И. Е. Прись. – Санкт-Петербург: Алетея, 2020. – 346 с.
27. *Williamson, T.* Reply to Elizabeth Fricker // Williamson on Knowledge / eds.: P. Greenough, D. Pritchard. – Oxford UP, 2009. – P. 300–301.
28. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн – Москва: Аст, 2019.
29. *Benoist, J.* Eléments de philosophie réaliste / J. Benoist. – Paris: Vrin, 2011; *Benoist, J.* The World as a Picture and as Reality / J. Benoist // New Realism in the World Picture Age / ed.: A. Rojas. – Madrid: Apeiron Ediciones. – 2020, – P. 171–187.
30. *Williamson, T.* Acting on knowledge / T. Williamson // Knowledge First / eds.: J. A. Carter, E. Gordon, B. Jarvis. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 163–181. (См. также: *Humberstone, L.* Wanting as believing / L. Humberstone // Canadian Journal of Philosophy. – 1987. – 17. – P. 49–62; *Gibbons, J.* Knowledge in Action / J. Gibbons // Philosophy and Phenomenological Research. – 2001. – 62. – P. 579–600.)
31. *Pris, F.-I.* Le fossé explicatif dans la philosophie de l'esprit, du point de vue de la deuxième philosophie de Wittgenstein vue comme un naturalisme normatif / F.-I. Pris. – Diffusion ANRT, 2008.
32. *Прись, И. Е.* Природа и сознание / И. Е. Прись // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – 419. – № 9. – P. 18–23.
33. *Benoist, J.* Wittgenstein philosophe de l'esprit / J. Benoist // Lectures de Wittgenstein / dir.: C. Chauviré, S. Plaud. – Ellipses 2012. – P. 67–78.
34. *Benoist, J.* L'adresse du réel / J. Benoist. – Paris: Vrin, 2017. (См. также: *Benoist, J.* Toward a contextual realism / J. Benoist. – Harvard UP, 2021).
35. *Benoist, J.* The internal and the external in knowledge // Rethinking epistemology. Vol. 1 / G. Abel, J. Conant. – De Gruyter, 2012. – P. 273–283. (См. также: *Benoist, J.* Internalism and externalism in knowledge / J. Benoist // Toward a Contextual Realism / J. Benoist. – Harvard UP, 2021. – ch. 2.); *Benoist, J.* The World as a Picture and as Reality / J. Benoist // New Realism in the World Picture Age / ed.: A. Rojas. – Madrid: Apeiron Ediciones. – 2020, – P. 171–187.
36. *Прись, И. Е.* Контекстуальный реализм. Интервью с Ж. Бенуа / И. Е. Прись // Сибирский философский журнал. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 63–117.
37. *Lewis, C. I.* Mind and the world-order: Outline of a theory of knowledge / C. I. Lewis. – New York: Dover, 1929.
38. *Аристотель.* Метафизика / Аристотель. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.

39. *Dougherty, T.* Experience first epistemology / T. Dougherty, P. Ryseiw // *Contemporary Debates in Epistemology* / eds.: M. Steup, J. Turri. – Blackwell, 2013. – P. 2.
40. *Pritchard, D.* Shadowlands / D. Pritchard // *The New Evil Demon: New Essays on Knowledge, Justification and Rationality* / ed.: J. Dutant. – Oxford UP, forthcoming. (См. также: *Pritchard, D.* Wittgensteinian epistemology, epistemic vertigo, and pyrrhonian skepticism / D. Pritchard // *Epistemology After Sextus Empiricus* / eds.: K. M. Vogt, J. Vlasits. – Oxford UP, 2020. – Ch. 8; *Williamson, T.* Justifications, excuses, and skeptical scenarios // *The New Evil Demon* / eds.: J. Dutant, F. Dorsch. – Oxford: Oxford University Press. – Forthcoming.)
41. *Williamson, T.* Very improbable knowing / T. Williamson // *Erkenntnis*. – 2014. – 79. – 5. – P. 971–999.
42. *Williamson on Knowledge* / eds.: P. Greenough, D. Pritchard. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
43. *Benoist, J.* Our Life with Truth / J. Benoist // *Language, Form(s) of Life, and Logic: Investigations after Wittgenstein* / dir.: C. Martin. – Berlin/Boston: De Gruyter, 2018. – P. 155–172.
44. *Humberstone, L.* Wanting as believing / L. Humberstone // *Canadian Journal of Philosophy*. – 1987. – 17. – P. 49–62.
45. *Kornblith, H.* Knowledge and its place in nature / H. Kornblith. – Oxford UP, 2002.
46. *Nagel, J.* Knowledge as a mental state / J. Nagel // *Oxford Studies in Epistemology*. – 2013. – 4. – P. 275–310.
47. *Mion, G.* Hinge Contextualism / G. Mion // *Philosophical Investigations*. – 2021. – Forthcoming.
48. *Williamson, T.* Contextualism, subject-sensitive invariantism and knowledge of knowledge / T. Williamson // *Philosophical Quarterly*. – 2005. – 55 (219). – P. 213–235.
49. *Davidson, D.* Inquiries into Truth and Interpretation / D. Davidson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. (См. также: *Davidson, D.* On the very idea of a conceptual scheme / D. Davidson // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. – 1974. – 47. – P. 5–20; *Davidson, D.* Radical interpretation / D. Davidson // *Dialectica*. – 1973. – 27. – P. 314–328.)
50. *Прись, И. Е.* Витгенштейн о знании, достоверности и «осевых предложениях» / И. Е. Прись. – Lambert, 2017.
51. *Ritter, B.* Kant and Post-Tractarian Wittgenstein: Transcendentalism, Idealism, Illusion. / B. Ritter. – Palgrave Macmillan, 2020.
52. *Marconi, D.* Wittgenstein and Williamson on conceptual analysis [Electronic resource] / D. Marconi. – Mode of access: https://www.academia.edu/1882934/Wittgenstein_and_Williamson_on_Conceptual_Analysis. – Date of access: 31.07.2021.
53. *Carter, A.* Know How and Expertise [Electronic resource] / A. Carter. – Mode of access: https://www.academia.edu/41185190/Know_How_and_Expertise. – Date of access: 03.08.21.
54. *Pritchard, D.* The Value of Knowledge / D. Pritchard, J. Turri // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed.: E. Zalta. – 2014. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entries/knowledge-value/>. – Date of access: 25.07.21.

Глава 3

Знание как истинное обоснованное мнение и случаи Гетье

В этой главе, основываясь на ЭСЗ Уильямсона и философии позднего Витгенштейна, мы утверждаем, что знание есть «успешное» мнение, то есть истинное обоснованное мнение при условии, что эпистемический «провал» между обоснованием (мнением) и фактом (знанием) закрыт «прагматически» в смысле витгенштейновской проблемы следования правилу. Фундаментальным эпистемическим правилом (нормой) для мнения является знание. Эпистемический провал возникает тогда и только тогда, когда эта норма не удовлетворяется. Так называемые случаи Гетье имеют прежде всего концептуальный статус. Они указывают на то, что стандартное определение знания как истинного обоснованного мнения что-то упускает из виду. Мы сближаем нашу экстерналистскую точку зрения с интерналистской точкой зрения С. Хетерингтона, согласно которой знание есть истинное обоснованное мнение, при условии, что осознаётся всякое в эпистемическом смысле специфическое обстоятельство, то есть обстоятельство, которое будучи неосознанным, исключает знание.

Введение

Согласно стандартному определению знания, знание – истинное обоснованное мнение. Однако, согласно Гетье, в некоторых специфических случаях истинное обоснованное мнение может не быть знанием [1] (см. также [2–11]). Как мы показали в Части 1, причина в том, что стандартное понятие обоснованности не гарантирует истинность обоснованного мнения и знание. Обоснованное мнение может быть ложным или истинным, но не знанием, а, так сказать, дефектным «знанием», то есть отклонением от знания.

Существуют квазистандартные или улучшенные стандартные определения знания. Здесь мы лишь перечислим некоторые из них (подробнее см. Раздел 1.4. Главы 1 Части 1 См. также, например, [2; 6; 12–18]). Для Б. Болла знание – нормальное мнение. При этом определение знания как истинного обоснованного мнения сохраняется, а понятие обоснования таково, что обоснованное мнение с необходимостью истинно [12]. Согласно Дж. Турри, знание – истинное мнение, в котором проявляет себя интеллектуальная способность субъекта, являющаяся источником эпистемического обоснования его мнения. Для него стандартное определение знания является *почти правильным* [13]. В. Селларс полагает, что определение знания как истинного обоснованного мнения «в основном правильное», а знание располагается в логическом пространстве рациональных оснований [14, § 36]. Р. Фоли, напротив, не считает, что наличие знания требует наличия рациональности/обоснования. Согласно ему, истинное мнение субъекта S, что p, является знанием, что p, если и только если субъект S не упускает из виду никакую «адекватную» информацию, «важную» истину [15]. М. Ханнон считает, что определение Фоли является круговым [16]. Круговое информативное определение знания предлагает С. Хетерингтон. Для него знание есть обоснованное истинное мнение, при условии, что обоснование включает в себя осознание любого такого обстоятельства, без осознания которого, знание отсутствует [17, p. 219].

В разделе 1 мы предлагаем наше определение знания как «успешного» мнения, то есть истинного обоснованного мнения, при условии, что эпистемический «провал» между обоснованием (мнением) и фактом (знанием) закрыт «прагматически» в смысле витгенштейновской проблемы следования правилу. В разделе 2 мы излагаем подход С. Хетерингтона и сравниваем его с нашим подходом ([17; 19; 20]. См. также [18–27]). Два подхода имеют сходства. Кроме того, мы указываем, что нашу точку зрения на знание подкрепляет и подход Болла [12].

1. Знание как успешное мнение

Мы предлагаем следующее определение знания: Знание – истинное имплицитно или эксплицитно обоснованное мнение, при условии, что эпистемический «провал» между обоснованием (мнением) и фактом (истиной, знанием) закрыт прагматически. Эквивалентным образом можно сказать, что знание есть успешное мнение, то есть такое мнение, что провал между ним и соответствующим фактом (истиной, знанием) закрыт. Исследование возможного «провала» предполагает исследование очевидности и обоснования для мнения. Как следствие, второе определение преобразуется в первое.

Поясним наше определение знания, а также сделаем несколько терминологических замечаний. (1) Мы говорим о «провале» между обоснованием или мнением, с одной стороны, и фактом, истиной или знанием, с другой стороны. (2) Термин «провал» отсылает к проблеме «объяснительного провала» в философии сознания. Мы считаем, что для решения своих проблем эпистемология нуждается в философии сознания: знание в конечном итоге является «феноменологическим» в широком смысле; оно и применяемые для его выражения концепты не отделимы от соответствующего опыта. С другой стороны, в философии сознания сама проблема «объяснительного провала», или, как ещё говорят, «трудная проблема», частично является проблемой эпистемологической – проблемой описания, объяснения или познания феноменальных состояний сознания. Мэри, которая провела всю свою жизнь в чёрно-белой лаборатории и теоретически изучила всё, что касается цвета и цветового опыта, не будет знать, как выглядит красная роза или как испытывается феноменальный опыт красного. Для этого у него не будет соответствующих перцептивных и феноменальных концептов. Её теоретические концепты слишком бедны. (3) Мы также считаем, что для решения своих проблем эпистемология нуждается в философии языка. Мы говорим о «прагматическом» закрытии провала. Прагматическое закрытие провала не есть некий субстанциальный акт, а отсылает к проблеме следования правилу и означает, что, на самом деле, нет никакой проблемы провала (в случае корректного следования правилу провал закрыт изначально), а также нет (общего или в конечном итоге) (мета)правила для следования правилу (следовательно, нет (общего или в конечном итоге) (мета)правила, позволяющего установить нарушение следования правилу). Другими словами, мы принимаем тезис Уильямсона о первичности и неанализируемости концепта знания: сначала знание! [28–31]. Философия языка необходима также потому, что знание выражается или может быть выражено в виде суждения или утверждения. Мы определяем суждение как применение концептов, а утверждение как обоснованное суждение. (4) Ранее мы показали, что проблема объяснительного провала в философии сознания может быть понята в терминах проблемы следования правилу, то есть может быть терапевтически «растворена» [32]. Аналогичным образом, как мы считаем, может быть понята проблема знания – проблема эпистемического провала в эпистемологии. Реальность и знание (мысль, концепты) относятся к разным категориям: знание (мысль, концепты) идеально. Знание может быть выражено в виде суждения или утверждения, употребление которого неотделимо от соответствующего опыта, укоренено в реальности (это особенно очевидно в случае устоявшегося знания и соответствующих устоявшихся суждений и утверждений). Это результат естественного развития языка и его практического употребления. Таким образом, в конечном итоге «проблема провала» оказывается псевдопроблемой. Аналогичным образом, Ж. Бенуа критикует эпистемологическую «проблему доступа» сознания к реальности как псевдопроблему. На самом деле, мы уже в контакте с реальностью, сами являемся её частью [33]. (5) Знание предполагает «контакт» с реальностью, «укоренённость» в ней. Поэтому концепция реальности и идея укоренённости концептов в реальности должны играть существенную роль в эпистемологии. Не нормированную (не концептуализированную) реальность – непосредственный чувственный опыт

– мы называем *ощущаемым/чувственным* (фр. *le sensible*). В частности, не нормированный (не концептуализированный) визуальный опыт есть визуальное ощущаемое, сама реальность. (6) Мы употребляем термины «обоснование» и «очевидность» как взаимозаменяемые. Строго говоря, обоснование супервентно над очевидностью. Но с точки зрения евиденциализма мнение обосновано тогда и только тогда, когда оно подкрепляется адекватной очевидностью [34, р. 49]. Тогда определение знания как истинного мнения с обоснованием оказывается эквивалентным определению знания как истинного мнения с адекватной очевидностью. Последнее определение знания употребляет, например, Р. М. Чизольм [35]) Мы принимаем тезис Уильямсона, что очевидность (в данном контексте) есть всё имеющееся (в данном контексте) знание. Рассматриваемый «провал» есть, таким образом, провал в очевидности. (7) Мы принимаем определение знания Уильямсона как наиболее общего фактивного ментального состояния и интерпретируем его в терминах нашего определения знания как успешного мнения. Условие фактивности соответствует «условию» закрытия эпистемического провала [28].

Наше определение знания является нередуктивным (круговым) определением знания, поскольку условие «закрытия эпистемического провала» означает наличие знания, апеллирует к концепту знания. Круговое определение, однако, не является порочным, а является информативным. Оно указывает, каким образом «провал» между знанием и незнанием может быть уменьшен и, в принципе, сведён к минимуму, а также, как сказано выше, отсылает к проблемам следования правилу и объяснительного провала.

Концепт знания первичен, не анализируем в терминах более фундаментальных концептов. Другие эпистемические концепты анализируются в терминах знания. Первичность концепта знания также означает, что первично различие между знанием и незнанием, идентификация знания или незнания. В то же время мы можем ошибаться в идентификации случаев знания и незнания, то есть в применении концепта знания. Внимательный анализ этих случаев позволяет минимизировать возможную ошибку. Это анализ очевидности.

Согласно принятой здесь евиденциалистской позиции, истинное мнение, если оно подкреплено очевидностью, есть обоснованное истинное мнение. Обоснование может быть более или менее полным (очевидность – более или менее адекватной). Неполнота обоснования означает наличие эпистемического провала между ним и фактом. Чем полнее обоснование (очевидность), тем меньше соответствующий провал и тем легче приобрести (в случае его первоначального отсутствия) или «идентифицировать» (в случае его наличия) соответствующее знание. При этом употребление концепта знания не может быть исключено (определение круговое), но при возрастающей роли обоснования/очевидности, риск отклониться от знания или допустить ошибку в его идентификации уменьшается и, в принципе, может быть сведён к минимуму.

Вышесказанное предполагает, что концепт знания может быть применён как в «акте» *приобретения* знания, так и в акте его *идентификации* (идентификации инстанций знания) как знания. В том случае, если субъект просто приобретает или уже имеет знание, мы говорим об инстинктивном знании. В том случае, если он идентифицирует своё знание как знание, то есть рассматривает своё знание как эксплицитно обоснованное истинное мнение, являющееся знанием (провал закрыт), мы говорим о рефлексивном знании. Уильямсон, например, не делает различия между инстинктивным знанием и рефлексивным знанием. Но он отвергает КК-принцип. Можно знать и не знать, что знаешь. В этом случае мы говорим об инстинктивном знании. В инстинктивном знании обоснование имплицитно. Полное обоснование, в случае если провал закрыт, совпадает со знанием.

Мы принимаем тезис Уильямсона, что знание есть конститутивная норма для мнения и утверждения. Тривиальным образом, знание есть норма для знания. Знание имеет место тогда и только тогда, когда концепт знания применяется корректно. Задание концепта эквивалентно заданию его устоявшихся применений, между которыми имеется семейное сходство. В част-

ности, это относится к концепту знания. Поэтому очевидность как всё имеющееся знание есть норма/правило для нового знания. Мы также говорим о ней как об укоренённом в реальности витгенштейновском правиле. Успешное (корректное) его применение даёт новое знание. При этом очевидность, то есть всё имеющееся знание, расширяется.

Витгенштейновское правило применяется корректно тогда и только тогда, когда его применение имеет обоснование *post factum*. Теоретическое обоснование никогда не является полным. В конечном итоге «провал» между ним и знанием закрывается «прагматически». Отсутствие принципиальной возможности обоснования *post factum* истинности истинного мнения означает отсутствие знания. Это можно трактовать как отсутствие достаточной очевидности. *Prima facie* случаи Гетье суть *специфические* случаи отсутствия обоснования *post factum*. Они относятся к ситуациям, которые внешне схожи с теми, в которых, как правило, знание присутствует. Парадигматическое «знание» (в отличие от знания логического) может оказаться ложным (в этом смысле мы фаллибилисты), то есть незнанием, и, следовательно, непарадигматическим. Соответственно, парадигматическое «знание» может оказаться незнанием, даже если оно истинно, если оно истинно случайно, и, следовательно, непарадигматическим, а специфическим случаем. Условие аутентичности (удовлетворение норме знания) в этих случаях будет нарушено.

2. Сравнение с позицией С. Хетерингтона

Согласно С. Хетерингтону: «Знание всегда лишь обоснованное истинное мнение. И обоснование включает в себя осознание любого такого обстоятельства (даже если оно единственное), без осознания которого, знание отсутствует» [17, р. 219]. Упомянутое обстоятельство и есть «обстоятельство Гетье». Будучи осознанным, оно перестаёт им быть.

Это «компатибилистский подход», в рамках которого существование «гетьеризованных мнений» не противоречит пониманию знания в терминах истины, мнения и обоснования. Более того, Хетерингтон также утверждает, что иногда «случаи Гетье» могут быть интерпретированы как случаи знания, а не незнания [2, ch. 3; 17; 19–20; 22, ch. 3]. «Гетьеризованное мнение» – это истинное хорошо (но не в совершенстве) обоснованное мнение, которое не есть знание вследствие некоторых специфических обстоятельств – «обстоятельств Гетье». Хетерингтон называет своё определение знания нередуктивным, интерналистским и «файлбиблистским» (от слова «failable»). (Термин «файлбиблизм» (faillibilism) – неологизм.) Определение нередуктивно, поскольку оно предполагает употребление концепта «знание». Тем не менее, определение информативно, так как оно апеллирует к мнению, обоснованию, истинности, а также «осознанию любого такого обстоятельства (...), без осознания которого, знание отсутствует».

Важно отметить, что требуется принять во внимание не все обстоятельства данной эпистемической ситуации относительно предложения *p*, а лишь те, которые в случае их игнорирования, оказываются обстоятельствами Гетье, то есть «гетьеризуют» мнение. Принятие во внимание всех обстоятельств достаточно, но не необходимо для наличия знания, что *p*. «Осознание» тех или иных конкретных («специфических») обстоятельств может быть необходимым и достаточным для наличия знания. Поэтому Хетерингтон рассматривает своё определение как интерналистское. Он пишет: «Решение предусматривает, что знание есть истинное и обоснованное мнение. К тому же оно предлагает рассматривать обоснование как включающее в себя некоторую черту, которая сама частично характеризуется в терминах знания. Эта концепция полностью интерналистская, потому что моё описание этой черты полностью интерналистское» [17, р. 215].

Как известно, Гетье рассматривает мнения, которые имеют хорошее, хотя и не совершенное, обоснование [1]. То есть понятие обоснования таково, что обоснованное мнение может

оказаться ложным. Это значит, что гетъеризм предполагает фаллибилизм: знание не является абсолютно достоверным. «Файллибилизм» (*faillibilism* – термин Хетерингтона (см., например, [17; 20; 27]) обобщает фаллибилизм: знание файллибилистское, если и только если существуют эпистемически доступные возможные миры, в которых знание отсутствует (в частности, в случае фаллибилистского знания существуют миры, в которых мнение ложно). В частности, могут существовать миры, в которых знание отсутствует, потому что некоторое конститутивное условие для знания в них не удовлетворяется. И это так, несмотря на истинность соответствующих мнений в этих мирах и почти полную схожесть их с актуальным миром, в котором имеет место знание. В отличие от фаллибилизма, файллибилизм объясняет возможность незнания даже в том случае, если мнение истинно во всех возможных мирах. Фаллибилизм, согласно Хетерингтону, не может объяснить, почему гетъеризованное мнение, будучи всегда истинным, не является знанием.

Определение Хетерингтона имеет сходства с нашим определением знания, согласно которому знание – обоснованное истинное мнение при условии, что, эпистемический «провал» между обоснованием (очевидностью) и фактом/истиной закрыт. Так же, как и определение Хетерингтона, наше определение является нередуктивным. Упомянутый «провал» закрыт тогда и только тогда, когда есть знание. Тем не менее, оно информативно, то есть позволяет анализировать конкретные случаи знания и незнания. «Осознание любого такого обстоятельства (...), без осознания которого, знание отсутствует», очевидно, соответствует нашему условию «прагматического закрытия провала». Наличие «провала», то есть некорректное применение правила для знания, или отсутствие обоснования *post factum* для этого применения, означает непринятие во внимание («неосознание») некоторых важных для наличия знания обстоятельств. В случае если мнение истинно и достаточно хорошо эпистемически обосновано, это означает непринятие во внимание («неосознание») «специфических обстоятельств» (или специфического обстоятельства), то есть обстоятельств Гетъе. В отличие от Хетерингтона, мы не считаем, однако, наше определение знания интерналистским. Хотя осознание того или иного обстоятельства может быть необходимым и достаточным для наличия знания, в конечном итоге «провал» между обоснованием и знанием закрывается «слепо». Проблема следования правилу не решается чисто интерналистским или чисто экстерналистским образом, а «растворяется».

Хотя Хетерингтон называет обстоятельства Гетъе «специфическими обстоятельствами», он в то же время выражает сомнение в том, что различие ними и другими обстоятельствами может быть полностью и независимо описано [17, р. 215]. Мы согласны с ним, поскольку полагаем, что так называемые случаи Гетъе имеют прежде всего концептуальный статус. Они указывают на то, что стандартное определение знания как истинного обоснованного мнения что-то упускает из виду. На наш взгляд знание имеет контекстуально-нормативное измерение. В рамках подхода Хетерингтона это проявляется в том, что не все факты имеют одинаковое эпистемическое значение, внимание обращается не на все обстоятельства, а лишь на те, на которые *следует* обратить внимание. Предположим, например, что субъекты «А» и «В» информированы о 90 процентах всех обстоятельств своих эпистемических ситуаций. Обе ситуации содержат обстоятельства Гетъе S_A и S_B . Отличие между субъектами в том, что А информирован об обстоятельстве S_A , тогда как В не информирован об обстоятельстве S_B . В результате А имеет знание, тогда как у В знание отсутствует. Мнение субъекта «В» оказывается гетъеризованным. Если бы А не знал о наличии S_A , его мнение тоже было бы гетъеризовано (обстоятельство S_A было бы обстоятельством Гетъе). (Это пример Хетерингтона [17, р. 207].) Таким образом, некоторая незначительная по объёму дополнительная информация может оказаться значительной в эпистемическом смысле и даже (необходимой и) достаточной для закрытия «провала» между знанием и незнанием. Если субъект знает, что некоторое обстоятельство есть обстоятельство Гетъе, оно автоматически перестаёт им быть.

Так же, как и Уильямсон, мы считаем, что нормой для мнения является знание, и, следуя Бриану Боллу, интерпретируем это положение следующим образом: Вы должны (ought) верить, что *p*, тогда и только тогда, когда Вы знаете, что *p* [12; 28]. В частности, если мнение, что *p*, ложно, Вы не должны верить, что *p*. Поэтому знание для нас есть успешное мнение, то есть мнение, удовлетворяющее своей фундаментальной эпистемической норме. Знание имеет место тогда и только тогда, когда правилу/норме «знание» следуют корректно, когда «провал» между знанием и соответствующим мнением закрыт. Концепт знания первичен. Наличие или отсутствие знания в конкретных ситуациях первично и не может быть объяснено, исходя из более фундаментальных условий. (См. также раздел 1 выше.)

Норма «знание» для мнения применяется в том или ином контексте в рамках витгенштейновской «языковой игры», или явления. С другой стороны – и это другая сторона той же самой медали – знание, соответствующие мнение, обоснование и норма/правило знания *уко-ренены* в реальности, в соответствующем факте, что делает обоснование *полным*. Наша интерпретация знания и случаев Гетье обращается к критике стандартной феноменологии, предложенной Ж. Бенуа [36]. Согласно Бенуа, явление (фр. *phénomène*) нормативно. Принятие во внимание нормативности явления означает в то же самое время принятие во внимание его (и его нормы) укоренённости в реальности, опыте. Явление (феномен) не «Данное» в некотором субстанциальном смысле. Оно есть истинное или ложное применение некоторой нормы. Отметим, что в то же время мы отвергаем радикальный контекстуализм. Норма для знания не может варьироваться произвольным образом. Между всеми инстанциациями знания должно быть семейное сходство. В противном случае следует говорить о разных концептах знания.

«Гетьеризованность» не «дана». Необходимые и достаточные условия для случаев Гетье не существуют. Гетьеризованные мнения суть случаи некорректного применения концепта знания, нормы для мнения. Это случаи нарушения нормативно-причинной связи между мнением (обоснованием) и фактом. В таких случаях отсутствует обоснование истинности мнения (веридического экспланандума) *post factum*. Поэтому обоснование истинного мнения нельзя считать полным. (См. также раздел 1 и Главу 1 Части 4.) Мы разделяем точку зрения Хетерингтона, что в конечном итоге функция случаев Гетье лишь в том, чтобы напоминать нам о нередуктивности определения знания [17, р. 223]. И это согласуется с файллибилистской точкой зрения, что знание не может быть гарантировано, даже при всё возрастающем осознании эпистемических обстоятельств. Хорошо-но-не-в-совершенствообоснованное истинное мнение может не быть знанием. «Осознание» важного обстоятельства, о котором говорит Хетерингтон в своём определении знания, не характеризуется в субстанциальных терминах. Оно не добавляет никакой эпистемической «материи» к концепции знания как обоснованного истинного мнения. В свою очередь мы говорим о том, что закрытие провала есть результат следования правилу, а не субстанциальный акт. На самом деле, нет никакой проблемы провала (в случае корректного следования правилу провал закрыт изначально), а также нет (общего или в конечном итоге) (мета)правила для следования правилу (следовательно, нет (общего или в конечном итоге) (мета)правила, позволяющего установить нарушение следования правилу).

Если обстоятельства Гетье не могут быть определены, так сказать «субстанциализированы», во всяком случае полностью, они как бы остаются недоопределёнными. Именно поэтому, как нам кажется, по крайней мере в некоторых случаях, они могут быть интерпретированы либо как собственно обстоятельства Гетье, при которых знание отсутствует, либо как случаи наличия знания [17; 20].

Согласно Хетерингтону, не только редуکتивный анализ знания невозможен, но невозможно и его редуکتивное объяснение или теоретическое понимание. Даже если предположить, что гетьеризованные мнения не есть знание, теоретическое объяснение того, что данное гетьеризованное мнение не есть знание в силу того, что оно гетьеризовано, невозможно. «Гетьеризм», утверждающий, что с необходимостью мнение не есть знание, благодаря свойству своей

гетъеризованности, наличие которого и позволяет объяснить отсутствие знания, ложен, по крайней мере, на метаэпистемологическом уровне [17, р. 43–46]. В наших терминах, невозможно *определить* или объяснить закрытие «провала» между мнением и знанием чисто теоретически, выявить сущность знания или сущность гетъеризованности в смысле их редуктивных определений. Всякое объяснение того или иного закрытия провала является обоснованием *post factum* (если оно имеет место), неполно, и бесконечно варьируемо. В конечном итоге оно укоренено в факте. Именно эта укоренённость не может быть объяснена или описана теоретически. Это значит, что в каждом конкретном случае Гетъе объяснение отсутствия знания, как обязанное гетъеризованности, может быть лишь частичным. То же самое объяснение в другой ситуации может оказаться непригодным. Следовательно, оно не может рассматриваться как подлинное и полное теоретическое объяснение.

Заметим, что речь идёт не только об отсутствии *общего* теоретического определения знания или общего теоретического объяснения его отсутствия в случаях Гетъе, но и о том, что отсутствие знания в каждой конкретной ситуации Гетъе, строго говоря, также не может быть объяснено теоретически. На самом деле, если объяснение непригодно в общем случае, оно не может рассматриваться как исчерпывающее и в частном случае. Поскольку, вообще говоря, нет (мета)правила для следования правилу. Это значит, что не следует заменять общее определение знания более конкретным его определением, полученным, исходя из анализа конкретных случаев знания и незнания. Такое более конкретное определение знания будет иметь ограниченную область применимости. Хетерингтон в свою очередь считает, что мы не нуждаемся в конкретной теоретической характеристике каждой инстанции знания. Он пишет: «Моё предложение предполагает, что мы не нуждаемся в какой-либо дальнейшей теоретической характеристике того, что происходит, в каждой инстанции знания. На общем теоретическом уровне мы должны лишь сказать, что знание присутствует частично потому, что обоснование в его рамках включает в себя осознание всего того, без осознания чего знание бы отсутствовало» [17, р. 220]. В наших терминах, тавтология «знание присутствует потому, что присутствует знание» информативна, поскольку «присутствует знание» относится к уменьшенному, благодаря наличию обоснования, «провалу».

Наше определение и определение Хетерингтона минимальны и поэтому универсальны. Более конкретные определения знания, например, определение знания как истинного мнения, удовлетворяющего условию безопасности и/или условию подходящего применения когнитивных способностей, имеют ограниченную область применимости и всё равно в конечном итоге будут нуждаются в выполнении условия «закрытия провала» («осознания» соответствующего обстоятельства). Мы разделяем точку зрения Хетерингтона, что в основе эпистемологических интуиций о безопасности мнения и компетентного применения эпистемических способностей лежит более фундаментальная «интуиция нормальности» (*normality intuition*). Хетерингтон, в частности, цитирует Г. Брэдфорда (Gwen Bradford), утверждающего, что знание возникает «нормально», есть «нормальная составляющая нормально функционирующего мира» (поэтому оно не есть «достижение», как полагает эпистемология способностей) [17, р. 94]. В случаях Гетъе, согласно Хетерингтону, мнение, обоснование и истина комбинируются «ненормальным», странным образом. Поэтому в таких случаях знание отсутствует.

В этой связи упомянем, что для Б. Болла знание есть (дохастически) *нормальное мнение* – мнение, сформированное нормально функционирующим в смысле теории Р. Милликан когнитивным механизмом, то есть механизмом, функционирующим так, как он функционирует в тех случаях, для которых он был выработан в результате естественного отбора [12; 37]. В свою очередь мы предположили, что «собственные функции» Милликан играют роль витгенштейновских правил, в соответствии с которыми механизм функционирует «нормально» [32]. Для Болла мнение нормально тогда и только тогда, когда оно удовлетворяет *норме знания*: ты должен (*ought*) верить, что *p*, тогда и только тогда, когда ты знаешь, что *p*. Это эквива-

лентно *эпистемической допустимости* мнения, то есть его эпистемической обоснованности в смысле наличия «права быть уверенным» (the right to be sure [38]) в истинности мнения, верить правильно, допустимым образом (в случаях Гетье мнение субъекта не является допустимым). Определение знания как истинного обоснованного мнения у Болла сохраняется. При этом понятие обоснования таково, что обоснованное мнение с необходимостью истинно. Очевидно, что позиция Болла подкрепляет нашу точку зрения на знание.

Заключение

Наша точка зрения на знание, основывающаяся на эпистемологии Уильямсона и второй философии Витгенштейна, состоит в том, что знание есть «успешное» мнение, то есть истинное обоснованное мнение, при условии, что эпистемический «провал» между обоснованием (мнением) и фактом (знанием) закрыт «прагматически» в смысле витгенштейновской проблемы следования правилу. Фундаментальным эпистемическим правилом (нормой) для мнения является знание. Эпистемический провал возникает тогда и только тогда, когда эта норма не удовлетворяется. Мы полагаем, что так называемые случаи Гетье имеют прежде всего концептуальный статус. Они указывают на то, что стандартное определение знания как истинного обоснованного мнения что-то упускает из виду. Мы сблизили нашу точку зрения с точкой зрения Хетерингтона, согласно которой знание есть истинное обоснованное мнение, при условии, что осознаётся всякое в эпистемическом смысле специфическое обстоятельство, то есть обстоятельство, неосознание которого исключает знание. Наша точка зрения на знание подкрепляется и подходом Болла.

Список использованных источников

1. *Gettier, E.* Is Justified True Belief Knowledge? / E. Gettier // *Analysis*. – 1963. – Vol. 23 (6). – P. 121–123.
2. *Ольховиков, Г.* Знание как истинное обоснованное мнение. Как обезвредить контр-примеры / Г. Ольховиков // *Логос*. – 2009. – 2 (70). – P. 44–53.
3. *Фролов, К. Г.* О нюансах перевода и цитирования в контексте проблемы Геттиера / К. Г. Фролов // *Вопросы философии*. 2013.
4. *Куслий, П.* Знание, проблема Геттиера и некоторые дискуссии в современной отечественной эпистемологии / П. Куслий // *Вестник ТГУ. Сер.: Философия. Социология. Политология*. Томск. – 2011. № 2. – С. 34–54.
5. *Ламберов, Л. Д.* Как важно быть серьезным: о некоторых критиках Геттиера / Л. Д. Ламберов // *Эпистемология & философия науки*. – 2010. – № 4. – С. 84–90.
6. *Ольховиков, Г. К.* О реальных и мнимых недостатках определения знания как истинного и обоснованного мнения / Г. К. Ольховиков // *Эпистемология & философия науки*. – 2010. – № 4. – С. 91–100.
7. *Антоновский А. Ю.* Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания / А. Ю. Антоновский // *Эпистемология и философия науки*. – 2010. – Т. 26, номер 4. – С. 101–118.
8. *Никифоров, А. Л.* Анализ понятия знания: подходы и проблемы / А. Л. Никифоров // *Эпистемология & философия науки*. – 2009. – № 3. – С. 61–73.
9. *Вострикова, Е. В.* Является ли знание обоснованным высказыванием? / Е. В. Вострикова // *Эпистемология & философия науки*. – 2009. – № 3. – С. 85–88.
10. *Le Morvan, P.* Knowledge before Gettier / P. LeMorvan // *British Journal for the History of Philosophy*. – 2017. – Vol. 25. – №. 6. – P. 1216–1238.

11. *Williamson, T.* A Note on Gettier Cases in Epistemic Logic / T. Williamson // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. – 2015. – 172(1). – P. 129–140.
12. *Ball, B.* Knowledge Is Normal Belief / B. Ball // *Analysis*. – 2013. – Vol. 73. №. 1. – P. 69–76.
13. *Turri J.* Is knowledge justified true belief / J. Turri // *Synthese*. – 2012. – Vol. 184. – P. 247–59.
14. *Sellars, W.* Empiricism and the Philosophy of Mind / W. Sellars // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, vol. I / eds.: H. Feigl, M. Scriven. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1956. – P. 253–329.
15. *Foley, R.* When is True Belief Knowledge? / R. Foley. – Princeton University Press, 2012.
16. *Hannon, M.* Is Knowledge True Belief Plus Adequate Information? / M. Hannon // *Erkenn*.
17. *Hetherington, S.* Knowledge and the Gettier problem / S. Hetherington. – Cambridge UP, 2016.
18. *Hetherington, S.* Abnormality and Gettier Situations: An Explanatory Proposal / S. Hetherington // *Ratio*. – 2011. – Vol. 24. – P. 176–191.
19. *Hetherington, S.* Actually knowing / S. Hetherington // *American Quarterly*. – 1998. – Vol. 48. – P. 453–69.
20. *Hetherington, S.* Knowing failably / S. Hetherington // *Journal of Philosophy*. – 1999. – Vol. 96. – P. 565–87.
21. *Hetherington, S.* Gettieristic Scepticism / S. Hetherington // *Australasian Journal of Philosophy*. – 1996. – Vol. 74. – P. 83–97.
22. *Hetherington, S.* Good knowledge, bad knowledge: On two dogmas of epistemology / S. Hetherington. – Oxford: Clarendon Press, 2001.
23. *Hetherington S.* A Fallibilist and Wholly Internalist Solution to the Gettier Problem / S. Hetherington // *Journal of Philosophical Research*. – 2001. – Vol. 26. – P. 307–324.
24. *Hetherington, S.* Elusive epistemological justification / S. Hetherington // *Synthese*. – 2010. – Vol. 174. – P. 315–330.
25. *Hetherington, S.* How to know: a practicalist conception of knowledge / S. Hetherington. – Malden: MA, Wiley-Blackwell, 2011.
26. *Hetherington S.* The Gettier Illusion: Gettier-Partialism and Infallibilism / S. Hetherington // *Synthese*. – 2012. – Vol. 188. – P 217–230.
27. *Hetherington, S.* Understanding Fallible Warrant and Fallible Knowledge: Three Proposals / S. Hetherington // *Pacific Philosophical Quarterly*. – 2016. – Vol. 97. – P. 270–292.
28. *Williamson, T.* Knowledge and its limits. Oxford University Press / T. Williamson. – 2000.
29. *Williamson, T.* Knowledge First Epistemology / T. Williamson // *Routledge Companion to Epistemology* / eds.: S. Bernecker, D. Pritchard. – Routledge, 2011. – P. 208–218.
30. *Williamson, T.* Knowledge first / T. Williamson // *Contemporary Debates in Epistemology* / eds.: M. Steup, J. Turri, E. Sosa, 2nd ed. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. – P. 1–9.
31. *Williamson, T.* Knowledge still first / T. Williamson // *Contemporary Debates in Epistemology* / eds.: M. Steup, J. Turri, E. Sosa, 2nd ed. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. – P. 22–25.
32. *Pris, F.-I.* Le fossé explicatif dans la philosophie de l'esprit, du point de vue de la deuxième philosophie de Wittgenstein vue comme un naturalisme normatif / F.-I. Pris. – Diffusion ANRT, 2008.
33. *Benoist, J.* Le bruit du sensible / J. Benoist. – Paris: Cerf, 2013.
34. The Gettier problem / ed.: S. Hetherington. – Cambridge UP, 2018.)
35. *Chisholm, R. M.* Perceiving: A Philosophical Study /R. M. Chisholm. – Cornell University Press, 1957.

36. *Benoist, J.* Logique du phénomène / J. Benoist. – Paris, Hermann, 2016.
37. *Millikan, R. G.* Language: a Biological Model / R. G. Millikan. – Oxford: Clarendon Press, 2005.
38. *Ayer, A. J.* The Problem of Knowledge / A. J. Ayer. – London: Macmillan, 1956.

Глава 4

Знание как наиболее общее фактивное ментальное состояние

В этой главе мы рассматриваем аргументы М. Шрёдера, согласно которым перцептивное ментальное состояние «видеть, что», вообще говоря, не является знанием и, следовательно, знание не является наиболее общим фактивным ментальным состоянием (установкой) [1]. Этот вывод противоречит позиции Т. Уильямсона [2]. В частности, мы анализируем, каким образом Шрёдер применяет положения, что наличие знания с необходимостью влечёт наличие мнения, и что знание есть норма для мнения, которые он разделяет с Уильямсоном. Таким образом, мы обращаемся к ЭСЗ Уильямсона [2–4], но также к витгенштейновскому по духу терапевтическому методу анализа понятия перцептивного опыта, предложенного в работах Ж. Бенуа [5; 6; 7]. Мы показываем, что аргументы Шрёдера основаны на ложной предпосылке, что перцептивный опыт сам по себе может иметь репрезентационное содержание. «Видеть, что» не есть чистая перцепция, а концептуализированный перцептивный опыт, предполагающий знание. Мы, таким образом, отдаём предпочтение позиции Уильямсона.

Как известно, для Т. Уильямсона знание есть наиболее общее фактивное ментальное состояние (пропозициональная установка) [2]. Например, такое фактивное ментальное состояние как «видеть, что р» является знанием. Шрёдер приводит два аргумента, направленных против последнего и, следовательно, первого утверждений [1].

Аргумент 1 предполагает уильямсоновскую позицию, что всякое знание является мнением в следующем смысле: *необходимо*: если субъект знает, что р, то он верит (имеет мнение), что р.

Шрёдер утверждает, что можно видеть, что р, то есть находиться в фактивном ментальном (перцептивном) состоянии, и не иметь мнения (не верить), что р, а, следовательно, и не знать, что р.

В качестве очевидного он принимает положение, что перцепция может *представлять* гораздо больше вещей, чем мы формируем мнений о них. Это положение содержит фундаментальную предпосылку, что перцепция сама по себе имеет репрезентационное содержание.

На наш взгляд эта предпосылка ложна (см., например, детальный аргумент в [5], а также см. [6]). Здесь мы рассмотрим лишь, какую роль предпосылка Шрёдера (которую он не просто принимает, но которой он даёт некоторое обоснование) играет в его аргументах.

В одном из своих примеров Шрёдер предполагает, что субъект может видеть, что что-то имеет место, не формируя при этом мнения, что оно имеет место (хотя он находится в положении с лёгкостью его сформировать), и, следовательно, не зная, что оно имеет место, если он в это время думает о чём-то другом. Например, проходя мимо открытой двери и размышляя о философии Канта, субъект может видеть, что дверь открыта, не формируя мнения (не зная), что она открыта. Мнение, что дверь была открыта, он может сформировать позже, вспоминая о своём передвижении. При этом, согласно Шрёдеру, субъект скажет, что он видел, что дверь была открыта (хотя он не знал (не имел мнения), что она была открыта). С точки зрения Шрёдера это является тестом, что субъект действительно видел, что дверь открыта. (Хотя Шрёдер делает различие между «видеть» и «видеть, что», иногда он употребляет «видеть» в смысле «видеть, что» и утверждает, что из него не следует «знать (что)». Мы согласны лишь с тем, что из «видеть» не следует «знать». См. ниже.)

На наш взгляд, в описанной ситуации, субъект не видит, что дверь открыта, хотя он видит открытую дверь. Аналогичным образом – это пример Уильямсона – можно смотреть в направ-

лении дождя и владеть соответствующими концептами, но не видеть, что идёт дождь именно потому, что не знаешь, что идёт дождь. В этом случае субъект видит ситуацию, в которой идёт дождь, но не видит, что идёт дождь. Согласно Уильямсону, «есть различие между видеть, что А, и видеть ситуацию, в которой А» [2, р. 38].

Когда в примере с открытой дверью субъект говорит, что он видел открытую дверь, он формирует мнение, что дверь была открыта. Поэтому он с лёгкостью может также сказать, что он видел, что дверь была открыта (или же сказать, что он видел открытую дверь в смысле «видел, что дверь была открыта»). Таким образом, на наш взгляд, он ошибочно припишет себе, каковым он был в прошлом, настоящий концептуализированный опыт.

Вспоминая и размышляя о том, что он видел в прошлом, субъект делает суждение и формирует мнение. Если он говорит/думает, что он видел, что дверь была открыта, он добавляет к своему прошлому перцептивному опыту видения открытой двери суждение, что дверь была открыта, и говорит, что он видел, что дверь была открыта. То есть «видеть, что» предполагает наличие суждения и, соответственно, мнения и (если суждение является истинным и корректным) знания. С этой точки зрения, поскольку в тот момент, когда субъект видел открытую дверь, он не имел мнения, что дверь открыта, то, соответственно, он и не видел, что дверь открыта.

Мы полагаем, что перцепция сама по себе (видеть открытую дверь) такова, каковой она является. Между ней и реальностью нет никакой дистанции. Она не имеет содержания, ни о чём не говорит [5; 6; 7]. Содержание имеет ассоциированное с перцепцией суждение. «Видеть, что» не является чистой перцепцией.

Другой пример Шрёдера состоит в том, что мы всегда сначала видим, что р, и лишь потом формируем мнение, что р. Формирование мнения требует времени. Следовательно, заключает Шрёдер, можно видеть, что р, не зная, что видишь, что р.

С нашей точки зрения время требуется для формирования, исходя из первичного перцептивного опыта «видеть» (ситуацию, в которой р), концептуализированного опыта «видеть, что р». Последний, однако, предполагает наличие мнения и (если мы действительно видим, что р) знания.

Наконец, третий пример Шрёдера, иллюстрирующий его Аргумент 2, основан на применении уильямсоновского положения, что знание есть норма для мнения (а не независимого от него положения, что наличие знания подразумевает наличие мнения). Из этого положения вытекает, что если субъект знает, что р, то для него рационально верить, что р. (см., например, [2]).

Шрёдер утверждает, что возможна ситуация, когда субъект не может рационально верить, что р, несмотря на то что он видит, что р. Поэтому видеть, что р, не означает знать, что р. Например, если субъект рационально, но ложно, верит, что стёкла его очков красные, то хотя на самом деле это не так, он не может рационально верить, что предмет, на который он смотрит и который ему кажется красным, действительно является красным. В то же время, согласно Шрёдеру, он видит, что предмет красный (поскольку на самом деле стёкла его очков обычные). Следовательно, заключает Шрёдер, в случае наличия субъективного перцептивного дефитора (таковым в данном случае является ложное мнение, что стёкла очков красные) из «видеть» (Шрёдер имеет в виду «видеть, что») не только не следует «знать (что)», но даже не следует «быть в положении знать (что)». Субъект не только не верит (не может рационально верить), что перед ним красный предмет, но он даже не находится в положении рационально верить, что перед ним красный предмет (то есть верить в то, что он видит). Напротив, в предыдущих примерах субъект находился в положении, в котором он мог с лёгкостью сформировать «мнение, что» (что (он видел, что) дверь (была) открыта).

В пользу того, что субъект видит, что предмет красный, Шрёдер приводит следующий тест. Если впоследствии субъект обнаружит, что его очки имеют обычные стёкла, он скажет,

что он видел, что предмет красный, но не верил (и, следовательно, не знал), что предмет красный. Выше мы уже привели возражение против аналогичного рода теста.

Данная ситуация, однако, несколько другая. Аргумент Шрёдера может быть опровергнут или, во всяком случае, поставлен под сомнение двумя способами. Во-первых, можно сказать, что при наличии субъективного дефитора субъект видит красный предмет, но не видит, что предмет красный (он, однако, видит (знает), что предмет выглядит красным), то есть теряет первоначальное знание (если оно у него было), что предмет красный, и одновременно перестаёт видеть, что предмет красный. «Видеть, что» имеет концептуальную составляющую, то есть является результатом суждения. При наличии дефитора субъект не способен сделать обоснованное суждение, что перед ним красный предмет. Если дефитор нейтрализован, опыт «видеть, что» восстанавливается. Во-вторых, альтернативным образом, можно также предположить, что субъект, несмотря на его ложное рациональное мнение/дефитор, что его очки имеют красные стёкла, действительно видит, что предмет красный. Но тогда следует заключить, что он знает, что предмет красный, а, следовательно, если предположить, что наличие знания влечёт наличие мнения, верит, что предмет красный. Быть может, он не знает, что он знает, что предмет красный. Невозможность формирования осознанного рационального мнения, что предмет красный, может не противоречить только что сказанному.

Уильямсон говорит, что можно знать, что *p* (например, не просто видеть дождь, а видеть, что идёт дождь), но не знать, что знаешь, что *p* (не знать, что знаешь, что идёт дождь, то есть не знать, что видишь, что идёт дождь) [2, p. 38].

В примере Шрёдера вследствие наличия дефитора субъект сомневается в том (рационально не верит), что предмет красный, хотя он видит, что предмет красный («видит красный предмет» в смысле «видит, что предмет красный»). В рамках эпистемологии сначала-мнения из этого сомнения следует вывести отсутствие обоснованного мнения и знания. Шрёдер так и поступает. Но в рамках ЭСЗ, наоборот, у субъекта есть мнение, что предмет красный потому, что он знает, что предмет красный.

Уильямсон критикует позицию, согласно которой можно видеть, что *p*, или помнить, что *p*, и не знать, что *p*, например, по той причине, что есть основания полагать, что галлюцинируешь или воображаешь (поскольку в этом случае либо отказываются от мнения, что *p*, либо это мнение оказывается необоснованным. В любом случае это приводит к потере знания) [2, p. 37–38]. Он пишет: «Видеть и вспоминать, вероятно, подразумевает не только истинность, но и знание: если видишь, что идёт дождь, то знаешь, что идёт дождь; если вспоминаешь, что шёл дождь, знаешь, что шёл дождь. Возражения относятся к случаям, в которых перцептивный аппарат или память на самом деле функционируют подходящим образом, но вводящая в заблуждение очевидность ставит под сомнение их подходящее функционирование. Не очевидно, однако, что в этих случаях видишь или вспоминаешь, что *P*, не зная, что *P*. Можно видеть дождь, не видя, *что* идёт дождь, или вспоминать дождь, не вспоминая, *что* шёл дождь, если не удастся опознать дождь как дождь. Альтернативным образом, если опознаёшь дождь как дождь, то, вероятно, знаешь, что идёт или шёл дождь. Тот факт, что вводящая в заблуждение очевидность ставит под сомнение наличие знания, ещё не означает, что не знаешь» [3, p. 215].

Для Уильямсона перцептивный опыт сам по себе не является очевидностью. В то же время очевидность может быть основана на визуальном опыте. Очевидность пропозициональна, тогда как визуальный опыт не имеет пропозиционального или непропозиционального содержания [2, p. 197–200]. (См. также [4–6].) Вот один из примеров Уильямсона: «Я пытаюсь идентифицировать гору по её форме. Я могу видеть, что она остроконечная; то, что она остроконечная, может быть частью моей очевидности для мнения, что это не Бен Невис. Однако, предложение, что она остроконечная не исчерпывает мой настоящий перцептивный опыт. Никакое словесное описание горы, как кажется, не схватывает богатства моего визуального

опыта её нерегулярной формы. Но отсюда не следует, что моя очевидность является непропозициональной» [2, р. 197]. Сказанное, как нам кажется, находится в согласии с позицией Бенуа [5]. Визуальный опыт горы сам по себе не есть очевидность. Сам по себе он не имеет содержания, в том числе и так называемого «непропозиционального». Но на его основе можно сформировать много предложений (употребляя фразы (sentences) в контексте), каждое из которых может быть очевидностью.

Вернёмся к примеру Шрёдера с открытой дверью. Подобно тому, как можно видеть (остроконечную) гору и не видеть, что она остроконечная, можно видеть (открытую) дверь и не видеть, что она открыта. На основе визуальной перцепции остроконечной горы формируется мнение (знание), что гора остроконечная, и, соответственно, начинаешь видеть, что гора остроконечная. Подобным же образом, на основе визуальной перцепции открытой двери формируется мнение (знание), что дверь открыта, и, соответственно, начинаешь видеть, что дверь открыта.

Итак, на наш взгляд, «видеть, что» не есть чистая перцепция. Это концептуализированный перцептивный опыт, имеющий репрезентационное пропозициональное содержание и предполагающий суждение и, соответственно, мнение и знание (если суждение является корректным). Шрёдер полагает, что предпосылки его аргументов, которые мы рассмотрели выше, являются не менее слабыми, чем предпосылки аргументов Уильямсона.

Исходя из вышесказанного, мы, однако, отдаём предпочтение позиции Уильямсона, что перцептивные фактивные установки вида «видеть, что» являются знанием⁹³.

Список использованных источников

1. *Schroeder, M.* Knowledge is Not the Most General Factive Stative Attitude / M. Schroeder. – Unpublished manuscript. – Mode of access: <https://markschroeder.net/epistemology>. – Date of access: 05.10.2021.
2. *Williamson, T.* Knowledge and its Limits / T. Williamson. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
3. *Williamson, T.* Knowledge first / T. Williamson // The Routledge Companion to Epistemology / eds.: S. Bernecker, D. Pritchard. – Routledge, 2011. – P. 208–218.
4. *Williamson, T.* Response to Cohen, Comesaña, Goodman, Nagel, and Weatherson on Gettier Cases in Epistemic Logic / T. Williamson // Inquiry. – 2013. –56(1). – P. 77–96.
5. *Benoist, J.* Le bruit du sensible / J. Benoist. – Paris: Cerf, 2013.
6. *Benoist, J.* La logique du phénomène / J. Benoist. – Paris: Hermann, 2016.
7. *Benoist, J.* Eléments de philosophie réaliste / J. Benoist. – Paris: Vrin, 2011.
8. *Cozzo, C.* Is Knowledge the Most General Factive Stative Attitude? / C. Cozzo // Logic and Language / eds.: C. Celluci, E. Ippoliti, E. Grosholtz. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – P. 8488.
9. *Hyman, J.* The Most General Factive Stative Attitude / J. Hyman // Analysis. – 2014. – 74(4). – P. 561–565.

---

⁹³ См. также обсуждение уильямсоновского определения знания как наиболее общей фактивной пропозициональной установки в [8–9].

Глава 5

Проблема Гетье и контекстуализм Льюиса

В этой главе мы показываем, что контекстуальное определение знания, предложенное Льюисом, не решает проблему Гетье. Проблемы, с которыми сталкивается подход Льюиса, скорее, свидетельствуют в пользу того, что удовлетворительная эпистемологическая теория должна принять первичность знания и эквивалентность знания и очевидности, что приводит к эпистемологии сначала-знания Т. Уильямсона. Правила, которые вводит Льюис для определения релевантных возможных сценариев, которые должны быть приняты во внимание в рамках его подхода к знанию, являются *ad hoc*. В частности, Льюис признаётся, что он не знает, каким образом переформулировать правило подобия, чтобы исключить сценарий радикального скептицизма не способом *ad hoc*. В качестве общего принципа для правил Льюиса мы предлагаем принцип семейного сходства, понятый как наличие общего витгенштейновского правила и, в частности, общих петлевых предложений. Скорректированное соответствующим образом льюисовское определение знания совместимо как с витгенштейновской петлевой эпистемологией, так и подходом сначала-знания Уильямсона.

1. Введение

Согласно Т. Уильямсону, проблема Гетье, возникающая в рамках стандартной эпистемологии, плохо поставлена, и поэтому не решается. Соглашаясь с такой оценкой, мы, тем не менее, полагаем, что предлагаемые решения проблемы, даже если они в конечном итоге оказываются неуспешными, позволяют лучше понять её ложные предпосылки и предпосылки стандартной эпистемологии в целом. Эти решения связаны с поиском успешного определения знания. Ниже мы рассмотрим определение знания и, соответственно, решение проблемы Гетье, предложенные Д. Льюисом [1]. Мы предложим интерпретацию этого определения (с необходимой коррекцией) в терминах витгенштейновской эпистемологии и эпистемологии сначала-знания (далее: ЭСЗ) Уильямсона [2].

В качестве первого примера (мысленного эксперимента) мы рассмотрим версию одного из оригинальных примеров Гетье [3] (о проблеме Гетье см. [4]). Предположим, что Сью верит, что Ногот или Хэвит владеет Фордом. Она верит, что Ногот владеет Фордом на том основании, что она часто видит, как он управляет Фордом. В то же время она никогда не видела, чтобы Хэвит управлял автомобилем, и часто видит, как он пользуется общественным транспортом. Предположим, однако, что Ногот просто арендовал Форд, тогда как Хэвит владеет Фордом, но никогда им не пользуется. Тогда с точки зрения стандартной эпистемологии убеждение Сью, что либо Ногот, либо Хэвит владеет Фордом истинно и обоснованно. И всё-таки это не знание.

Дело в том, что истинность убеждения Сью не имеет отношения к той очевидности, которой она располагает. Более того, эта очевидность вводит её в заблуждение. Она ложно верит, что Ногот владеет Фордом. Исходя из этой ложной посылки, она и приходит к убеждению, что либо Ногот, либо Хэвит владеет Фордом. Это убеждение истинно лишь случайно – благодаря тому, что у Хэвита есть Форд. При этом предполагается, что супервернтное на имеющейся очевидности – Сью часто видит, что Ногот управляет Фордом – обоснование её убеждения, что Ногот владеет Фордом, передаётся от посылки к заключению в результате логического вывода следующего вида: если А, то А или В (для любых А и В). Эпистемический принцип замкнутости обоснования гласит, что если посылка логического вывода обоснована, то обосновано и следствие, при условии, что субъект корректно выводит следствие из посылки, удер-

живая в процессе этого логического вывода обоснование своей посылки. (Аналогичный принцип замкнутости справедлив для знания⁹⁴).

Таким образом, традиционное определение знания как обоснованного истинного убеждения (*belief*) опровергается контрпримерами⁹⁵. Причина, как известно, в фаллибилизме традиционного подхода, в котором обоснование (обоснованность) не гарантирует истинность убеждения. То есть сколь угодно хорошо обоснованное убеждение может оказаться ложным. Отсюда следует, что сколь угодно хорошо обоснованное убеждение может также оказаться истинным лишь случайно, благодаря, как говорят, эпистемической удаче. Истинность такого убеждения не обусловлена его обоснованием. Скажем, что между тем и другим имеется эпистемический и онтологический (между ними нет подходящей причинной связи, контакта) «провал».

Напротив, в рамках ЭСЗ Т. Уильямсона обоснование фактивно, то есть с необходимостью влечёт наличие соответствующего факта – обоснованное убеждение с необходимостью истинно. Провал закрыт как на эпистемическом, так и онтологическом уровнях (для Уильямсона знание – наиболее общее фактивное ментальное состояние). В этом смысле его подход является инфаллибилистским [2]. Знание, таким образом, – обоснованное истинное убеждение. Но эта формулировка лишь формально совпадает со стандартным определением знания. В рамках ЭСЗ первичным эпистемическим концептом, в терминах которого объясняются все другие эпистемические понятия, является знание, а не убеждение.

2. Контекстуализм Льюиса

Ещё до создания Т. Уильямсоном альтернативной радикально экстерналистской ЭСЗ, Д. Льюис отказался от традиционного фаллибилистского определения знания как истинного убеждения с обоснованием. Для него наличие обоснования в традиционном смысле не является ни достаточным, ни необходимым условием для того, чтобы истинное убеждение было знанием. Например, в случае лотереи сколь угодно хорошо обоснованное истинное убеждение в том, что билет (будет) невыигрышный, не является знанием, а в случае знания, приобретаемого в результате непосредственного перцептивного восприятия, воспоминания или от свидетеля, истинное убеждение не имеет обоснования⁹⁶. Вместо стандартного фаллибилистского определения знания Льюис предлагает экстерналистское инфаллибилистское определение знания в рамках своей версии атрибуторного эпистемического контекстуализма. Но это ограниченный (контекстуальный) инфаллибилизм, не ведущий к скептицизму.

Согласно определению Льюиса, знание приписывается субъекту атрибутором (таковым может быть сам рассматриваемый субъект) в контексте. То есть в зависимости от контекста атрибутора высказывание «S знает, что p» может быть истинным или ложным, несмотря на то что с чисто эпистемической точки зрения ситуация одна и та же. Контекст определяется практическими потребностями и целями атрибутора. Например, с точки зрения Льюиса, в зависимости от практического контекста субъект может не знать или знать (если стандарты для знания невысоки), что он вытянет невыигрышный лотерейный билет.

Точное определение знания в рамках контекстуального подхода Льюиса таково: высказывание «S знает, что p» истинно в контексте атрибутора, если и только если имеющаяся у S очевидность в пользу истинности p позволяет исключить, что p ложно, то есть исключить, что p ложно во всех возможных относительно имеющейся очевидности релевантных сценариях

---

⁹⁴ Это одна из версий принципа замкнутости. Отметим, что мы здесь не делаем различия между принципом замкнутости обоснования (знания) и принципом передачи обоснования (знания), которые очень близки.

⁹⁵ Термины «убеждение» и «мнение» мы употребляем как синонимы.

⁹⁶ Также для Льюиса возможно знание в отсутствие соответствующего убеждения. С точки зрения ЭСЗ всякое знание с необходимостью обоснованное убеждение.

(далее мы будем также говорить о «возможных мирах», или возможностях). Нерелевантные возможности просто игнорируются. Он пишет: « S знает, что P , *если и только если* очевидность S исключает всякую возможность, в которой не- P – $Psst!$ – за исключением тех возможностей, которые мы должным образом игнорируем» [1, р. 553–554]. Релевантные возможности (сценарии) – возможности, которые не игнорируются. Множество релевантных возможностей, то есть смысл и область действия квантификатора «всякая» (релевантная возможность), зависит от контекста атрибутора. Таким образом, от контекста атрибутора зависят и смысл слова «знает», и, соответственно, пропозициональное содержание и истинностные условия « S знает, что p ».

Это семантический контекстуализм.⁹⁷

Льюис предлагает набор из семи правил, позволяющих определить релевантные возможности (сценарии, миры). Как представляется, основным правилом релевантности является правило подобия. К релевантным возможностям Льюис относит актуальность (актуальный мир) и все подобные ей в данном контексте возможности, совместимые с очевидностью.

К очевидности Льюис относит перцептивный опыт и память, а также всё то, что действительно могло бы быть очевидностью. То есть никаких ограничений на то, что принимать за очевидность, не делается. В то же время понятие очевидности, на наш взгляд, остаётся достаточно расплывчатым (см. также раздел 7 ниже). Это контрастирует с подходом Уильямсона, в рамках которого имеет место эквивалентность между очевидностью и полным знанием (в контексте). Ниже мы посмотрим на подход Льюиса именно с этой точки зрения.

Итак, у Льюиса подобные возможности (возможные сценарии (миры)) – это контекстуально релевантные возможности относительно той же самой очевидности и, соответственно, обоснования. Концепты очевидности и обоснования при таком порядке рассмотрения предшествуют концепту знания, если только не приравнивать очевидность к знанию, как это делает Уильямсон. С одной стороны, подход Льюиса инфаллибилистский, так как в случае знания, что p , имеющаяся очевидность исключает ложность p . С другой стороны, это ограниченный инфаллибилизм, так как игнорируются нерелевантные возможные миры. Нерелевантные возможные миры, как уже было сказано, – это возможные миры, у которых в данном контексте атрибутора нет сходства с актуальным миром и, соответственно, с релевантными возможными мирами.

Правило подобия неприменимо к сценарию радикального скептицизма. Льюис пишет: «Похоже, что у нас есть *ad hoc* исключение из Правила, хотя оно разумно в связи с функцией атрибуции знания. Однако лучше было бы найти способ переформулировать Правило таким образом, чтобы получить необходимое исключение не *ad hoc*. Я не знаю, как это сделать» [1, р. 556–557]. Мы попытаемся устранить эту проблему.

Прежде всего отметим, что, на наш взгляд, в конечном итоге подход Льюиса, как и многие другие подходы, принимающие основные положения стандартной эпистемологии, не решает проблему Гетье, а фактически переформулируют её таким образом, что становится ясно, что проблема не имеет решения и должна быть устранена путём устранения её ложных предпосылок, переформулировки основных эпистемических понятий и изменения направления объяснения в эпистемологии. Несмотря на то, что, как известно, предложенное Льюисом определение знания оказалось проблематичным, оно, на наш взгляд, указывает на существенные структурные элементы знания, и, как мы полагаем, может быть преобразовано в определение, совместимое как с подходом сначала-знания, так и витгенштейновской петлевой эпистемологией.

С этой целью мы предлагаем интерпретировать льюисовское условие подобия как витгенштейновское условие семейного сходства. Семейное сходство, в свою очередь, мы понимаем

⁹⁷ Поскольку у Льюиса обоснование не играет существенной роли для знания, его контекстуализм апеллирует непосредственно к контекстуальным стандартам для знания, а не обоснования.

как наличие общего (в общем случае имплицитного) правила в смысле философии позднего Витгенштейна, то есть правила, управляющего языковыми играми. Такое правило мы называем витгенштейновским правилом (далее: в-правилом). Роль такого правила могут, в частности, играть витгенштейновские петлевые предложения⁹⁸.

Витгенштейновскую эпистемологию, на наш взгляд, можно сочетать с ЭСЗ. Различие между знанием и незнанием первично. Знание не выводимо, исходя из очевидности или обоснования, которые являются вторичными понятиями, объясняемыми в терминах знания. На льюисовское определение знания в терминах релевантных возможностей мы посмотрим с точки зрения экспликации концепта знания, предполагающей его первичность.

3. Витгенштейновская модификация подхода Льюиса

Вернёмся к нашему примеру. С точки зрения Льюиса высказывание «Сью знает, что Ногот либо Хэвит владеет Фордом» ложно, так как очевидность в распоряжении Сью не позволяет исключить релевантную возможность, что Ногот арендовал автомобиль, а у Хэвита нет автомобиля, в которой высказывание «Ногот или Хэвит владеет Фордом» ложно. Эта возможность релевантна, потому что в рассматриваемом контексте она подобна актуальной ситуации. Действительно, она в точности совпадает с актуальной ситуацией Ногота, и достаточно близка к актуальной ситуации Хэвита: хотя в актуальной ситуации Хэвит владеет Фордом, в рассматриваемом контексте имеется достаточное сходство её с ситуацией, в которой он не владеет автомобилем, поскольку владение автомобилем сильно коррелирует, как пишет Льюис, с вождением автомобиля, а Хэвит никогда не пользуется автомобилем.

На наш взгляд, критерий подобия Льюиса остаётся интуитивным. Можно всегда возразить: именно потому, что мы уже знаем, что у Сью нет знания, мы трактуем только-что описанную возможную ситуацию, в которой высказывание «Ногот или Хэвит владеет Фордом» ложно, как релевантную, то есть подобную актуальной. Попытаемся подойти к вопросу о релевантности/подобии более строго.

Рассмотрим следующие предложения, выражающие опыт и память Сью, которые принимаются в качестве очевидности: «Сью часто видит, как Ногот управляет Фордом» (отсюда следует, истинность предложения «Ногот часто управляет Фордом»), «Хэвит пользуется общественным транспортом», «Сью никогда не видела, чтобы Хэвит управлял автомобилем» (можно даже предположить, что Сью знает, что Хэвит не умеет управлять автомобилем. С точки зрения логической это не исключает, что у него есть автомобиль. Тогда истинным будет предложение «Хэвит не управляет автомобилем»). На самом деле, эти предложения выражают знание, или очевидность как знание (в соответствии с ЭСЗ Уильямсона). В контексте атрибутора, оценивающего истинность предложения «Сью знает, что Ногот или Хэвит владеет Фордом», с точки зрения эпистемологии Витгенштейна эти предложения могут также рассматриваться как петлевые предложения, имеющие логическую достоверность, или, во всяком случае, как витгенштейновские правила (далее: в-правила), если последние трактовать как нечто более конкретное, чем петлевые предложения – наиболее общие правила, относящиеся к «грамматике формы жизни». Как уже было сказано, в-правила управляют языковыми играми, которые суть их употребления. Они эксплицитны или имплицитны, так сказать, в рамках более или менее локальной/глобальной «формы жизни», «контексте». Лишь в рамках «грамматически»/логически структурированной «формы жизни» (которая суть совокупность употреблений в-правила), контекста, языковой игры, имеет смысл ставить вопрос об истине и знании.

Правила «Ногот часто управляет Фордом», «Хэвит пользуется общественным транспортом» и, быть может, «Хэвит не умеет управлять автомобилем» автоматически применимы к

---

⁹⁸ Роль этого понятия играет у Льюиса понятие прагматических пресуппозиций Сталнакера, на которого он ссылается.

актуальной ситуации, так как они извлекаются из неё. Они также применимы к ситуации, в которой Ногот арендовал Форд, а у Хэвита нет автомобиля. Именно в этом смысле эти две возможности (ситуации) подобны друг другу.

В-правила и, в частности, ПП, укоренены в контексте по определению, а не навязываются данной ситуации извне. И без ПП нет, строго говоря, никакого контекста, так как о контексте можно говорить тогда и только тогда, когда можно делать различия, то есть тогда и только тогда, когда есть нормативное (концептуальное) измерение. Другими словами, контекст не внешнее условие. В рамках своего контекстуального реализма Ж. Бенуа говорит о понятии контекста в тесной связи с нормативностью и понятием реальности: «(...) Контекст – это не столько внешнее ограничение смысла – как если бы реальность, так сказать, ударила по смыслу извне – сколько проявление того, что смысл *эффективно укоренен* в реальности, а также то, что способствует конституированию самого смысла. Если смыслу не нужно “вступать в контакт” с реальностью, то это потому, что он уже активен как подлинное нормативное “движение” в пространстве реальности» [5, р. xii – xiii].

Как уже было сказано выше, наша цель обосновать предположение, что льюисовское понятие подобия лучше всего интерпретировать как витгенштейновское семейное сходство, то есть сходство между (реальными) употреблениями одного и того же в-правила (или ПП). Более того, все другие правила релевантности могут быть выведены из так понятого критерия подобия. Семейное сходство – это тот общий принцип, который также позволяет исключить ситуации радикального скептицизма как ситуации, которые, на самом деле, не имеют сходства с релевантными ситуациями и, в частности, актуальной ситуацией, поскольку в-правила, управляющие последними не применимы к первым. В рамках атрибуторного контекстуализма речь идёт о том, что скептик принимает очень высокие стандарты. В скептическом контексте атрибутора субъект не знает, что он не мозг в бочке. С точки зрения обыденных стандартов для знания ситуация радикального скептицизма исключается из рассмотрения. В обыденном контексте атрибутора субъект знает, что он не мозг в бочке.

Итак, согласно предлагаемой точке зрения, контекст атрибутора – локальная «форма жизни», имеющая свою грамматику, то есть в-правила и ПП. Релевантные возможности определяются реальными употреблениями этих в-правил/ПП, то есть семейным сходством между ними. В частности, некоторые петлевые эпистемологи принимают в качестве ПП следующие предложения: «Я не мозг в бочке», «Я не сплю», «Внешний мир существует», «То, что Ногот управляет Фордом, не оптическая иллюзия» (ситуация, на самом деле, сложнее. Но здесь у нас нет возможности рассматривать проблему радикального скептицизма). Таким образом, ситуация радикального скептицизма, в которой Сью мозг в бочке, автоматически исключается как не имеющая подобия с актуальной⁹⁹. Нерелевантные возможности (миры) – возможности (миры), которые управляются другими в-правилами (другой системой ПП)¹⁰⁰.

Если за очевидность принимается видимость, то, например, исключение сценария радикального скептицизма оказывается плохо мотивированным. Этот сценарий, так же, как и соответствующий обыденный сценарий, совместим с так понятой очевидностью. В обыденном контексте он, однако, исключается. Контекстуализм отличает обыденное знание от знания в соответствии с радикально высокими стандартами, которое в обыденном сценарии отсутствует. Таким образом, при фиксированной очевидности контекст, стандарты, смысл «знает» и истин-

⁹⁹ Ситуация радикального скептицизма совместима с очевидностью, понятой как видимость, а не как знание. В контексте, в котором «внешний мир существует» есть ПП, она исключается как нерелевантная. В соответствии со своими ПП субъект не может рационально верить, что он мозг в бочке. (Отметим, что «внешний мир» не объект. Строго говоря, нет смысла говорить о его (не)существовании. И то, что предложение «Внешний мир существует» принимается за ПП, может об этом свидетельствовать. Но с точки зрения ЭСЗ Уильямсона следует просто сказать: мы знаем, что вещи существуют.)

¹⁰⁰ Ещё раз отметим, что для Льюиса в разных контекстах атрибутор имеет дело с разными предположениями – «пресуппозициями». См. сноску 98.

ностное значение «Субъект знает, что, что р» варьируются. Очевидность и контекст (релевантные миры) суть независимые переменные.

Семантический атрибуторный контекстуализм предполагает, что релевантные миры могут варьироваться в зависимости от контекста атрибутора, при одной и той же очевидности, поскольку варьируются стандарты для знания. Как нам представляется, наше предложение, что подобие между релевантными мирами – это семейное подобие, лучше вписывается в представления, согласно которым очевидность эквивалентна знанию. В этом случае очевидность и контекст не независимые переменные, так как знание, а, следовательно, и очевидность контекстуальны. Если в одном контексте атрибутора субъект знает, что р, в другом нет, то его очевидность будет разная, так как в первом случае она будет включать р, тогда как во втором случае нет. Это означает, что можно просто обойтись понятием очевидности (в контексте). Сказанное предполагает эквивалентность очевидности и знания.

Определение знания, таким образом, может быть дано лишь в терминах очевидности (отметим, что для Уильямсона, в случае знания условная на очевидности вероятность равна единице, то есть провал между очевидностью и истинным мнением (фактом) закрыт – истинное мнение является знанием, само относится к очевидности [2]). В этом случае сценарий радикального скептицизма исключается имеющейся очевидностью: если субъект знает, что р, то у него есть очевидность, что р, и, следовательно, очевидность, что он не мозг в бочке. Мозг в бочке не знает, что р, и, следовательно, у него нет очевидности, что р, хотя у него есть видимость, что р.

Если к очевидности относится само предложение р (как знание), то во всех релевантных ситуациях р автоматически истинно, так как рассматриваются только такие ситуации, которые совместимы с очевидностью.¹⁰¹ Наоборот, если р не относится к очевидности, то есть р не знание, автоматически возможна релевантная ситуация, в которой р ложно. Здесь релевантная ситуация – ситуация, совместимая с очевидностью. (Понятие контекста не независимо.) Релевантность здесь можно трактовать как подобие между возможными употреблениями в-правила или ПП, которые лежат в основании так понятой очевидности как знания. Наоборот, если мы трактуем правило подобия Льюиса как семейное сходство – сходство между укоренёнными в реальности языковыми играми, – очевидность следует рассматривать не как видимость, а как знание. Это означает, что знание первично. Наличие знания нельзя вывести из применения других концептов, без обращения к концепту знания. В свете формулы Уильямсона, что очевидность эквивалентна знанию, определение Льюиса предстаёт как форма выражения первичности знания, как экспликация некоторых необходимых для знания условий.

Итак, роль принципа подобия хорошо объясняется эквивалентностью очевидности и знания. Если субъект не знает, что р, его очевидность не включает в себя р (употребление соответствующих ПП, совместимо с ложностью р), возможность не-р релевантна, то есть подобна актуальной. Если же в контексте субъект знает, что р, то само р будет относиться к очевидности или, быть может, даже быть ПП (и тогда во всех возможных мирах, совместимых с очевидностью, р автоматически истинно), и возможность не-р, не релевантна, то есть не подобна актуальной. Только в том случае, если р относится к очевидности, если р – знание или ПП, ложность р не совместима с очевидностью. Такая точка зрения на подход Льюиса сводит его к ЭСЗ.

4. Правила Льюиса как грамматические тавтологии

Как уже было сказано, Льюис вводит семь правил (критериев) релевантности: актуальность, убеждение, сходство, надёжность, метод, консерватизм, внимание [1], [6, р. 202–203].

¹⁰¹ В более современных терминах знание с необходимостью безопасное (safe) истинное убеждение. Условие безопасности означает, что при том же самом методе формирования убеждения, оно не ложно в «ближайших возможных мирах». При этом само истинное мнение в ближайших возможных мирах может варьироваться.

Это ad hoc правила, которые не направляются общим принципом. Мы утверждаем, что таким общим принципом является принцип семейного сходства, то есть наличие общего в-правила (или общих ПП), а все правила Льюиса – его следствие (или аспекты). Это можно назвать «грамматической интерпретацией» правил Льюиса как аспектов одного и того же понятия в-правила.

Выше мы уже интерпретировали льюисовское правило подобия как правило семейного сходства, то есть как подобие между употреблениями одного и того же в-правила (или одних и тех же ПП), в качестве которого выбирается правило очевидности как знания, или совокупность ПП, лежащих в основании очевидности.

Наличие парадигматических (устоявшихся) применений в-правила, между которыми имеется семейное сходство – неотъемлемая характеристика в-правила (эту характеристику можно взять за его определение). Парадигматические применения в-правила – результат применения надёжного метода. К соответствующим ПП могут, например, относиться предложения о безошибочном функционировании перцепции, памяти и других процессов, как правило, приводящих к формированию истинных убеждений. Парадигматические (устоявшиеся) применения правила можно рассматривать и как образцы для его применения. С ними также ассоциируются общепринятые конвенции. Общее знание можно трактовать как (логическое) знание грамматики формы жизни, то есть эксплицитное или имплицитное знание в-правил (ПП). То, что называют абдукцией – экспликация имплицитного в-правила, которое наилучшим образом объясняет свои языковые игры – «явления».

Следовательно, к релевантным возможным мирам как употреблениям очевидности, соответствующих ПП (или соответствующего в-правила) автоматически не относятся возможности нарушения общих конвенций, ошибок в надёжных процессах, образцах или абдукции. Любые такие нарушения были бы нарушением в-правила (ПП). Мы приходим к льюисовским правилам консерватизма (согласно которому возможности, которые игнорируются конвенционально, не релевантны), надёжности (согласно которому нерелевантными считаются возможности ошибки в надёжном процессе, к которым, в частности, относятся перцепция и память), и метода (согласно которому ошибки в образцах и абдукции нерелевантны).

Отметим, что для Льюиса указанные правила отменяемы (defeasible). Для нас они отменяемы, потому что может оказаться, что, на самом деле, их нарушение не противоречит действительному в-правилу (ПП), а не тому, которое предполагалось. То, что является ПП в одном контексте, может перестать им быть в другом контексте. Для Витгенштейна в зависимости от контекста статус в-правил и ПП может меняться.

Таким образом, возможные миры, в которых нарушаются льюисовские правила (критерии) могут оказаться релевантными, тогда как критерия, в каком случае это происходит, нет и быть не может. Льюис просто говорит о том, что меняются пресуппозиции. Для нас это означает изменение правил игры, переход к другой системе ПП (другому в-правилу). В результате такого изменения исходное знание может быть утеряно. Если же такие возможные миры трактуются как нерелевантные, то это просто означает, что они выходят за пределы применимости действующего в-правила, которое и гарантирует наличие исходного знания.

Но как определить, меняется в-правило или нет? Это можно сделать только, отталкиваясь от знания в контексте. Знание первично: либо оно есть, либо его нет в том или ином случае. И именно этот факт определяет, что считать очевидностью, какие предложения являются ПП и какие возможности считать релевантными, а какие нет. Отменяемость льюисовских правил косвенно указывает на выбор неправильного порядка в объяснении эпистемических явлений. Правильный порядок объяснения должен начинать со знания.

Посмотрим на оставшиеся льюисовские правила. Как уже было сказано выше, актуальность – самоочевидное условие. В-правило (или ПП) применяется к ней автоматически, так

как извлекается из неё.¹⁰² Нас интересует актуальная ситуация и семейное сходство с актуальной ситуацией какова она есть на самом деле, а не как она представляется субъекту (сам субъект может не знать, в какой ситуации он находится). Согласно льюисовскому правилу убеждения, всякая возможность, в которую субъект верит, или должен верить, релевантна. На самом деле, он должен верить в те и только те возможности, которые совместимы с очевидностью и в данном контексте релевантны, то есть являются применениями контекстуального в-правила и, следовательно, обосновываемы этим правилом, рациональны. С нашей точки зрения речь идёт о возможностях, в которые субъект верит или может верить рационально и, следовательно, должен их принимать во внимание. Это возможные употребления очевидности как в-правила (или соответствующих ПП) в данном контексте – реальные (релевантные) возможности.

Нерелевантные возможности в контексте атрибутора исключаются автоматически, по умолчанию. На них просто не обращают внимания, поскольку они не релевантны. Но если мы хотим их исключить осознанно, на них надо обратить внимание. Согласно правилу внимания Льюиса, в этом случае они становятся релевантными. Это делает знание неуловимым. Оно есть, и вдруг его уже нет (если обратим внимание на совместимую с очевидностью, понятой как видимость, нерелевантную возможность, которая сразу же превращается в релевантную и в которой убеждение субъекта ложно). Скептицизм в рамках подхода Льюиса получает некоторое оправдание. Этой проблемы, на наш взгляд, можно избежать, если правило внимания понимать не как индивидуальное, а как публичное. Публично обратить внимание на возможность – значит обратить внимание на неё в соответствии с публичным правилом, определяющим, на какие возможно следует обращать внимание, то есть в соответствии с в-правилом. В противном случае каждый будет обращать внимание на то, что он считает возможностью. То есть мы говорим лишь о возможностях, на которые следует обратить внимание (это те же самые возможности, в которые следует верить). Внимание следует обратить на реальные употребления в-правила (ПП), то есть на те возможности, которые имеют семейное сходство с актуальной возможностью. Для Льюиса правило внимания тоже отменяемо. Исходя из сказанного выше, уже ясно почему.

Итак, по сути, все правила (критерии) Льюиса сводятся к правилу семейного сходства, что согласуется с предположением самого Льюиса, что не все они независимы, а сводятся друг к другу в самых разных вариантах. Это значит, что правила Льюиса можно трактовать как грамматические тавтологии. Понимание общего принципа как наличие общего в-правила (ПП) означает, что правильный подход к знанию должен начинать с понятия знания как первичного понятия, в терминах которого объясняются все другие эпистемические понятия. В рамках эпистемологии Витгенштейна концепт знания первичен.

Ниже мы сравниваем наш подход с недавно предложенной точкой зрения Миона.

5. Петлевой эпистемический контекстуализм Миона

Мион предложил общий принцип для правил Льюиса, который близок к предложенному нами (схожий принцип мы также использовали ранее в [7]). Принцип Миона гласит: «Петли функционируют как правила, определяющие, какие возможности считаются релевантными альтернативами» [8, р. 7]. При этом Мион подчёркивает, что петли не отделимы от контекста общения. Речь идёт о контексте атрибутора. К понятию семейного сходства Мион не прибегает.

Напомним, что мы рассматриваем релевантные возможности как реальные возможности употребления петлевых предложений как в-правил. Это языковые игры, между которыми имеется семейное сходство. Отметим, что существуют различные интерпретации ПП, которые

¹⁰² Между прочим, Льюис пишет, что в качестве очевидности он рассматривает полный перцептивный опыт субъекта (не видимость, не доступное самому субъекту содержание концептуализированного опыта) в актуальной ситуации. Мы интерпретируем это как знание, которым располагает субъект, не обязательно зная, что он знает.

мы не имеем возможности здесь рассматривать. Наша интерпретация ПП как наиболее общих в-правил, наиболее близка к интерпретации ПП как правил, предложенной А. Колива. Мион тоже трактует петли как правила. Для нас сомневаться в ПП бессмысленно. Для Витгенштейна, подлинное сомнение предполагает практические следствия и опирается на ПП, в которых не сомневаются. «Сомнение, которое бы ставило под сомнение всё, не было бы сомнением» (Витгенштейн, О достоверности, § 450). В том случае, когда сомневаться в ПП не бессмысленно, они перестают быть ПП. Либо они превращаются в истинные парадигматические предложения (знание), либо в контексте они могут быть истинными или ложными эмпирическими предложениями.

Обратимся к двум примерам, которые анализирует и Мион (мы их модифицируем и анализируем несколько по-другому).

Предположим, что историк Анна находит архивные документы, которые косвенно указывают на то, что в аустерлицком сражении Наполеон мог быть ранен. Означает ли это, что Анна теряет своё исходное знание, что Наполеон в сражении не был ранен, поскольку очевидность, которая имеется в её распоряжении, быть может, не позволяет исключить ситуацию, в которой Наполеон был ранен? (Быть может, ранее она принимала эту возможность за нерелевантную.) Всё зависит от того, является ли эта ситуация релевантной. Можно рассуждать примерно так. Предположим, что в данном контексте атрибутора «Наполеон выиграл аустерлицкое сражение» – ПП, имеющее логическую достоверность. Тогда возможный сценарий, в котором в сражении Наполеон был ранен, не является релевантным, так как этот сценарий имеет сходство с возможным сценарием, в котором Наполеон проиграл сражение. Последний, однако, исключается. Следовательно, имеющееся ПП исключает сценарий, в котором Наполеон был ранен, как нерелевантный (не имеющий сходства с актуальным) и в рассматриваемом контексте с точки зрения атрибутора Анна продолжает знать, что Наполеон в аустерлицком сражении не был ранен.

Для Миона, контекст атрибутора определяет выбор ПП, а выбор ПП определяет возможные релевантные ситуации. Мы говорим об употреблении ПП как в-правил и семейном сходстве между этими употреблениями. Если бы Анна перестала знать, что Наполеон не был ранен (например, если бы Анна действительно обнаружила убедительное (но ложное) свидетельство в пользу того, что Наполеон был ранен), атрибутору, быть может, просто пришлось бы отказаться от ПП «Наполеон выиграл аустерлицкое сражение», то есть признать, что ситуация, в которой Наполеон ранен и ситуация, в которой он проиграл сражение релевантны. То есть в своём контексте атрибутор в качестве ПП принял бы другие предложения – не потому, что это бы ему продиктовал контекст, а потому, что знание о том, что Наполеон не был ранен, было бы утеряно. Другими словами, первична, на наш взгляд, всё-таки констатация наличия или отсутствия знания, что Наполеон был или не был ранен (проиграл сражение или нет), а не наличие или отсутствие тех или иных ПП. Знание или незнание не выводятся.

В другом примере предполагается, что «Телма нас везёт в аэропорт, и мы опаздываем на рейс. Действительно ли Телма знает, что в баке достаточно бензина, чтобы его хватило до аэропорта? Можно ли ей доверять? В этой ситуации возможность, что датчик уровня топлива неисправен, даже если вслух беспокойство не выражается, релевантна. Соответственно, утверждение, что она знает, что в баке достаточно бензина, может оказаться ложным. С другой стороны, в более спокойном сценарии эта возможность не будет релевантной. Наше утверждение, что Телма знает, что в баке достаточно бензина, будет истинным» [8, р. 11]. Высказывания «Она знает, что в баке достаточно бензина», «Она знает, что датчик бензина исправен» истинны или ложны в зависимости от практического контекста в той же самой эпистемической ситуации (очевидности). При высоких практических ставках они ложны, а при низких (мы никуда не опаздываем) – истинны. В этом последнем случае, согласно Миону, «Датчик работает исправно» – ПП, определяющее релевантные возможности. Таким образом, релевантные

возможности определяются, исходя из употреблений ПП, которые идентифицируются в кон-версационном контексте. При одной и той же очевидности, в зависимости от контекста, могут быть разные ПП.

Мы смотрим на эти примеры с точки зрения эквивалентности очевидности и знания. Поскольку знание зависит от контекста атрибутора, очевидность зависит от контекста атрибутора. В контексте, в котором ставки невысоки, очевидность более обширна, так как к очевидности относится знание, что в баке достаточно бензина. Нет необходимости вводить независимое от очевидности (но зависимое от контекста) понятие релевантных ситуаций, совместимых с очевидностью.

На наш взгляд, в рамках подхода Миона возникает вопрос о том, каким образом выявляются ПП. Для Миона, в контексте устанавливаются ПП, которые определяют релевантные ситуации. Но можно сказать и наоборот: именно набор релевантных ситуаций позволяет эксплицировать ПП¹⁰³. Мион предлагает комбинировать ПП и контекст. На самом деле, отдельно их рассматривать невозможно. Выбрать ПП – это уже выбрать релевантные возможности, так как ПП и вообще в-правила не могут быть отделены от устоявшихся случаев своих употреблений. Мы не можем ни сначала установить ПП, а затем, исходя из них, установить релевантные возможности, ни наоборот. В этом смысле проблему выбора релевантных ситуаций ПП не решают. Они её переформулируют в других – витгенштейновских – терминах¹⁰⁴. На самом деле, просто в одном случае мы знаем, что есть знание, а в другом нет. Сначала, как говорит Уильямсон, знание, различие между знанием и незнанием.

Таким образом, то или иное знание или незнание реконструируются как наличие или отсутствие тех или иных ПП, то есть тех или иных релевантных и нерелевантных сценариев, или той или иной очевидности. А не наоборот: мы каким-то образом, исходя из идентификации ПП и, соответственно, определения релевантных и нерелевантных сценариев при данной очевидности, устанавливаем имеет место знание или нет. Вместо трёхкомпонентной конструкции знания – очевидность, контекст, релевантные ситуации – мы предлагаем однокомпонентную – очевидность. Субъект знает, что p , если и только если очевидность, которой он располагает (в контексте) исключает не- p . На самом деле, такая формулировка очень близка к формулировке знания, предложенной Льюисом.

6. Возражения против подхода Льюиса

Согласно Беллери и Колива эпистемический контекстуализм Льюиса не принимает во внимание специфичность случаев Гетье [10]. Льюис их объясняет так же, как он объясняет отсутствие знания в более привычных случаях, как, например, в случае лотереи. Но случаи Гетье, на первый взгляд, радикально отличаются от них. В самом деле, в случае лотереи почти во всех возможных мирах, за исключением одного, а также в актуальном мире, мнение истинно, тогда как в некоторых случаях Гетье, наоборот, во всех возможных мирах, за исключением одного – актуального, – мнение ложно. Можно также предположить, что в некоторых практических контекстах в случае лотереи субъект знает, что он не вытянет выигрышный билет (Льюис и Беллери & Колива приводят примеры таких практических контекстов [1; 10]). Но, например, в случае Гетье с остановившимися часами, которые показывают правильное время дважды в сутки, контекста, в котором можно сказать, что субъект знает время, когда он смотрит на часы именно в тот момент времени, когда они показывают правильное время, не суще-

---

¹⁰³ Льюис указывает на замкнутый круг: прагматические пресуппозиции определяют релевантные возможности, которые, в свою очередь, определяют пресуппозиции. Говоря в наших терминах, в-правило не отделимо от своих применений.

¹⁰⁴ Отметим, что, как считает, Колива, сам Витгенштейн не атрибуторный контекстуалист, а инвариантист [9]. Для него знание, которое приписывается субъекту, не зависит от контекста атрибутора.

ствуется или, во всяком случае, его нелегко вообразить. Это указывает на известную асимметрию между случаями Гетье и более обыденными случаями отсутствия знания.

Таким образом, применение эпистемического контекстуализма к случаям Гетье оказывается проблематичным. Контекстуальное определение знания, вроде бы, не учитывает особенности случаев Гетье, а объясняет отсутствие знания единообразным образом. То есть оно не принимает во внимание эпистемическую удачу, присутствующую в случаях Гетье.

В то же время в известном примере Гетье другого типа – примере с ложными фасадами, – как показал Греко, приписывание знания может зависеть от контекста [11, р. 80]. Напомним, что согласно стандартной формулировке этого примера, субъект, не зная об этом, находится в районе фальшивых (фасадных) амбаров, но по чистой случайности смотрит на один-единственный подлинный в этом районе амбар и формирует истинное обоснованное мнение, что перед ним амбар. При аналогичном методе формирования его мнения, оно с лёгкостью могло бы оказаться ложным (на самом деле оно ложно во всех ближайших возможных мирах). Поскольку мнение субъекта оказывается истинным лишь благодаря эпистемической удаче он не знает, что перед ним амбар.¹⁰⁵

Некоторые эпистемологи также утверждают, что эпистемическая удача имеет место и в случае лотереи, поскольку возможный мир, в котором он вытягивает выигрышный билет, ни в вероятностном, ни в модальном смысле не более удалён, чем возможные миры, в которых он вытягивает невыигрышные билеты. Субъект мог бы вытянуть выигрышный билет с той же вероятностью, с которой он вытягивает любой невыигрышный билет, и мир, в котором он вытягивает выигрышный билет, подобен миру, в котором он вытягивает невыигрышный билет. В этом смысле у субъекта есть истинное обоснованное убеждение, что его билет невыигрышный, и истинность его убеждения обусловлена эпистемической удачей. Таким образом, имеется сходство между этим случаем и случаями Гетье.

Можно ли говорить о континууме между более привычными случаями отсутствия знания и случаями Гетье? Вообразим, специфическую лотерею, в которой все билеты, за исключением одного, выигрышные, субъект об этом не знает, и по чистой случайности вытягивает единственный невыигрышный билет (этот пример имеет сходства с примером с фальшивыми амбарами). Его убеждение, что он проиграл, будет истинным, но во всех возможных мирах, за исключением актуального, ложным. (Можно также сказать, что его убеждение будет субъективно обоснованным, поскольку оно будет основано на правдоподобной, но ложной посылке, что лотерея нормальная.) Существует непрерывный переход между нормальной лотереей и нашей воображаемой лотереей, которая имеет сходства со случаями типа Гетье. Это указывает на то, что, быть может, различие между случаями Гетье и более обыденными случаями отсутствия знания лишь в степени. С точки зрения ЭСЗ любое незнание, будь то случаи Гетье или более обыденные случаи, суть просто отклонения от знания.

Беллери и Колива считают, что контекстуальное определение знания Льюиса также трактуется одинаковым образом случаи Гетье, в которых причинная связь между очевидностью и истинным убеждением нарушена, как это имеет место в случаях с Ногом и Хэвитом и оставившимися часами, и случаи типа случая с фальшивыми фасадами, в которых эта связь, якобы, не нарушена, поскольку перед субъектом действительно находится подлинный амбар. (Вопрос в том, что они принимают за «очевидность». По всей видимости – материальный объект. Для нас, как и для Уильямсона, очевидность всегда пропозициональна; это знание.) Для объяснения отсутствия знания в случаях Гетье эпистемолог добродетелей Греко ввёл условие «по причине» (because). В первых двух случаях истинное мнение формируется не по причине применения субъектом своих перцептивных способностей, тогда как в случае с фасадами, как

¹⁰⁵ Некоторые авторы отрицают, что случай с ложными фасадами – случай типа Гетье. Другие даже утверждают, что в этом случае субъект знает, что перед ним амбар.

можно предполагать, именно по этой причине – между подлинным фасадом и субъектом имеется причинный визуальный контакт. (Эпистемолог добродетелей Э. Соса даже считает, что субъект приобретает «животное», но не «полное», знание.)

На самом деле, мы не думаем, что в примере с фасадами можно сказать, что истинное убеждение субъекта приобретается по причине применения его перцептивной способности, устанавливающей причинный контакт между ним и «очевидностью». Непосредственный перцептивный опыт неспособен привести к формированию мнения, так как он не имеет никакого содержания. Он неспособен установить причинную связь между очевидностью и истинным мнением, так как сам по себе он не очевидность, а просто часть реальности, в которой при помощи концептов может быть истинным или ложным образом идентифицировано то или иное данное, играющее роль очевидности. Перцептивная способность, приводящая к формированию убеждения, – способность концептуальная. Другими словами, связь с истинным мнением должна быть нормативно-причинной. Эту связь устанавливает не непосредственный перцептивный опыт субъекта, а его (истинным или ложным образом) концептуализированный перцептивный опыт – в данном случае ложным образом концептуализированный опыт (видимость), что перед ним находится амбар, а, следовательно, не подлинная очевидность, что перед ним амбар (перцептивный опыт, истинным образом концептуально оформленный, давал бы знание, что перед ним амбар, но знание отсутствует). Почему следует считать, что опыт оказывается ложным образом концептуализированным и, следовательно, не очевидностью? То есть почему амбар идентифицируется в его рамках как амбар некорректным образом? (Как только-что было сказано, если бы он идентифицировался корректным образом, это было бы знание.) Идентификация амбара и соответственно концептуализация опыта – применение концепта «амбар», которые имеет условия своей применимости. Эти условия в районе фальшивых амбаров не удовлетворяются. Применение концепта с лёгкостью могло бы оказаться ложным. Почти все случаи применения концепта «амбар» в этих условиях являются ложными. Именно неприменимость концепта «амбар», его неукоренённость в опыте, реальности, делает заключение о причинной связи между истинным мнением и очевидностью неверным. У субъекта в районе фальшивых амбаров есть лишь очевидность относительно видимости амбара. С другой стороны, поскольку перед субъектом действительно находится амбар, можно вообразить контекст (что и делает Греко), в котором между очевидностью и истинным мнением действительно устанавливается причинная связь и субъект приобретает знание. Такой контексте невозможно вообразить в случае, если перед субъектом находится фальшивый амбар. Рассмотрение примера с амбарами, как и других примеров, свидетельствует, на наш взгляд, что концепт знания первичен: знание либо есть, либо его нет.

Посмотрим, как случаи Гетье выглядят в терминах понятия петлевого предложения (ПП). В примере с остановившимися часами у субъекта есть очевидность, что стрелка часов (а не часы, как надёжно функционирующий инструмент) показывает некоторое время. Эта очевидность не субъективные данные, не видимость, а достоверное знание, которое может быть выражено в виде соответствующего ПП. Очевидность относится не к измеряемому времени, а к часам как материальному объекту (надёжность часов к очевидности не относится. Соответствующее предложение не является ПП. Это тот случай, когда льюисовское правило надёжности отменяется). Если бы часы шли правильно, на основе их показаний можно было бы сформировать знание о времени. Быть может, можно было бы даже принять предложение о времени, которое показывают эти часы, за ПП, имеющее логическую достоверность. Но в случае Гетье знанием является лишь убеждение субъекта о показаниях часов, а не о времени. Поэтому с очевидностью совместим сценарий, что время на самом деле несколько отличается. Другими словами, возможны употребления ПП, совместимые с показаниями надёжно функционирующих часов, отличными, чем те, которые видит субъект. Между этими употреблениями имеется семейное сходство, то есть они являются релевантными. Субъект не знает, что часы пока-

зывают правильное время, так как его мнение о времени в подобных сценариях оказывается ложным.

Аналогичным образом, в примере с фальшивыми амбарами ПП, выражающее нормальные условия визуального наблюдения, отсутствует. (Нечто подобное говорит и Льюис. Для него отсутствуют нормальные пресуппозиции. Истинная пресуппозиция, о которой субъект не знает, здесь в том, что субъект в районе фальшивых амбаров.) Как следствие, актуальный сценарий имеет семейное сходство со сценарием, в котором эти условия нарушаются и, соответственно, формируется ложное мнение. Напротив, в упомянутом выше специфическом контексте атрибутора, который воображает Греко, и в котором знание имеет место, сценарии, в которых нарушаются нормальные условия визуального восприятия, рассматриваются как не имеющие сходства с актуальной ситуацией (не релевантные).

Для атрибуторного контекстуализма Льюиса сходство между возможными мирами (их релевантность), совместимыми с очевидностью, зависит от контекста. Мы утверждали, что очевидность лучше трактовать как знание. ПП, лежащие в основе такой очевидности, играют роль в-правила для определения релевантных (подобных) сценариев. ПП (знание, очевидность) зависят от контекста. Поэтому очевидность напрямую определяет наличие или отсутствие знания. В тех и только тех случаях, когда очевидность в пользу p , включает само предложение p (о чём субъект может и не знать), то есть знание, что p , в подобных ситуациях, p не может быть ложным. Мы возвращаемся к эпистемологии сначала-знания [2; 12].

7. Контекстуальное определение знания

Мион предлагает следующую процедуру, чтобы установить, знает ли субъект, что p . Сначала при помощи ПП мы определяем, какие альтернативы являются релевантными. Затем при помощи очевидности мы элиминируем все релевантные альтернативы, в которых не- p [8, р. 8–9]. Мы ставим под сомнение такой двухэтапный подход. Во-первых, согласно Льюису, если мы обращаем внимание на нерелевантные альтернативы, они становятся релевантными. Но допустим, мы не обращаем на них внимание, то есть не начинаем с элиминации нерелевантных альтернатив, а сразу же определяем релевантные альтернативы. То есть, обращая внимание только на релевантные альтернативы, нерелевантные альтернативы мы элиминируем «безмолвно». Тогда две стадии, на которые указывает Мион, можно совместить и сразу же перейти к элиминированию альтернатив, в которых не- p . Во-вторых, ПП не являются независимыми от очевидности. Эксплицируя ПП, мы одновременно обращаемся к очевидности, в основании которой они лежат, и к оценке и элиминированию альтернатив, в которых не- p . Знание, таким образом, первично. Оно не выводится, а просто круговым образом реконструируется как закрытие провала между ПП, очевидностью и истинным убеждением, что p (фактом). Льюис тоже рассматривает своё определение знания как круговое [1, р. 554].

Как было сказано, для Льюиса к очевидности относятся опыт и память субъекта S (в актуальной ситуации). Речь идёт о концептуализированном опыте, так как Льюис говорит о пропозициональном содержании опыта, а не апеллирует к «безошибочным протокольным предложениям» и языку sense-data. Для Льюиса вопрос о том, характеризуется ли полностью опыт E своим содержанием P , является открытым. Во всяком случае те возможности, которые по опытному содержанию отличаются от P (а не только противоречат ему), исключаются. В частности, так же, как и в случае суждений о прошлом, основанных на памяти, в случае кинестезических опыта и соответствующих спонтанных суждений не исключаются лишь те возможности, которые в точности сходны с этими суждениями. Отметим, что для Льюиса пропозициональное содержание опыта субъекта может быть ложным. Это значит, что в качестве очевидности он рассматривает не знание, а всё-таки видимость. Любой концептуализированный (истинным или ложным образом) опыт считается очевидностью. На наш взгляд, очевид-

ность, о которой говорит Льюис, лучше всего трактовать как опытное (перцептивное) знание и память как знание. В основании этой очевидности лежат ПП. Поскольку ПП относятся к контексту атрибутора, очевидность, в частности, опыт субъекта *S*, также зависит от контекста атрибутора. Именно эта очевидность (опыт и память субъекта *S*) позволяет исключить (релевантные) ситуации не-*p* [1, p. 553]. «Данное» для Льюиса состоит в соответствии возможностей (*match between possibilities*), то есть в их подобии. Для нас это семейное сходство. «Данным» также являются соответствующие ПП, в-правило и форма жизни. Как говорит Витгенштейн, если вы хотите иметь данное – нечто вроде фундамента, – то это форма жизни.

Таким образом, определение знания, которое мы предлагаем, имеет следующий вид: Субъект *S* (в контексте) знает, что *p*, если и только если (в контексте) очевидность, которой он располагает (соответствующие ПП), исключает возможности, что не-*p*, за исключением тех возможностей, которые не имеет смысла рассматривать как употребления ПП в данном контексте. В случае атрибутивного контекстуализма речь идёт о контексте атрибутора. В случае инвариантизма речь идёт о контексте самого субъекта (зависимость от контекста атрибутора отсутствует). Говоря ещё короче, субъект *S* знает, что *p*, если и только если ПП (очевидность) исключают возможность, что не-*p*. Возможности, к которым ПП неприменимы (нерелевантные возможности), даже нет нужды упоминать; они, если употребить выражение Льюиса, игнорируются «безмолвно» (*silently*). Кроме того, поскольку ПП определяются лишь в контексте, подразумевается, что знание, что *p*, – знание, что *p*, в контексте. Сам Льюис пишет так: «Скажем, что мы *предполагаем* (*presuppose*) *Q*, если и только если, мы игнорируем все возможности, в которых не-*Q*. Замкнём круг: мы *игнорируем* как раз те возможности, которые фальсифицируют наши пресуппозиции (*presuppositions*). *Подходящая* (*proper*) пресуппозиция соответствует, конечно, подходящему игнорированию. Тогда *S* знает, что *P*, если и только если очевидность *S* элиминирует каждую возможность, в которой не-*P*. – *Psst!* – за исключением тех возможностей, которые вступают в конфликт с подходящими пресуппозициями» [1, p. 554]. Таким образом, определение Льюиса круговое. «Подходящие пресуппозиции» Льюиса соответствуют ПП в контексте.

Подход Льюиса и, в частности, его правила подобия и актуальности, экстерналистские. Сам субъект может быть неспособным сказать, какие возможности подходящим образом игнорируются, какие подобны друг другу или актуальному сценарию (именно так обстоит дело с семейным сходством), какой очевидностью он располагает. Поскольку актуальность всегда релевантная альтернатива, условие истинности автоматически подразумевается знанием, и для Льюиса нет необходимости включать истину в определение знания. Аналогичным образом, в ЭСЗ знание не истинное убеждение плюс дополнительное условие.

8. Заключение

Контекстуалистский подход Льюиса не решает проблему Гетье и, соответственно, проблему определения знания в виде его определения как убеждения, для которого имеется инфаллибилистская в ограниченном смысле (контекстуальная) очевидность. В нашей трактовке он показывает, что проблемы устраняются тогда и только тогда, когда концепт знания принимается в качестве первичного концепта, а очевидность эквивалентна знанию. Теория Льюиса, опирающаяся на понятие (контекстуально) релевантных возможностей, между которыми имеется подобие, если её подходящим образом интерпретировать, может рассматриваться как одна из возможных экспликаций подхода сначала-знания. В этом смысле она не бесполезна. Релевантные возможности в данном контексте определяются полным знанием-очевидностью в данном контексте или соответствующими петлевыми предложениями. Тогда и только тогда, когда *S* знает, что *p*, не существует релевантных возможных сценариев, в которых не-*p*, поскольку подобие между возможными сценариями (их релевантность) опре-

деляется как наличие общего в-правила, роль которого играет очевидность как полное знание или соответствующие этой очевидности ПП. Исходя из (не-)знания, что p , устанавливается, какие сценарии являются релевантными, а какие нет, а не наоборот.¹⁰⁶

Льюисовское правило подобия мы трактуем как витгенштейновское семейное сходство. В качестве фундаментального принципа для правил Льюиса, определяющих релевантные (подобные) возможности, мы предлагаем принцип общего в-правила (семейного сходства), или, эквивалентным образом, ПП. Наша трактовка эпистемического контекстуализма с точки зрения витгенштейновской петлевой эпистемологии обоснована тем, что подлинный контекст имеет нормативное/концептуальное измерение, невозможен без соответствующих ПП (и наоборот). Семейное сходство, в-правило, ПП – экстерналистские понятия, подразумевающие первичность знания. Мы также утверждаем, что витгенштейновская трактовка подхода Льюиса совместима с подходом сначала-знания Уильямсона.

Список использованных источников

1. *Lewis, D.* Elusive knowledge / D. Lewis // *Australasian Journal of Philosophy*. – 1996. – Vol. 74. – № 4. – P. 549–567.
2. *Williamson, T.* Knowledge and its Limits / T. Williamson. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
3. *Gettier, E.* Is Justified True Belief Knowledge? / E. Gettier // *Analysis*. – 1963. – Vol. 23. – № 6. – P. 121–123.
4. The Gettier problem / ed.: S. Hetherington. – Cambridge UP, 2018.
5. *Benoist, J.* Toward a Contextual Realism / J. Benoist. – Harvard UP, 2021.
6. *Schaffer, J.* Lewis on knowledge ascriptions / J. Schaffer // *A Companion to David Lewis* / eds.: B. Loewer, J. Schaffer. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 473–490.
7. *Прись, И. Е.* Витгенштейновский контекстуализм против эпистемического релятивизма / И. Е. Прись // *Apriori*. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – № 5. – P. 1–34.
8. *Mion, G.* Hinge Contextualism / G. Mion // *Philosophical Investigations*. – 2021. – 45(1). – P. 40–52.
9. *Coliva, A.* “I Know”, “I know”, “I know”. Hinge epistemology, invariantism and scepticism / A. Coliva // *Skeptical invariantism reconsidered* / eds.: C. Kyriacou, K. Wallbridge. – Routledge, 2021. – P. 213–234.
10. *Belleri, D.* The Gettier problem and context / D. Belleri, A. Coliva // *The Gettier problem* / ed.: S. Hetherington. – Cambridge UP, 2018. – P. 78–95.
11. *Greco, J.* Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity / G. Greco. – Cambridge University Press, 2010.
12. *Williamson, T.* The Philosophy of Philosophy / T. Williamson. – Oxford: Blackwell, 2007.

---

¹⁰⁶ Аналогичным образом, как было отмечено Уильямсоном, в рамках так называемой эпистемологии безопасности, определяющей знание как безопасное истинное убеждение, то есть истинное убеждение, которое при том же методе своего формирования не могло бы с лёгкостью быть ложным (в ближайших возможных мирах оно не ложно), условие безопасности не является независимым от знания.

Часть 3

Критика скептицизма и релятивизма

Глава 1

Существует ли внешний мир? Критика скептицизма

Раздел 1. Современные подходы к проблеме картезианского скептицизма

В этом разделе мы рассматриваем новые современные подходы к решению или устранению проблемы скептицизма относительно существования внешнего мира – дизъюнктивизм, байскопический подход Д. Притчарда и «сначала-знания» подход Т. Уильямсона. В частности, мы утверждаем, что решение скептической проблемы в рамках эпистемологического дизъюнктивизма сопряжено с рядом трудностей потому, что этот подход не принимает во внимание понятие петлевого предложения Л. Витгенштейна. На наш взгляд, успешный подход к решению скептической проблемы требует пересмотра метафизических предпосылок традиционной эпистемологии, а именно принятия неметафизического витгенштейновского реализма. Предложенное Д. Притчардом в рамках «байскопического» подхода устранение скептической проблемы как псевдопроблемы опирается на сочетание того, о чем говорят эпистемологический дизъюнктивизм и эпистемология позднего Л. Витгенштейна.

1. Введение

Существует ли нечто по ту сторону нашего сознания, наших представлений, мыслей, смысла? Существует ли «внешний мир» – «объективная реальность»? В отличие от умеренного (здорового) скептицизма, который просто напоминает нам, что наше знание не абсолютно достоверно, ошибка всегда возможна, картезианский радикальный скептицизм утверждает, что мы ничего не знаем, не можем знать и даже не можем иметь рационально обоснованных мнений о внешнем мире. Например, утверждает скептик, я не знаю, не могу знать и не могут иметь обоснованного мнения, что у меня две руки. Быть может, как говорит в *Размышлениях* Декарт, мы «спим и все эти частности – открывание глаз, движения головой, протягивание рук – не являются подлинными, и вдобавок, быть может, у нас и нет таких рук и всего этого тела». Говоря современным языком, быть может, я мозг-в-баке, манипулируемый сумасшедшим учёным¹⁰⁷. Радикальный скептицизм тесно связан с идеализмом, а также с релятивизмом и нигилизмом: если мы считаем, что ничего не знаем и не можем знать, мы будем толерантны к любой точке зрения, любой «истине»; если нет ничего достоверного, жизнь теряет всякий смысл.

Умеренный (локальный) скептик не принимает инфантилизм, то есть допускает, что теоретически он может быть мозгом-в-баке, но утверждает, что это удалённая возможность. Поэтому он знает, что он не мозг-в-баке. Но у радикального скептика есть свои ресурсы, аргументы и, в частности, принцип замкнутости знания и принцип недоопределённости рацио-

---

¹⁰⁷ Мысленный эксперимент «мозг-в-баке» предложил Х. Патнэм.

нальных оснований (или очевидности)¹⁰⁸. Об использовании скептиком этих двух принципов мы будем говорить ниже.

В Разделе 1 мы проследим эволюцию современных подходов к проблеме картезианского скептицизма и выявим их достоинства и недостатки. В частности, мы рассмотрим фундаменталистский подход Дж. Мура, неомуровский экстерналистский подход, а также три новых подхода: эпистемологический дизъюнктивизм и байскопический подход Д. Притчарда и «начала-знания» подход Т. Уильямсона. Мы покажем необходимость обращения к эпистемологии петлевых предложений Витгенштейна и терапевтическому методу анализа и устранения ложной метафизики. Петлевые предложения мы будем интерпретировать в рамках неметафизической реалистической позиции как укоренённые в реальности (языковых играх и формах жизни) витгенштейновские правила. Мы сделаем вывод, что успешный подход к решению скептической проблемы требует пересмотра метафизических предпосылок традиционной эпистемологии, а именно принятия витгенштейновского неметафизического (контекстуального) реализма. «Байскопический» подход устранения скептической проблемы как псевдопроблемы, комбинирующий эпистемологический дизъюнктивизм и петлевую эпистемологию Л. Витгенштейна, представляет собой движение в этом направлении.

2. Муровский и неомуровский антискептицизмы

2.1. Эпистемологический фундаментализм

Эпистемологический фундаментализм пытается найти достоверный эпистемологический фундамент для своих убеждений (мнений, знания) – самоочевидные убеждения, – на котором он строит всё знание. Декарт к такому фундаментальному самоочевидному убеждению относит убеждение «Я мыслю», которое, на самом деле, является убеждением теоретическим. Из него он выводит знание «Я есть (существую)». У Джорджа Мура – философа первой половины 20 века – роль фундамента (и этим он отличается от Декарта) играют некоторые обыденные убеждения, обладающие оптимальной (позитивной) эпистемической достоверностью – он называет их «очевидными трюизмами», или «достоверностями обыденного смысла» – типа «У меня две руки», «Земля существовала задолго до моего рождения» и другие. Для обоих философов эпистемическая рациональная оценка может быть глобальной и, в частности, тезис о существовании внешнего мира может быть рационально обоснован.

Мур полагает, что он знает, что у него две руки (в частности, потому, что он может видеть, что у него две руки!)¹⁰⁹. И поскольку он это знает, две его руки существуют как объекты внешнего мира, и внешний мир существует. Следовательно, он знает, что внешний мир существует. Аргумент Мура неявно использует принцип замкнутости знания и логическое правило *modus ponens*: если я знаю, что А, и из А логически (априори) вывожу, что В, то есть знаю, что В следует из А (логический вывод должен быть возможен), то я приобретаю знание, что В.

На самом деле, как мы утверждаем, здесь имеет место не просто логический вывод, а вывод при дополнительном метафизическом предположении о том, что понятие внешнего мира и, соответственно, дуализм субъекта и объекта, чистая субъективность, имеют смысл. Как отмечает французский философ Жослен Бенуа, взгляд на субъективность как на некото-

---

¹⁰⁸ Г. Шёнбаумсфелд делает различие между недавним мозгом-в-баке (это случай локального скептицизма), пожизненным мозгом-в-баке и «ничего, кроме мозга-в-баке». Последний случай является наиболее радикальным [1].

¹⁰⁹ Для Мура убеждение «У меня две руки» является оптимальной рациональной эпистемической достоверностью. Различие между этим убеждением и, например, убеждением «Бородинское сражение состоялось в 1812 году» лишь в степени достоверности. С точки зрения нашей интерпретации позднего Витгенштейна, это различие категориальное: если первое предложение (в широком смысле) логическое, представляет собой формулировку нормы, то второе – эпистемическое (эмпирическое). При этом, статус предложения может меняться.

рую замкнутую в себе сущность – побочный продукт эпистемологии модерна. Мы разделяем его точку зрения, что понятия внешнего мира и субъекта, располагающегося вне его, являются бессмысленными.

2.2. Антискептическая позиция Мура vs догматический скептицизм

Скептик обращает аргумент Мура, используя логическое правило *modus tollens*. Он исходит из интуитивно правдоподобного утверждения, что он не может (по крайней мере рационально в смысле рефлексивной доступности эксплицитных рациональных оснований) знать, что внешний мир существует. И опять же, используя тот же самый принцип замкнутости знания (и правило *modus tollens*), он утверждает, что он не может знать, что у него две руки. Этот аргумент скептика имеет такую же силу и те же недостатки, что и антискептический аргумент Мура.

Принцип замкнутости знания в рассуждениях и скептика, и Мура следует понимать как принцип для рационального (в смысле рефлексивной обоснованности) знания. С точки зрения Мура, я рационально знаю, что внешний мир существует. Таким образом, применяя принцип замкнутости знания, оба догматических аргумента – и антискептический, и скептический – приводят к неприемлемым выводам: первый – к выводу о возможности рационального знания о существовании внешнего мира, второй – о невозможности познания обыденных истин вида «У меня две руки»¹¹⁰.

2.3. Неомуровский экстерналистский подход

Неомуровский экстерналистский антискептический аргумент Данкана Притчарда сохраняет принцип замкнутости знания для экстерналистски обоснованного знания, понятого как безопасное (*safe*) истинное мнение. Согласно этой точке зрения, я знаю, что я существую (что я не мозг-в-баке), поскольку моё истинное мнение, что я существую, безопасно, то есть не могло бы с лёгкостью оказаться ложным – в ближайших возможных мирах я не мозг-в-баке. В то же время, согласно этой теории, у меня нет доступа к рациональному основанию для моего знания. Поэтому рационально (в смысле интерналистской рефлексивной рациональности) я не знаю, что внешний мир существует.

Понятие интерналистски обоснованного знания существенно для рассмотрения скептического парадокса. В самом деле, парадокс возникает именно потому, что предполагается что и у меня, и у мозга-в-баке одни и те же рациональные основания верить, что окружающие предметы и внешний мир в целом существуют. Майкл Уильямс отвергает экстерналистские решения скептической проблемы на том основании, что они содержат логический круг, то есть изначально предполагают, что мы живём в более или менее нормальном мире и объясняют, каким образом при этом условии возможно знание.

3. Новые подходы к решению скептической проблемы

3.1. Эпистемологический дизъюнктивизм (ЭД)

Д. Притчард предложил интерналистское неомуровское решение скептической проблемы в рамках эпистемологического дизъюнктивизма. Эпистемологический дизъюнктивизм (ЭД) – это тезис, утверждающий, что в парадигматическом случае визуального восприятия

---

¹¹⁰ По этой причине некоторые авторы отвергают принцип замкнутости знания. На первый взгляд, принцип замкнутости знания также входит в противоречие с принципом восприимчивости (*sensitivity*), утверждающим, что *S* знает, что *p* только если выполнено следующее условие: если бы *p* было ложным, то *S* не был бы убежден что *p*. Я знаю, что передо мною компьютер (компьютер существует), так как если бы это было не так, я бы не верил, что он передо мною. Если принять принцип замкнутости знания, я должен знать, что я не мозг-в-баке. Но согласно принципу восприимчивости я не могу это знать. Если бы я был мозгом-в-баке, я продолжал бы верить, что передо мною компьютер и что я не мозг-в-баке.

я знаю, что p , в сильном интерналистском смысле, потому что моё истинное мнение, что p , имеет доступное рефлексии фактивное рациональное основание «Я вижу, что p ». В данном случае, допускается существование доступных рефлексии фактивных рациональных оснований, то есть оснований, из которых логически вытекает наличие факта.

С точки зрения ЭД, мозг-в-баке не знает, что у него две руки, хотя ему кажется, что у него две руки. У меня же есть доступное рефлексии фактивное основание для моего истинного мнения: «Я вижу, что у меня две руки». Поэтому я знаю, что у меня две руки. Таким образом, структура рациональности, очевидность у меня и у мозга-в-баке оказывается разной. К тому же, как недавно показал Притчард, в нескептическом сценарии фактивное основание одновременно является нормативным, мотивационным и объяснительным, тогда как для мозга-в-баке – только мотивационным. Таким образом, на первый взгляд, в рамках ЭД скептическая проблема для обыденных случаев решается удовлетворительно (проблема недоопределённости рациональных оснований не возникает).

В то же время комбинация ЭД с принципом замкнутости знания приводит к интуитивно неправдоподобной возможности рационального знания о существовании внешнего мира. Это интерналистское решение проблемы радикального скептицизма, в рамках которого оказывается возможной глобальная эпистемическая оценка мнений субъекта (так же, как у Декарта и у Мура).

3.2. Эпистемология сначала-знания (ЭСЗ)

Радикально экстерналистская эпистемология сначала-знания (ЭСЗ) Тимоти Уильямсона имеет сходства с дизъюнктивизмами – современными версиями наивного реализма. С точки зрения ЭСЗ, очевидность есть знание (и наоборот), но рациональность, основанная на очевидности, не всегда операциональна: мы не всегда знаем, что мы знаем, не всегда можем гарантировать, что мы поступаем рационально. В частности, не существует универсальной очевидности для решения скептической проблемы. Очевидность, которой располагает мозг-в-баке, значительно более бедная, чем та, которой располагаем мы (хотя мозг-в-баке об этом и не знает). Поскольку мы знаем, что окружающие нас предметы реально существуют, наша очевидность значительно богаче. Другими словами, мнение, которое формируется мозгом-в-баке – неуспешное. Это экстерналистское решение скептической проблемы.

Традиционная интерналистская эпистемология предполагала «чистоту» ментальных состояний. Поэтому знание никогда не рассматривалось как ментальное состояние. На самом деле, зависимость от внешней среды, не недостаток, а сама суть ментального. Для Уильямсона сознание не «внутренний мир», характеризующийся пучком монадических свойств, а «сеть отношений между агентом и средой»; оно включает в себя мир, а знание и действие – наиболее полное выражение сознания. В рамках контекстуального реализма Бенуа сознание (так же, как и мысль, смысл, концепты), если это подлинное сознание (нормы, концепты, смысл и так далее), укоренено в реальности.

О знании и сознании, которое его сопровождает (знание – ментальное состояние), можно говорить в терминах языковых игр Витгенштейна, которые суть употребления правил/норм в контексте для измерения реальности. «Сеть отношений между агентом и средой» есть языковая игра. Для Витгенштейна «понятие знания сопряжено с понятием языковой игры» (см. «О достоверности», § 560). Языковые игры имеют смысл лишь в рамках формы жизни. Правила языковых игр относятся к грамматике формы жизни. Наиболее общие грамматические предложения Витгенштейн называет петлевыми предложениями (ПП).

Мозг-в-баке, лишённый каких-либо связей с реальностью, не может иметь сознания, ментальности, не может мыслить, формировать мнения (во всяком случае, его сознание будет очень бедным).

3.3. Петлевые предложения (ПП) Витгенштейна

Вернёмся теперь к позиции Мура, согласно которой предложение «У меня две руки» самоочевидное. Витгенштейн заметил, что наиболее достоверное убеждение не может иметь обоснование, так как обоснование не может быть менее достоверным. «Ведь то, что у меня две руки, столь же несомненно до того, как я на них взгляну, сколь и после». Для Витгенштейна, предложения «У меня две руки», «Это рука», «Земля существовала задолго до моего рождения» могут иметь (в широком смысле) логическую («грамматическую») достоверность нашей формы жизни. Нет смысла говорить о том, что они истинны или ложны, что мы их знаем или нет. Такие предложения (достоверности, убеждения) предполагаются в процессе познания, мышления, употребления языка. Они предполагаются логикой нашей рациональности. В *О достоверности* Витгенштейн назвал их петлевыми предложениями (нем.: «Angeln», англ.: «hinge»): «Вопросы, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]... то, что некоторые вещи на деле не подлежат сомнению, принадлежит логике наших научных исследований» (§§ 341–342).

Скептик сомневается, не имея на это никаких оснований. Более того, он и не может иметь никаких оснований для своего сомнения, так как его сомнение глобально. «Попытавшийся усомниться во всем не дошел бы до сомнения в чем-то. Игра в сомнение уже предполагает уверенность» (§ 115). По этой причине позиция скептика и сама постановка скептического проблемы бессмысленны. Таково «минимальное прочтение» Витгенштейна.

В рамках аналитической эпистемологии существует много разных интерпретаций петлевых предложений Витгенштейна. Можно ли, как говорит Витгенштейн, «услышать все голоса и воссоединить их друг с другом». С нашей точки зрения, понятие петлевого предложения (ПП) требует анализа в контексте всей философии позднего Витгенштейна и, в частности, принятия во внимание таких понятий как «форма жизни», «языковая игра», «грамматика формы жизни», «правило», проблемы применения правила. Мы интерпретировали ПП как (наиболее общие) витгенштейновские правила (далее: в-правила). Позднее и независимо от нас Анализа Колива интерпретировала ПП как правила.

3.3.1. Петлевые предложения (ПП): наша позиция. Наша позиция состоит в следующем: Петлевое предложение (ПП) Витгенштейна имеет три взаимосвязанных аспекта: логический, эпистемический и онтологический/натуралистический. Природа ПП может быть понята лишь в том случае, если принять во внимание взаимосвязь между ними. Вкратце, её можно резюмировать следующим образом: петлевое предложение есть витгенштейновское правило. Будучи правилом, оно имеет логическую достоверность. Нет смысла говорить о его ложности или истинности. В контексте петлевого-предложения-правило может превратиться в петлево-предложение-парадигму. Сомневаться в истинности парадигмы иррационально. Наконец, в контексте петлевого предложения может превратиться в более или менее достоверное обоснованное эмпирическое знание, или знание как языковую игру. Сомневаться в знании иррационально. Понимание природы петлевых предложений позволяет установить, что проблема глобального скептицизма является псевдопроблемой, основанной на ложных предпосылках.

Можно сказать несколько по-другому. ПП – нормы, для измерения реальности. Они вырабатываются в реальности и укоренены в реальности. ПП гибричны в том смысле, что в зависимости от контекста они могут менять свой статус. С одной точки зрения ПП может быть нормой, а с другой – эмпирическим предложением. Этот статус также может меняться в процессе эволюции. В «О достоверности» Витгенштейн пишет: «Можно было бы представить себе, что некоторые предложения, имеющие форму эмпирических предложений, затвердели бы и функционировали как каналы для не застывших, текучих эмпирических предложений; и что это отношение со временем менялось бы, то есть текучие предложения затвердевали бы,

а застывшие становились текучими» (§ 96). Это позволяет избежать релятивизма и разрешить непреодолимые, на первый взгляд, разногласия между экспертами.

Притчард предлагает трактовку ПП как висцеральных («животных») обязательств (commitments), не имеющих истинностных значений, но пропозициональных, разделяющих общее ядро (последнее условие позволяет противостоять эпистемическому релятивизму). Для нас ПП суть наиболее общие правила наших естественных нормативных практик – «форм жизни» и принадлежащих им «языковых игр». При этом «животными» являются также примитивные языковые игры, которые лежат в основе наших форм жизни. Для Витгенштейна (и для ЭСЗ Уильямсона) действие и знание первичны, а следование правилу «слепо».

Вывод, что скептическая проблема – это псевдопроблема в той или иной мере разделяют, Людвиг Витгенштейн, Хилари Патнэм, Дональд Дэвидсон, Майкл Уильямс, Данкан Притчард, Жослен Бенуа, Клод Романо, Маркус Габриэль, Роберт Брэндом, Анализа Колива, Геня Шёнбаумсфелд и другие авторы.

3.4 Структура рациональности

Аналитическая эпистемология поначалу пыталась решать проблему скептицизма, но, как представляется, постепенно обращается к витгенштейновскому выводу, что скептическая проблема – псевдопроблема, основанная на ложных предпосылках. Проблема не решается, а устраняется терапевтически. На наш взгляд, аналитическая эпистемология делает это непоследовательно. В частности, мы имеем в виду один их новейших антискептических подходов – «байскопический подход» современного британского эпистемолога Дункана Притчарда.

3.4.1. Стандартная и альтернативная точки зрения на позицию Витгенштейна.

Согласно стандартной точке зрения, в работе «О достоверности» Витгенштейн рассматривает проблему скептицизма. Он даёт прямой ответ Муру на его решение проблемы скептицизма. Недавно Притчард предложил другую точку зрения, которая утверждает, что Витгенштейн предлагает новый подход к структуре (эпистемической) рациональности, раскрывает её существенно локальный характер. Рациональность, если речь идёт о чисто интерналистской рациональности, не может быть глобальной. Для Витгенштейна мыслить, верить, сомневаться, знать, ошибаться можно лишь в рамках формы жизни, имеющей укоренённую в реальности «грамматику» (логику). В «О достоверности» он пишет: «Чтобы ошибаться, человек уже должен судить согласно с человечеством» (§ 156).

3.4.2. Рациональность и псевдорациональность. Согласно Витгенштейну, петлевое предложение (ПП) нельзя рационально ни обосновать, ни опровергнуть. Для Притчарда ПП автоматически исключаются из сферы рационального; они ни рациональны, ни иррациональны, они а-рациональны. Наша позиция ближе к позиции Колива: ПП рациональны в широком смысле. Для нас это правила. Поэтому они рациональны по определению.

Анализ понятия ПП, как и анализ предпосылок, используемых при рациональной оценке, показывает, что с точки зрения философии Витгенштейна они должны быть укоренены в реальности¹¹¹. Именно укоренённость рациональных оснований в реальности делает их рациональными. Тогда как их интернализация приводит к постепенной потере (обеднению) смысла, очевидности и превращению рациональности в псевдорациональность (концептов, смысла и очевидности, в псевдоконцепты, псевдосмысл и псевдоочевидность).

Как правило, в парадигматических случаях применения наших концептов (правил, языка) – можно также говорить об инстинктивных (примитивных) языковых играх – и, в частности, в парадигматических случаях зрительного восприятия, последние не могут не отсылать к тому, к чему они по самой своей природе предназначены отсылать. Сам смысл понятия

¹¹¹ Существование реальности предполагается! В противном случае мы бы имели дело не с употреблением правил и концептов, а с бессмыслицей.

«реальный» предполагает, что в этих случаях мы имеем дело с реальностью. Сама осмысленность применяемых правил и концептов предполагает, что в этих случаях они применяются корректно, что мы знаем, что они применяются корректно. Семантика, эпистемология и онтология оказываются неразделимо связанными между собой.

Дело не только в том, что структура рационального обоснования предполагает принятие «нерациональных» ПП, но также и в том, что сама природа ПП, концептов и рационального обоснования предполагает существование реальности, «внешнего мира». Задание ПП эквивалентно заданию некоторой устоявшейся формы жизни (концептуализированной части реальности), философской грамматикой (правилами) которой они являются¹¹².

3.5. Проблемы эпистемологического дизъюнктивизма (ЭД)

В нашей статье, опубликованной в 2014 году, мы указали, что ЭД Притчарда и, в частности, решение скептической проблемы в рамках ЭД, не принимают во внимание витгенштейновскую эпистемологию и, в частности, понятие ПП [2]. Мы указали, что в некоторых случаях ЭД неприменим, в том числе и для решения скептической проблемы.

Парадигматические случаи зрительного восприятия неоднородны. Если в некоторых парадигматических случаях дефитор возможен, так что, поскольку он есть, парадигматический случай перестаёт быть парадигматическим, то в других парадигматических случаях дефитор невозможен. В этих последних случаях мы имеем, на самом деле, дело с грамматическими (логическими, а не эпистемологическими) фактами в смысле философской грамматики Витгенштейна. Соответствующие предложения являются ПП и не могут быть рационально обоснованы. Эпистемологический дизъюнктивизм к ним неприменим, поскольку он апеллирует к фактивным рациональным основаниям. В тех же парадигматических случаях зрительного восприятия, в которых рациональное обоснование возможно, рациональные основания для знания следует понимать не в смысле наличия у них некоей особой фактивной природы, а в смысле их достаточно сильной укоренённости в факте¹¹³.

Укоренённые в реальности рациональные основания суть ПП, которые могут быть эксплицированы в виде не имеющих истинностных значений (поскольку речь идёт о правилах/нормах) пропозициональных установок, о которых говорит Притчард. Укоренённость рациональных оснований – петлевых предложений (правил/норм) в факте делает возможным автоматическое «прагматическое» закрытие эпистемического разрыва между ними и знанием о факте. ЭД – рационализация *ex post* прагматического закрытия эпистемического разрыва между рациональными основаниями для мнения и фактом/знанием. В случае, когда разрыв закрыт, мнение, что *p*, оказывается прагматически «успешным», то есть соответствующим своей норме – знанию¹¹⁴.

В той же своей статье 2014 года мы также указывали на необходимость синтеза ЭД с витгенштейновским прагматизмом, на необходимость коррекции первого с точки зрения второго. Последующее развитие эпистемологии подтвердило наш вывод.

3.6. Байскопический подход Притчарда и его критика

Притчард в книге 2016 года разрабатывает подход к скептическому парадоксу о существовании внешнего мира, комбинирующий идеи Витгенштейна о петлевых предложениях (ПП) и эпистемологический дизъюнктивизм (ЭД) [3]. В рамках этого подхода дизъюнктивист-

¹¹² В какой-то мере, как нам представляется, Притчард учитывает сказанное, ссылаясь на позицию Дональда Дэвидсона о природе наших мнений как имеющих тенденцию быть истинными и вводя новое понятие «над-петлевого (нем. über-hinge) предложения», что мы не можем радикально ошибаться в наших мнениях.

¹¹³ Таким образом, знание, подразумевающее причинный контакт с фактом, первично, а мнение и рациональные основания для мнения вторичны, а не наоборот.

¹¹⁴ Мы принимаем тезис Тимоти Уильямсона, что знание есть норма для утверждения (и мнения).

ский аргумент теряет свою радикальность: уже не утверждается возможность рационального обоснования существования внешнего мира. В то же время подход не допускает никакого компромисса со скептицизмом, как это делает, например, атрибуторный контекстуализм, утверждающий, что в скептическом контексте мы не знаем, что у нас две руки.¹¹⁵

Мы проанализировали его байскопический подход [4]. С нашей точки зрения, предложенный объединённый подход, хотя и представлял собой значительный прогресс, являлся чисто эпистемологическим в том смысле, что природа ПП принималась во внимание не полностью, поскольку не анализировалось понятие реальности и не отвергались эксплицитно понятие метафизической реальности и метафизические предпосылки традиционной эпистемологии (как интерналистской, так и экстерналистской). В частности, эпистемологический дизъюнктивизм рассматривался вне связи с метафизикой. Принимая позицию витгенштейновского (в широком смысле) контекстуального реализма, мы пришли к выводу, что дизъюнктивистская компонента в подходе Притчарда является излишней, а сам ЭД может быть подвергнут терапевтическому анализу в рамках философии позднего Витгенштейна. Аналогичный вывод о том, что для решения скептической проблемы достаточно эпистемологии Витгенштейна, был сделан Анализом Колива в 2018 году.

3.6.1 Два эпистемических принципа. Отметим, что в рамках своего байскопического подхода Д. Притчард мотивирует необходимость обращения к эпистемологии ПП несколько иначе, чем мы. ЭД терапии не подвергается, а остаётся независимым от эпистемологии Витгенштейна теоретическим тезисом, позволяющим решать задачи, которые петлевая эпистемология, якобы, неспособна решить. Дело в том, что согласно Притчарду, существуют два независимых друг от друга вида скептического парадокса относительно внешнего мира, основанных на двух независимых и достаточно правдоподобных эпистемических принципах: принципе замкнутости знания и принципе недоопределённости рационального обоснования. Витгенштейновский подход, как полагает Притчард, позволяет разрешить лишь ту версию скептической проблемы, которая основана на принципе замкнутости знания. Для решения другой версии парадокса требуется ЭД.

Два упомянутых эпистемических принципа употребляются в следующем виде:

1). *Принцип замкнутости рационального знания* (речь идёт именно о «рациональном» (интерналистском) знании в смысле знания, которое имеет доступное рефлексии рациональное обоснование): Если субъект S имеет рациональное знание, что A, и он компетентным образом выводит из A, что B, приходя таким образом к мнению, что B, и сохраняя при этом рациональное знание, что A, то он приобретает рациональное знание, что B.

2). *Принцип недоопределённости рационального обоснования*: Если субъект S знает, что A и B описывают несовместимые друг с другом сценарии, но у него нет рациональных (в смысле интерналистских, доступных рефлексии) оснований, позволяющих отдать предпочтение сценарию A перед сценарием B, то у него нет рационального (в смысле интерналистски обоснованного) знания, что A.

---

¹¹⁵ С точки зрения атрибуторного контекстуализма, принцип замкнутости знания не отвергается, а оказывается неприменимым для случая, когда контекст меняется по ходу рассуждения. Таким образом, неправдоподобное заключение о том, что я (рационально) знаю, что внешний мир существует, с точки зрения скептических стандартов для знания, здесь не возникает. В скептическом контексте, однако, скептическое заключение сохраняется. Это уступка скептицизму. Одно из возражений против атрибуторного контекстуализма состоит в том, что зависимость знания (стандартов для знания) от контекста лишь видимое а, на самом деле, в различных контекстах генерируются различные разговорные импликатуры, так что то, что утверждается в одном контексте, не утверждается в другом. Контекстуалист же ошибочно конвертирует прагматику наших лингвистических практик относительно эпистемических терминов в семантические утверждения относительно контекстуальных сдвигов.

Принцип замкнутости знания сильнее принципа недоопределённости рационального обоснования, и, соответственно, первая форма парадокса сильнее второй. Избавление от первого вида скептического парадокса ещё не означает избавления от его второго вида.

3.6.2. Два вида скептического парадокса. (1) *Скептический парадокс, основанный на принципе замкнутости знания* (выше мы уже его формулировали, рассматривая муровское и немуровское решения скептической проблемы) имеет вид следующих интуитивно правдоподобных, но противоречащих друг другу утверждений.

1. Я не могу рационально знать, что я не мозг-в-баке. (По определению, мозг-в-баке имеет в точности те же мысли, чувства, ощущения и так далее, что и я.)

2. Принцип замкнутости (рационального) знания.

3. Я рационально знаю многое об окружающих нас вещах. Например, я рационально знаю, что сейчас сижу перед компьютером и читаю этот текст.

Противоречие возникает следующим образом: если я это рационально знаю, то в соответствии с принципом замкнутости знания, я могу прийти к рациональному знанию, что я сам (и, в конечном итоге, окружающий меня мир) реально существую, то есть к рациональному знанию, что я не мозг-в-баке. Это противоречит утверждению 1. Скептик принимает утверждение 1 и отвергает утверждение 3. Антискептик – наоборот.

(2) *Скептический парадокс, основанный на принципе недоопределённости рациональных оснований* (как уже было сказано, этот парадокс слабее в том смысле, что его устранение не следует из устранения первого парадокса) имеет отношение к проблеме декартовского демона в её современной формулировке. Быть может, как пишет в *Размышлениях* Декарт, «какой-то злокозненный гений, очень могущественный и склонный к обману, приложил всю свою изобретательность к тому, чтобы ввести меня в заблуждение». Парадокс:

1. По самому определению скептического сценария у меня нет рациональных оснований предпочесть ему сценарий, согласно которому то, что я вижу перед собой, действительно компьютер, а не иллюзия, созданная в моём мозгу сумасшедшим учёным.

2. Принцип рациональной недоопределённости.

3. Я знаю, что передо мною компьютер.

Из утверждений 1 и 2 следует отрицание утверждения 3.

Согласно Криспину Райту и Анализе Колива, эти два вида парадокса примерно соответствуют картезианскому и юмовскому разновидностям скептицизма. В скептическом парадоксе, основанном на принципе недоопределённости рациональных оснований, как и в случае индукции, имеет место амплиативный (индуктивно, а не дедуктивно подкрепляемый) вывод: исходя из видимости о существовании (объектов) внешнего мира к утверждению о том, что он (они) существует.

На первый взгляд, абдукция позволяет решить скептическую проблему. Она утверждает, что наилучшее объяснение моего субъективного опыта о внешнем мире в том, что внешний мир существует, то есть я не мозг-в-баке. Если бы это было так, у интерналиста было бы рациональное основание отдать предпочтение антискептической позиции. На самом деле, при анализе проблемы радикального скептицизма, вывод к наилучшему объяснению не может функционировать так, как он обычно функционирует, поскольку сама постановка проблемы такова, что не существует каких-либо оснований, чтобы сделать заключение, что нескептическое объяснение лучше, чем скептическое. Нельзя, например, сказать, что нескептическое объяснение является более простым или что оно имеет какие-то эмпирические основания, которых нет у скептической гипотезы. Принцип наилучшего объяснения, если он применяется для опровержения скептика, оказывается очень специфическим ревизионистским решением.

Итак, в Разделе 1 мы показали, что известные теоретические решения проблемы скептицизма, за исключением подхода Т. Уильямсона, который, на самом деле, может быть понят

в витгенштейновских терминах, являются неудовлетворительными, поскольку они основываются на ложных метафизических предпосылках. Объединённый витгенштейновско-дизъюнктивистский подход Притчарда является скорее терапевтическим.

В то же время он содержит теоретический дизъюнктивистский тезис о парадигматических случаях перцепции. В Разделе 2 мы продолжим рассмотрение этого подхода. Мы покажем, что для решения скептической проблемы в дизъюнктивизме нет нужды. Проблема устраняется в рамках витгенштейновского контекстуального реализма. Строго говоря, скептический сценарий бессмыслен.

Раздел 2. Скептическая проблема – псевдопроблема

Объединённый витгенштейновско-дизъюнктивистский подход Притчарда не является исключительно терапевтическим и делает значительный прогресс в понимании скептической проблемы. Однако, в его рамках природа петлевых предложений раскрывается не полностью. Наша трактовка петлевых предложений как укоренённых в реальности витгенштейновских правил позволяет усилить подход Притчарда. В конечном итоге мы утверждаем, что для устранения скептической проблемы в дизъюнктивизме нет нужды вовсе. Скептический сценарий бессмыслен, потому что всякое понимание предполагает употребление концептов, которые, в свою очередь, имеют смысл лишь в том случае, если они укоренены в реальности. Наша точка зрения согласуется с контекстуальным реализмом Ж. Бенуа, а также с позицией Р. Брэндома, согласно которой рационалисты и редуктивные материалисты разделяют общую ложную семантическую предпосылку о возможности чёткого разделения и независимой трактовки семантики и эпистемологии.

Введение

В предыдущем разделе мы показали, что теоретические подходы к проблеме скептицизма являются неудовлетворительными, поскольку они основываются на ложных метафизических предпосылках, для устранения которых требуется применить терапевтический метод Витгенштейна. В Разделе 2 мы продолжаем рассмотрение витгенштейновско-дизъюнктивистского подхода Притчарда. Мы покажем, что для решения скептической проблемы в дизъюнктивистской компоненте подхода нет нужды. На самом деле, эпистемологический дизъюнктивизм не объясняет перцептивное знание, а представляет собой его рациональную реконструкцию. Проблема скептицизма – псевдопроблема, устраняемая в рамках витгенштейновского по духу контекстуального реализма, принимающего во внимание тесную связь между семантикой, эпистемологией и онтологией, а скептический сценарий, строго говоря, бессмыслен. Мы подтвердим наш вывод ссылками на современных аналитических и континентальных философов.

3.6.3. Дискриминационные и благоприятствующие рациональные основания.

Итак, если занять позицию антискептика, то первая форма скептического парадокса утверждает наличие рационального знания отрицания скептической гипотезы (но каким образом это возможно, если мозг-в-баке имеет ту же видимость, те же мысли и доступные рефлексии рациональные основания, что и нормальный субъект?), а вторая форма парадокса утверждает наличие обыденного знания, несмотря на отсутствие дискриминационных или так называемых «благоприятствующих» рациональных оснований в пользу обыденного сценария по сравнению со скептическим. В самом деле, в обыденном сценарии дело обстоит иначе. Например, хотя в зоопарке мы не можем по внешнему виду (при помощи зрительного восприятия) отличить зебру от подделанного под зебру мула, у нас, тем не менее, есть благоприятствующие (но не дискриминационные) рациональные основания вида: «Нет смысла подделывать зебру под

мула», «Подделка дорого бы стоила и могла бы быть легко обнаружена». И так далее. Благодаря этим основаниям мы знаем, что перед нами зебра, а не подделанный под зебру мул.

Описанная ситуация есть ситуация локального скептицизма, в которой под сомнение ставится лишь ограниченное число утверждений, которые обычно считаются знанием. Основные (и общие для обыденного и скептического сценариев) петлевые предложения, в частности, отрицание скептической гипотезы, утверждение о существовании зоопарка, нас самих и так далее, сомнению не подвергаются. Указанные выше благоприятствующие основания их предполагают, на них «опираются». Но в случае радикального скептического сценария ПП нет вообще (и, следовательно, нет общих для скептического и нескептического сценариев ПП). Поэтому не имеет смысла выдвигать «благоприятствующие» рациональные основания в пользу нескептического сценария.

Мне только кажется, что передо мною компьютер, или же передо мною на самом деле компьютер? Постановка скептической проблемы такова, что у меня нет благоприятствующих оснований в пользу того, что передо мною на самом деле компьютер. Здесь, согласно Притчарду, вступает в игру эпистемологический дизъюнктивизм (ЭД). С точки зрения ЭД, у меня всё же есть одно благоприятствующее основание: доступное рефлексии фактивное основание, что я вижу, что передо мною компьютер. Это основание не дискриминационное, поскольку мозг-в-баке тоже будет думать, что у него есть это основание. В терминологии Уильямсона эта та форма скептицизма, которая основана на понятии очевидности. Скептик слишком сильно ограничивает то, что можно отнести к очевидности. Для него в плохом случае, то есть для мозга-в-баке, и в хорошем случае очевидность одна и та же. Это интерналистский подход. Очевидность мозга-в-баке значительно более бедная, так как очевидность эквивалентна знанию, а у мозга-в-баке знание об окружающем мире отсутствует.

3.6.4. Две ложные теоретические предпосылки. Притчард показывает, что два вида скептического парадокса основаны на двух ложных теоретических предпосылках. Он их устраняет, сохраняя при этом принцип замкнутости знания и принцип недоопределённости рационального обоснования.

(1). Первый вид парадокса основан на *тезисе об универсальности эпистемической рациональной оценки*, утверждающем, что нет предела для степени рациональной оценки наших мнений. В частности, допускается возможность глобальной рациональной оценки. Применение принципа замкнутости в рамках скептического парадокса как раз это и подразумевает, поскольку оно представляет собой переход от локального рационального утверждения к глобальному. Но согласно витгенштейновскому анализу структуры рациональной оценки, всякая рациональная оценка локальна и по самой своей природе предполагает нерациональное принятие некоторых (нерациональных) ПП. Неограниченное расширение области применения принципа замкнутости знания (когда ставятся под сомнение или обосновываются сами ПП) нелегитимно.

(2). Второй вид парадокса основан на *тезисе об ограниченности рациональных оснований* (insularity of reasons)¹¹⁶. Тезис утверждает, что даже наилучшие рациональные основания, которые мы имеем в пользу наших обыденных мнений, могут быть ложными, то есть, мы можем радикально ошибаться. (Этот тезис тесно связан с интуицией о новом декартовском демоне). Парадокс предполагает, что в обоих сценариях, скептическом и нескептическом, рациональные основания субъекта одни и те же¹¹⁷. Утверждение об ограниченности (insularity) рацио-

¹¹⁶ Для Уильямсона, например, это не так: очевидность, а, следовательно, и рациональные основания, разные, поскольку в обыденном сценарии у нас есть знание, а в скептическом нет. С точки зрения ЭД в обыденном сценарии у нас есть фактивные основания.

¹¹⁷ Для Уильямсона, например, это не так: очевидность, а, следовательно, и рациональные основания, разные, поскольку в обыденном сценарии у нас есть знание, а в скептическом нет. С точки зрения ЭД в обыденном сценарии у нас есть фактивные основания.

нальных оснований является именно неверным (интерналистским) тезисом, а не утверждением здравого смысла, что отвергается эпистемологическим дизъюнктивизмом (ЭД).

Поскольку первый парадокс предполагает тезис о возможности глобальной (неограниченной) рациональной эпистемической оценки, а второй – наоборот, тезис об ограниченности наших рациональных оснований, то устранение первой формы парадокса автоматически не устраняет более слабую вторую форму. На первый взгляд, мы имеем две разные скептические проблемы.

3.6.5. Устранение скептического парадокса в рамках байскопического подхода Притчарда. Анализа Колива справедливо называет подход Притчарда «странные интимные партнёры» (*strange bedfellows*). Притчард утверждает, что синтез ЭД и петлевой эпистемологии позволяет устранить недостатки обоих подходов, в то же время сохраняя их достоинства. ЭД и петлевая эпистемология усиливают и поддерживают друг друга.

I. Устранение скептического парадокса, основанного на принципе замкнутости знания: Для Притчарда, петлевые предложения/обязательства, будучи эксплицированы в виде предложений, – особые (не имеющие истинностных условий) пропозициональные установки, которые не могут быть рациональными мнениями. Поскольку они не удовлетворяют первому условию знания, к ним неприменим принцип замкнутости знания. В частности, для Витгенштейна в понимании Притчарда, отрицание скептической гипотезы есть ПП, а не рациональное мнение/знание, или знание *per se*. Поэтому принцип замкнутости знания, хотя он и является с точки зрения Притчарда универсальным принципом, к нему неприменим.

II. Устранение скептического парадокса, основанного на принципе замкнутости рациональных оснований осуществляется, как было объяснено выше, при помощи ЭД.

3.6.6. Критика I и II.

I. Первый вид парадокса

Одна из проблем заключается в том, что для Притчарда ПП – это пропозициональная установка. Если, например, пропозицию, что Земля существовала задолго до моего рождения можно логически вывести из знания, что Бородинское сражение состоялось в 1812 году, то почему нельзя сформировать соответствующее убеждение и знать, что Земля существует уже давно? На наш взгляд, лучше говорить не о логическом выводе пропозиции (которая, согласно Притчарду, ни истинна, ни ложна), а об экспликации правила. Эксплицированное правило правилом и остаётся. По определению оно не имеет истинностных условий, но его можно сформулировать в виде пропозиции. Собственно о логическом выводе можно говорить лишь в рамках одной и той же системы правил, формы жизни. Принцип замкнутости знания тоже применим лишь в рамках формы жизни, а не к её грамматике. То есть он может быть применён только для обыденных эмпирических предложений на обеих сторонах логического вывода, или во всяком случае не для петлевых предложений, а для предложений, которые познаваемы и, соответственно, могут быть мнениями.

В то же время, с точки зрения контекстуального реализма, ПП вида «Это рука», «У меня две руки», «Земля существовала задолго до моего рождения» суть правила, укоренённые в реальности. Это означает, что существуют истинные парадигматические их применения. Существуют также контексты, в которых они являются ложными эмпирическими предложениями (всё же такие контексты являются исключительными). Поэтому можно сказать, что мы действительно знаем, что у нас две руки, что Земля существовала задолго до нашего рождения и так далее. Наши правила (нормы, концепты, теории) «соответствуют» реальности. Но это не «внешняя (метафизическая) реальность», представляющая собой теоретическую конструкцию. Подобным же образом, все те обыденные вещи, о которых у меня есть эмпирическое знание, принадлежат некоторой форме жизни, а не «внешней реальности».

II. Второй вид парадокса.

Выше мы уже указывали на то, что эпистемология Витгенштейна позволяет разрешить (устранить) оба вида скептического парадокса. В самом деле, само понятие петлевого предложения (ПП), понятое в рамках контекстуального реализма как укоренённое в практике и реальности правило/норма наших нормативных эпистемических практик и форм жизни, позволяет сходу отвергнуть ложную теоретическую предпосылку скептического парадокса второго вида. В обыденном (нескептическом) сценарии существуют ПП, которых нет в скептическом сценарии. Поэтому структура рациональности в двух сценариях будет различной. Чтобы это утверждать, нет необходимости прибегать к помощи ЭД. Поскольку ПП могут быть сделаны эксплицитными, я могу иметь рациональное знание (знание, что я знаю), что передо мною компьютер, что у меня две руки и так далее. Знание в обыденном сценарии основано на ПП. Это знание предшествует доступным рефлексии фактивным основаниям, о которых говорит ЭД, объясняет последние, а не наоборот. У мозга-в-баке нет ПП (во всяком случае, у него нет тех ПП, которые есть у нас), поэтому у него нет и знания о том, что перед ним компьютер, что у него две руки и так далее.

3.6.7. Петлевое предложение «Я не мозг-в-баке». Притчард рассматривает отрицание скептической гипотезы как ПП, которая является промежуточной между зависящими от контекста персональными ПП типа «Я говорю по-русски», «Я никогда не был на Луне», «Меня зовут Игорь» и не зависящим от контекста «над-петлевым» (über-hinge) предложением, что мы не можем радикально ошибаться в наших убеждениях. Персональные ПП кодируют (каждая по-своему) одно общее, не зависящее от контекста над-ПП, играющее роль общего ядра и представляющее собой отрицание радикальной ошибочности наших мнений. Мы не можем ошибаться во всём. Однако, философский скептический сценарий эксплицитно ставит под сомнение «над-петлевою» достоверность. Поэтому отрицание скептической гипотезы является не зависящей от контекста и общей для всех персональных петель петлей – прямое следствие принятия над-ПП.

На первый взгляд, вместе с Притчардом мы можем утверждать, что «Я не мозг-в-баке» – ПП. Эквивалентным образом, к ПП мы можем отнести предложение о существовании внешнего мира¹¹⁸. В то же время, мы подозреваем, что приписывая предельно теоретическим предложениям «Я не мозг-в-баке», «Внешний мир существует» статус ПП, вводя над-ПП, Притчард злоупотребляет витгенштейновским подходом. Вместо этого следует внимательно проанализировать сам концепт реальности и связь между семантикой, эпистемологией и онтологией. В парадигматических случаях наши концепты по самой своей природе, как правило, отсылают к тому, к чему они предназначены отсылать. Не существует никакого трансцендентального ПП, в том числе и над-ПП. Если мы не уверены, что части нашего тела и окружающие нас вещи реальны, то мы просто не владеем концептом реальности.

В конечном итоге разделение на внешний и внутренний миры не имеет смысла. Мы сами часть реальности. Между нашим (неконцептуализированным) перцептивным опытом и реальностью, как утверждает Бенуа, нет никакой дистанции. Поэтому не существует никакой эпистемологической проблемы доступа к реальности.

¹¹⁸ На самом деле, между ними можно сделать различие. Предположим, что «Внешний мир существует» – ПП (логический, а не субстанциальный тезис). Но если само различие между внешним и внутренним мирами ложно, следует ли нам говорить о внешнем мире, хотя бы даже и в логическом смысле? Можно, например, сказать, что «Вода есть H₂O» – ПП. Но вода действительно есть (объект) H₂O. Предложение о воде осмысленно. «Внешний мир», однако, не объект. Поэтому, на наш взгляд, предложение «Внешний мир существует» следует скорее понимать в смысле категориального утверждения о реальности, то есть как утверждение позиции реализма. Напротив, предложение «Я не мозг-в-баке» есть отрицание предложения «Я мозг-в-баке». Если последнее предложение бессмысленно (а оно бессмысленно, если скептический сценарий, как утверждает Витгенштейн, бессмысленен), подобно тому, как бессмысленно предложение «Коты растут на деревьях», то бессмысленно и его отрицание (подобно тому, как бессмысленно предложение «Коты не растут на деревьях» (пример Витгенштейна) – это предложение лишь имеет видимость осмысленности и истинности). Можно ли тогда назвать отрицание бессмысленного предложения – «Я не мозг-в-баке» – ПП?

4. Эпистемологический дизъюнктивизм (ЭД) излишен

4.1. Рациональность локального знания

Притчард утверждает, что рациональное знание об обыденных вещах, гарантируемое ЭД, облегчает принятие локального характера нашей рациональности, утверждаемого витгенштейновской эпистемологией, то есть усиливает витгенштейновское устранение первого вида парадокса. Мы оспариваем это заключение Притчарда, а также его утверждение, что для решения второго вида парадокса витгенштейновская эпистемология неприменима. На наш взгляд, Притчард понимает витгенштейновскую эпистемологию ограниченно – лишь как утверждение о локальном характере нашей рациональности. Другими словами, он понимает её чисто эпистемологически, не анализируя сам концепт реальности. Притчард считает, что логически могло бы быть и то, и другое: рациональные основания существенно локальны и в то же время они удовлетворяют об ограниченности рациональных оснований (именно поэтому вдобавок к витгенштейновской петлевой эпистемологии ему нужен ЭД). Однако заметим, что согласно витгенштейновскому контекстуальному реализму, локальны они именно потому, что они укоренены в реальности – локальность и означает укоренённость в реальности. Но тогда не может быть верен тезис об ограниченности рациональных оснований, который как раз и отрывает рациональные основания от реальности, интернализирует их. Рациональное основание, оторванное от реальности, оказывается псевдорациональным основанием. Таким образом, локальность рациональных оснований автоматически означает, что структура рациональности и у меня, и у мозга-в-баке различная. ЭД, на наш взгляд, пытается принять сказанное выше на свой теоретический манер, как тезис о существовании доступных рефлексии фактивных рациональных оснований. Притчард также считает, что чтобы утверждать, что наша существенно локальная рациональность (поскольку она всё-таки локальная) является подлинной, *bona fide*, также дополнительно требуется ЭД. Однако псевдорациональные основания, как уже сказано выше, возникают именно из-за их неукоренённости в реальности, о которой мы только что говорили. ЭД излишен.

4.2. Неразделимость семантики, эпистемологии и онтологии

В парадигматических случаях зрительного восприятия витгенштейновская эпистемология объясняет знание не хуже ЭД. Например, знание, что это рука (если речь не идёт о ПП), возникает в рамках языковой игры корректного применения концепта «рука», который играет роль, аналогичную роли ПП. Просто утверждать, что «Это рука» – ПП, хотя и позволяет устранить проблему эпистемического фундамента, оставляет нерешённым вопрос о том, действительно ли рука как реальный объект существует. В рамках языковой игры применения концепта «рука», при нормальных условиях семантика, эпистемология и онтология не отделимы друг от друга. Как пишет Витгенштейн в *О достоверности*: «Рискни я усомниться, что это моя рука, – как бы я умудрился побороть сомнение в том, что слово “рука” вообще имеет какое-то значение? Так что это я, видимо, все-таки *знаю*» (§ 369). Рациональность локального знания не просто совместима с принципиальным отсутствием глобальной эпистемической оценки, но и, на самом деле, предполагает его. Глобальная рациональная оценка означала бы отсутствие какой-либо укоренённости мнений в реальности, то есть отсутствие какого-либо знания или даже содержательных мнений. Для борьбы с радикальным скептицизмом нам не требуется помощь фактивных оснований, не требуется специфический тезис, каковым является ЭД.

4.3. Эпистемологический дизъюнктивизм (ЭД) как рациональная реконструкция

Мы полагаем, что правильный ход рассуждений здесь следующий: я вижу, что p , и, следовательно, знаю, что p (перцептивный опыт, что p , – способ знать, что p). Я также знаю, что я знаю, что p , так как в парадигматическом случае у меня есть рефлексивный доступ к моему знанию, что p . То есть я знаю, что я знаю, что p , посредством зрительного восприятия: я знаю, что я вижу, что p . Таким образом, сначала знание, что p , и лишь затем знание, что я вижу, что p . ЭД утверждает обратное: сначала знание, что я вижу, что p , то есть рефлексивный доступ к фактивному основанию «Я вижу, что p » для моего мнения, что p , и лишь затем знание, что p , как истинное фактивно обоснованное мнение, что p . Таким образом, ЭД переставляет местами причину и следствие, рационализирует, реконструирует то, что происходит в действительности.

На самом деле, в парадигматических случаях перцептивного знания мы не выводим рефлексивно-логически наше знание, что p , из нашего зрительного опыта, что p . Мы знаем, что p , непосредственно в самом опыте. Мы согласны с Уильямсоном, что наше перцептивное знание не базируется на рациональных основаниях. Для нас, как и для Уильямсона (и мы полагаем, что об этом также говорит Витгенштейн), видеть, что p , является одним из способов знать, что p . Мы также согласны с Клэйтоном Литлджоном, что большая часть нашего перцептивного знания может рассматриваться как результат действия наших идентификационных способностей при подходящих условиях.

Притчард говорит, что фактивное основание «я вижу, что p » (то есть знание, что я вижу, что p), – эмпирическое рациональное основание, которое приобретает перцептивным путём (это позволяет, согласно ему, решить кажущуюся проблему априорного (рефлексивного) доступа к эмпирическому факту). Но почему нельзя сказать, что эмпирическим путём сразу же приобретает знание, что p ?

4.4. Позиция Бенуа: ни дизъюнктивизм, ни конъюнктивизм

Согласно терапевтической точке зрения Бенуа, дизъюнктивизм и конъюнктивизм содержат общие ложные метафизические предпосылки. Обе эти позиции – эпистемологические. Перцепция, однако, относится к порядку бытия, а не к порядку познания. Непонимание этого имеет негативные эпистемологические последствия. Например, в общем случае нельзя сказать, что галлюцинация вводит в заблуждение. Правильнее сказать, что это патологический случай перцепции. В известном смысле конъюнктивизм утверждает конъюнкцию отрицаний двух составляющих дизъюнктивизма. Бенуа предлагает следующую альтернативу схоластическому теоретизированию: «ни дизъюнктивизм, ни конъюнктивизм». Он предлагает скорректировать дизъюнкцию, принимая во внимание, что в обыденном языке нет места для «или ... или ...». Следует говорить не: $p \vee q$, а просто – p . (См. также [5, ch. 5].) На наш взгляд, эта позиция совместима со ЭСЗ Уильямсона. Для Уильямсона два дизъюнктивистских опыта, p и q , не равноправны. Зрительная иллюзия (перцепция – видимость), – быть может, соответствующая реальности, но, в то же время, не находящаяся в подходящей причинной связи с нею, – подразумевающая формирование соответствующего суждения и мнения, есть отклонение от знания – подлинного концептуализированного опыта (опыта, что p , который есть способ знать, что p). Это отклонение обусловлено нарушением когнитивного процесса. Поэтому нельзя сказать: $p \vee q$, но можно сказать – p , допуская при этом, что суждение может оказаться ложным или необоснованным.

5. Против релятивизма и непреодолимых разногласий

Может возникнуть скептическое беспокойство по поводу необоснованности самих петлевых предложений (ПП), а также их произвольности, радикальной несоизмеримости. Как пишет Витгенштейн в «О достоверности»: «где действительно сталкиваются два непримиримых

мых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком» (§ 611). Если предположить, что радикально отличные эпистемические системы, то есть системы основанные на радикально отличных ПП, несоизмеримы, то возникает релятивизм относительно эпистемического обоснования и знания.

В то же время, можно утверждать, что согласно Витгенштейну и Дэвидсону, наши ПП, формы жизни, концептуальные схемы не могут различаться настолько радикально, чтобы разрешение разногласий не было возможно в принципе. В противном случае мы бы просто не поняли друг друга. Притчард оспаривает радикальную несоизмеримость ПП при помощи понятия над-ПП, существование которых есть условие рациональности, осмысленности. Поскольку все ПП – различные выражения общего над-ПП – висцеральной арациональной достоверности, что мы радикально и фундаментально не ошибаемся в наших мнениях, все они имеют несколько отличные содержания, то есть не могут по-настоящему противоречить друг другу. Согласно Витгенштейну, наши ПП поддерживаются всем зданием мнений, которые их предполагают. Следовательно, изменяя постепенно эти мнения, мы можем в конечном итоге изменить и сами ПП. Витгенштейновская метафора реки и её русла, согласно которой ПП могут менять свой статус и эволюционировать, указывает на это решение. По большому счёту мы все в одной реке. Рациональное разрешение наших разногласий в принципе возможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.